Шкафъ 12
Полка 5
№ 575.
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

15. 3. 3.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1872

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ, ОДИНАДЦАТАЯ И ДВѢНАДЦАТАЯ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ, ОДИНАДЦАТАЯ И ДВѢНАДЦАТАЯ— ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ 1872.

I. — ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 29 МАЯ 1872 г., ПОСВЯЩЕННАГО ВОСПОМИНАНІЯМЪ РЕФОРМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, СОВЕРШЕННЫХЪ ИМЪ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ПРАВА. 7

II. — ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦІЯ ПРЕСТУПЛЕНІЙ КАКЪ ПРЕДМЕТЪ СУДЕБНЫХЪ ПРЕНІЙ. — **П. Н. Обнинскаго** 21

III. — СРЕДСТВА КЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ ПЬЯНСТВА (съ франц.)—**Г. Г. Щуровскаго.** 33

IV. — ОПЫТЪ КОММЕНТАРІЯ на 171 и 173 статьи X т. 1 ч. Зак. Гражд. (въ отношеніи принципа объ обязательномъ обученіи грамотѣ въ Россіи) — **А. Л.....го.** 56

V. — ПРОЦЕССЪ ГЕНЕРАЛА ТРЮШО ПРОТИВЪ ДЕ-ВИЛЬМЕСАНА И ОГЮСТА ВИТЮ. (Обвиненіе въ диффамаціи и оскорбленіи представителя общественной власти). 105

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

VI. — ОБЪ АПЕЛЛЯЦІОННОМЪ РАЗСМОТРѢНІИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ МИРОВОМЪ СЪѢЗДѢ. (Разъясненіе 168 ст. уст. угол. суд.).—**П. Хохрякова.** 1

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1872

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОКТ., НОЯБРЬ и ДЕК.

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ОБЪ ИЗДАНІИ
ВЪ 1873 ГОДУ
МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ЖУРНАЛА
„ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Интересъ, значительно возбужденный къ „**Юридическому Вѣстнику**“ съ конца 1871 года, не перестаетъ сказываться до послѣдняго времени, несмотря на нѣкоторую запоздалость выхода книжекъ въ текущемъ году.

Это вниманіе къ „**Юридическому Вѣстнику**“ со стороны читающей публики самымъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о потребности въ настоящую минуту для нашего общества юридическаго журнала съ тѣмъ направленіемъ и при томъ характерѣ, какіе усвоены нашимъ журналомъ за послѣдніе два года.

Что касается нѣкоторой отсталости выхода книжекъ „**Юридическаго Вѣстника**“ въ настоящее время, то Редакція не можетъ не сознаться, что истекающій годъ изданія журнала прошелъ среди крайне неблагопріятныхъ, въ значительной мѣрѣ не зависящихъ отъ редакціи обстоятельствъ. Всякій, сколько-нибудь знакомый съ журнальнымъ дѣломъ, понимаетъ съ какими, подъ-часъ непредвидѣнными препятствіями, приходится бороться редакціи повременнаго изданія на первыхъ порахъ ея существованія. Тѣмъ не менѣе двухлѣтній опытъ изданія „Юри-

дическаго Вѣстника“ подъ новою редакціею далъ достаточныя практическія указанія послѣдней избѣжать на будущее время всякаго рода неудобствъ, прежде всего невыгодно отзывающихся на своевременности выхода въ свѣтъ книжекъ журнала.

Предпринимая продолженіе изданія „Юридическаго Вѣстника“ на 1873 годъ, Редакція, въ интересахъ разносторонности и большей законченности рубрикъ журнала, будетъ раздѣлять въ 1873 году свои занятія съ слѣдующими, принявшими на себя постоянное завѣдываніе отдѣльными частями журнала-лицами:

1) Отдѣломъ вообще уголовнаго права будетъ завѣдывать **И. М. Остроглазовъ.**

2) Гражданскаго права—**Н. П. Ляпидевскій.**

3) Кромѣ того съ слѣдующаго года Редакція предполагаетъ ввести въ журналъ особый отдѣлъ—извлеченій изъ кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената, завѣдываніе которымъ принимаютъ на себя: по уголовнымъ дѣламъ—**А. Н. Поповъ**, по гражданскимъ—**Л. Ф. Снегиревъ** и **А. М. Хоткевичъ**.

4) Затѣмъ ежемѣсячное обозрѣніе текущихъ явленій въ сферѣ юридической жизни будетъ, по примѣру 1871 года, постоянно вести **В. И. Кохновъ.**

Оставаясь такимъ образомъ въ предѣлахъ прежней программы, „**Юридическій Вѣстникъ**“ пріобрѣтетъ съ будущаго года большую полноту и законченность содержанія помѣщающихся въ немъ статей, пользуясь по прежнему трудами слѣдующихъ лицъ: **М. Града, Л. А. Куперника, С. О. Милашевича, И. Ю. Некрасова, П. Н. и А. Н. Обнинскихъ Д. П. Тихомирова, И. И. Тоблера, Г. Е. Успенскаго С. С. и А. С. Шайкевичей** и др.

Кромѣ того журналу обѣщано содѣйствіе профессоровъ Московскаго Университета: **С. И. Баршева, В. К. Саблера** и **В. А. Умова.**

„**Юридическій Вѣстникъ**“ будетъ выходить въ 1873 г. непремѣнно около 20 числа каждаго мѣсяца.

Цѣна за 12 книжекъ остается прежняя 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ — **И. П. Анисимова** на Никольской улицѣ, **А. Л. Васильева** на Страстномъ бульварѣ, **А. И. Глазунова** на Кузнецкомъ мосту, **И. Г. Соловьева** на Страстномъ бульварѣ, а также въ Редакціи **Юридическаго Вѣстника** на Малой Бронной въ домѣ Фальковской.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ **И. П. Анисимова** рядомъ съ Императорской Публичной библіотекой.

Редакторы: **В. Н. Лешковъ.**
А. М. Фальковскій.

ПРОТОКОЛЪ
МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
29 мая 1872 г. *)

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
ВЪ ЕГО УКАЗАХЪ О НАРОДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

„Петръ преклонился предъ западомъ и всталъ нашимъ повелителемъ и законодателемъ; онъ ввелъ въ нашъ языкъ слова запада; свою новую столицу назвалъ именемъ запада; бросилъ свой наслѣдственный титулъ и принялъ титулъ запада; онъ почти отказался отъ своего имени и подписывалъ свои верховныя рѣшенія именемъ запада.“ Антологія сумасшедшаго. Чаадаева. По Пыпину „Вѣсти. Европы“ 1871, кн. 12.

„Полиція есть душа гражданства“. Слова Петра Великаго.

Мм. Гг.!

Народъ есть такой же самобытный организмъ, какъ внѣшняя природа и если въ природѣ ничто не уничтожается, то въ жизни народа, въ его исторіи также ничто народное не исчезаетъ. Конечно, при этомъ не разумѣются событія, служащія оболочкою, проявленіемъ народной мысли, народной

*) Это засѣданіе Общества исключительно посвящено было воспоминаніямъ реформъ Петра Великаго, совершенныхъ имъ въ области русскаго права. Предсѣдателемъ Общества В. Н. Лешковымъ прочтена была рѣчь: „Петръ Великій, въ его указахъ о народной промышленности“. Затѣмъ секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ произнесена была краткая рѣчь: „О гражданскихъ реформахъ Петра I“. Участвовавшіе въ этомъ засѣданіи члены Общества весьма сочувственно отнеслись къ выслушаннымъ ими и приводимымъ ниже рѣчамъ.

воли и народныхъ принциповъ, а направленія этой мысли и этой воли, принципы и начала народной жизни. Въ этомъ смыслѣ прошедшее, настоящее и будущее народа лежитъ въ его природѣ, составляя основы для бытія и для развитія народа. Въ этомъ смыслѣ прошедшее народа не только было, но есть, и соединяясь съ настоящимъ, раждаетъ его будущее.

Торжествуя тѣ или другія проявленія прошедшаго, мы торжествуемъ происхожденіе, или установленіе, или современное господство извѣстнаго начала въ насъ и среди насъ. Такъ празднуя нѣсколько лѣтъ тому назадъ тысячелѣтіе физическаго и политическаго бытія Россіи, мы праздновали твердость ея и вѣрность принципу, положенному въ основу ея бытія 862 года. Такъ, когда придетъ чрезъ сто лѣтъ время празднованія духовнаго рожденія Россіи посредствомъ крещенія, народъ нашъ отпразднуетъ свою твердость въ вѣрѣ и свою вѣрность началу православія.

На томъ же основаніи русскій народъ, показавшій въ исторіи свое твердое стояніе за свою внѣшнюю свободу, имѣлъ право встарину праздновать свое освобожденіе отъ двухъсотлѣтняго монгольскаго ига, а впослѣдствіи отъ столь же продолжительнаго преобладанія Польши и Швеціи.

Наконецъ въ наши дни мы не можемъ не праздновать возстановленія нашей внутренней свободы, совершеннаго державною волею Императора Александра II, упразднившаго рабство крестьянъ, воскресившаго древній русскій устный и состязательный судъ, и воззвавшаго народъ къ его первобытной земской самодѣятельности послѣ двухсотлѣтняго господства иноземнаго начала: „полиція есть душа гражданства“, т.-е. вообще населенія, почитавшагося только тѣломъ, веществомъ, матеріею для полиціи.

Тѣнь Великаго Петра была бы оскорблена, еслибы увидала теперь коснѣніе Россіи въ формахъ, нѣкогда предписанныхъ ей самимъ Петромъ. Она бы съ гнѣвомъ отвернулась отъ нашей Выставки, если бы тутъ являлись только тѣ вооруженія, оснащенія, пушки, мундиры, сукна, полотна, даже бритые подбородки, которые указаны были для Россіи во

время Петра Великаго. Напротивъ тѣнь великаго мужа дѣйствія должна радоваться всякому развитію Россіи, хотя бы оно избрало путь, противоположный взгляду случайно господствовавшему въ правленіе перваго нашего императора. И не считаю неумѣстнымъ представить здѣсь, въ эту торжественную минуту, распоряженія Петра Великаго относительно промышленности, которыя были заняты съ запада цѣликомъ, отъ которыхъ мы теперь совершенно отклонились и которыя въ наше время могутъ быть названы чѣмъ-то вродѣ историческихъ курьезовъ, подобно ботику Петра и его дубинкѣ.

Въ наше время мы считаемъ промышленность частью той народной дѣятельности, которая вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ ведетъ народъ къ цивилизаціи. Петръ Великій смотрѣлъ на промышленность также какъ на дѣятельность народа, но въ значеніи повинности, лежавшей на простомъ народѣ подобно тому, какъ служба повинностью лежала на шляхетствѣ и духовенствѣ. Промышленность была обязательною, натуральною, личною повинностью крестьянъ и горожанъ, какъ ученье составляло повинность дворянъ и духовенства. Ни промышленность, ни просвѣщеніе не были по указамъ того времени правомъ или предметомъ притязанія со стороны народа, а только обязанностями народа относительно казны и государства. Казна и государство регламентировали промышленность согласно своимъ цѣлямъ.

Петръ Великій первый въ Россіи раздѣлилъ промышленность на сельскую и городскую, отдѣляя по западному стѣнами, рвами и правами города отъ селъ и городскіе промыслы отъ сельскихъ. Сельскіе: хлѣбопашество, луговодство, скотоводство и т. п. принадлежали землевладѣльцамъ и крестьянамъ, а городскіе: ремесла, заводы, фабрики, торговля— однимъ цеховымъ да гильдейскимъ городскимъ обывателямъ. Для нашей цѣли, состоящей въ изложеніи петровской промышленной регламентаціи, мы воспользуемся современнымъ дѣленіемъ промышленности на *добываніе*, *обработку* и *доставку* потребителю т.-е. торговлю, замѣтивъ вообще, что для добыванія нужна преимущественно физическая сила, работа,—

для обработки нужна и работа и умственное напряженіе или трудъ,—а для торговли всего болѣе нужны умѣнье, ловкость, знаніе, соображеніе, вообще трудъ. Посмотримъ же, что значило регламентировать промышленность въ ея различныхъ элементахъ и какіе изъ того должны были выйти результаты?

Регламентировать промышленность значило указать ей цѣль чисто внѣшнюю для ея природы и все направить къ этой цѣли, посредствомъ особаго административнаго аппарата: помѣщиковъ, старостъ, прикащиковъ, альдермановъ, ратушъ, магистратовъ, коллегій, сената. Такою цѣлью были объявлены деньги для пользы казны и для войны. Регламентировать промышленность значило далѣе начертать планъ для дѣятельности народа, предписавъ кто изъ его среды, что и какъ долженъ дѣлать, отъ простыхъ рабочихъ съ ихъ прикащиками и хозяевами до цеховъ и гильдій и такимъ образомъ устроить изъ народа родъ мирной рабочей арміи. Регламентировать промышленность затѣмъ значитъ однихъ принудить къ работѣ надзоромъ и наказаніями, а другихъ вызвать къ нежеланному для нихъ труду посредствомъ психическаго насилія, наградами, монополіями, привилегіями. Вообще регламентировать промышленность значило, съ одной стороны, стѣснять, часто уничтожать личную свободу, напр. рабочихъ, крестьянъ, а съ другой, отрицать право собственности нетолько въ землѣ и въ недвижимомъ, подобно распоряженію о первородствѣ, но и въ движимомъ, въ капиталахъ, въ деньгахъ долженствовавшихъ двигаться и обращаться по волѣ правительства и разными сборами восходить къ казнѣ. Перейдемъ къ подробностямъ, доказывающимъ и объясняющимъ эти начала.

I. Понятно, что въ добывающей промышленности временъ Петра Великаго не могло быть помину о вольно-наемномъ трудѣ,—напротивъ все дѣлалось по началу крѣпостнаго права, да по закону принужденія и наказанія. Мало распоряженій о хлѣбопашествѣ, луговодствѣ, огородничествѣ, потому что все тутъ предоставлено надзору начальства и его дѣятельности. Дѣло поручено было Камеръ-Коллегіи, по нашему

министерству финансовъ, съ тѣмъ, чтобы „каждое начальство въ провинціяхъ и городахъ прилежно исправляло, что къ общему исправленію и экономству принадлежитъ—и того ради съ губернаторы и воеводы прилежно корреспондовать." Сверхъ того дѣло сельскаго хозяйства предоставлено помѣщикамъ, которые съ прикащиками „накрѣпко смотрѣли за крестьянами, дабы они землю хорошенько снабдѣвали и болѣе хлѣбнаго всякаго сѣву умножали". Въ такомъ же родѣ былъ указъ о томъ, „чтобы отнынѣ (1721) хлѣба въ Россіи не жать (серпами), а косить, что предъ нашими (sic) серпами гораздо спорѣе".

Добываніе минераловъ, соли и жемчугу весьма много заботило царя Петра. Встарину соль, какъ необходимая принадлежность продовольствія, была предметомъ свободнаго промысла, но уже съ 1697 г. появляются другія распоряженія, напр. объ отдачѣ зырянскихъ соляныхъ заводовъ съ крестьянами Григорію Строгонову подъ условіемъ доставлять въ казну 100,000 пудъ безденежно, продавать остальное по извѣстной таксѣ, и за то вносить въ казну ежегодно 11,000 р. Послѣ того шли распоряженія объ отобраніи всей соли въ казну и наоборотъ объ отдачѣ добыванія соли въ руки прежнихъ заводчиковъ, обязавъ ихъ ежегодно вываривать извѣстное количество соли и т. п. Относительно жемчуга указы того времени увѣряютъ, что въ русскихъ рѣкахъ и рѣчкахъ много жемчугу да народъ не желаетъ ловить его, а потому для смотрѣнія за этой ловлей приставляются особые офицеры, которые подъ присягой обязаны были разрѣшать ловлю только знающимъ, умѣлымъ людямъ. Вѣроятно, однимъ изъ такихъ офицеровъ былъ Вельяминовъ, получавшій для удобства пріиска и подводы и деньги и рабочихъ знающихъ людей, охочихъ или *неволею*.

Объявивъ руды, ихъ добываніе и рудокопные заводы принадлежащими одному монарху, Петръ Великій милостиво дозволяетъ всѣмъ и каждому заниматься добываніемъ металловъ, на собственныхъ и на чужихъ земляхъ тѣхъ хозяевъ, которые сами того не дѣлаютъ, дабы „Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось." Впрочемъ вся эта добыча

находилась подъ надзоромъ Бергъ-Коллегіума и подъ его указами, была обложена пошлиною въ казну 10%, и подлежала сбыту только въ казну по опредѣленной цѣнѣ и т. д. Причемъ правительство однакожь заявляло, что частныхъ заводовъ оно никогда не отниметъ.

Но современные указы о лѣсахъ не могли поддерживать вѣру въ подобныя заявленія. Запрещенія расчищать собственные лѣса на разстояніи 20, 30, или даже 50 верстъ по обоимъ берегамъ рѣкъ, подъ страхомъ штрафа и казни; передача всѣхъ лѣсовъ частныхъ въ управленіе адмиралтействъ-коллегіи и угроза наказанія даже хозяевъ линьками, кошками, шпицрутенами, кнутомъ и смертію за порубку, особенно дуба; указы о дубовыхъ гробахъ напр., предписывавшіе священникамъ не предавать погребенію тѣлъ, положенныхъ въ такіе гробы и т. д., все это явно стремилось разрушить всякое довѣріе къ праву частной собственности.

Заключимъ обозрѣніе сельскаго хозяйства указаніемъ на разведеніе въ Россіи шленскихъ овецъ, вывезенныхъ изъ Силезіи и розданныхъ 1722 многоотчиннымъ помѣщикамъ или проще ихъ крестьянамъ, по желанію и противъ воли, для надзора и ухода. Только чрезъ два года послѣ этой раздачи посланъ за-границу майоръ Кологривовъ съ нѣкоторыми дворянами для изученія овцеводства. Понятно, что учрежденные до того овчарные заводы, по непривычкѣ крестьянъ къ уходу за ними, должны были оказаться неудачными и за это-то иные начальные малороссійскіе люди были признаны нерадивыми къ пользамъ отечества и законно казнены.

II. Промышленность обработывающая является, какъ извѣстно, въ формѣ ремеслъ, заводовъ и фабрикъ, — ремеслъ, производившихся при Петрѣ Великомъ цехами, и заводовъ и фабрикъ, вызывавшихъ работу крѣпостныхъ и посессіонныхъ крестьянъ да привиллегированный трудъ капиталистовъ или хозяевъ.

По указу о цехахъ велѣно всѣхъ ремесленныхъ людей въ городахъ писать въ цехи, впрочемъ по желанію, прибавляетъ указъ и затѣмъ предписываетъ, чтобы на рынкѣ продавались издѣлія только снабженныя клеймами, а неклейменыя были

бы сломаны, распороты, изрублены. Очевидно что въ продажѣ могли находиться только издѣлія мастеровъ, записанныхъ въ цехи; города и въ нихъ мастера получили исключительное право производить ремесла, но не въ свою пользу. Сверхъ найма мастера, на издѣліи должно было находиться клеймо альдермана, безъ чего издѣліе опять не поступало въ продажу или подвергалось уничтоженію; альдерманъ же безапелляціонно, произвольно могъ наложить свое клеймо на издѣліе мастера или отказать въ томъ, и вся монополія мастерства такимъ образомъ переходила исключительно въ руки альдермановъ. Такъ альдерманъ по закону становился настоящимъ хозяиномъ и господиномъ какъ мастеровъ, такъ подмастерья и учениковъ, тѣмъ болѣе, что по закону-же онъ могъ лишать мастера его учениковъ, безапелляціонно рѣшать всѣ споры между закащиками и мастерами, и свободно распоряжаться пріемомъ въ цехъ новыхъ мастеровъ и вытѣсненіемъ прежнихъ.

Заводъ и фабрика различаются между собою тѣмъ, что заводъ извѣстенъ былъ у насъ изстари, и такимъ образомъ матеріалъ для него данъ въ производительности Россіи, а фабрика—новое слово и дѣло, съ матеріаломъ, который выписывался изъ-за-границы напр. шелкъ и сначала даже тонкая шерсть для суконъ и т. д. Отсюда названія для заводовъ литейныхъ, чугунныхъ, солеваренныхъ, кирпичныхъ, винокуренныхъ, свеклосахарныхъ и названія для фабрикъ ситцевыхъ, шелковыхъ, суконныхъ, парчевыхъ и т. д. Главное значеніе этого различія состояло въ томъ, что по мѣстному происхожденію матеріала для завода, мѣстные крестьяне могли быть тутъ рабочими и рабочими привычными и способными, а по иноземному происхожденію матеріала для фабрики, она могла быть открыта въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ угодно, но повсюду безъ наличности рабочихъ, которыхъ должно было набирать, пріурочивать, пріучать, обративъ въ крѣпостное посессіонное положеніе. Рабочіе фабрикъ сдѣлались новыми крѣпостными людьми своихъ хозяевъ, которые по регламенту мануфактуръ-коллегіи стали новыми помѣщиками въ Россіи. Рабочіе не могли перехо-

дить съ фабрики на другую по своему желанію, рабочіе даже завѣдомо бѣглые не подлежали выдачѣ съ фабрики, такъ что въ этомъ случаѣ не было суда о бѣглыхъ; рабочіе какъ крѣпостные подлежали различнымъ наказаніямъ со стороны своихъ хозяевъ.

Зато хозяева фабрикъ пользовались различными привилегіями—ссудами изъ казны, льготами отъ пошлинъ, свободою отъ службы, правомъ вызывать иноземныхъ мастеровъ, а также обезпеченнымъ сбытомъ своихъ продуктовъ напр. въ казну и дешевизною матеріала если онъ находился въ Россіи напр. шерсть, которой вывозъ былъ запрещенъ.

III. Торговля. Какъ сенатъ долженъ былъ заботиться преимущественно о деньгахъ, служившихъ „артеріею войны;“ такъ Коммерцъ-Коллегія обязана была тщиться, чтобы „наши товары болѣе на деньги продавать“. Деньги стали цѣлью всей народной дѣятельности. Конечно съ этою цѣлью торговля объявляется монополіею городовъ, а въ городахъ — извѣстныхъ гильдій, въ гильдіяхъ-же старшинъ, которые преимущественно наблюдали за сборами податей и сборовъ и отвѣчали своимъ имуществомъ и своею личностью за всякій недоборъ, а потому получали возможныя права надъ подчиненными. Изъ городовъ Петербургъ особенно пользовался правомъ торговли, а въ Петербургѣ въ особенности казна и конечно иноземные торговые дома и конторы. Таковъ общій видъ торговой регламентаціи, обезпеченной устройствомъ особаго надзора за торговлей со стороны оберъ-инспекторовъ коммерціи, окладчиковъ, ратушъ, магистратовъ, главнаго магистрата, оберъ-фискала, коммерцъ-коллегіи и сената.

Двѣ-три подробности изъ указовъ, для приданія наглядности. Купеческіе гильдейскіе старшины и старосты съ товарищами были и окладчиками и сборщиками и „буде чего не выберутъ на купечествѣ, то добирать съ нихъ вдвое или быть имъ въ разореніи—имѣніе ихъ конфисковать, а самихъ съ семействами ссылать“. Послѣ разныхъ частныхъ мѣръ имѣвшихъ цѣлью направить русскую торговлю къ Петербургу, наконецъ узаконено: $^1/_6$ часть всего отпуска изъ Россіи отправлять не-

премѣнно чрезъ Петербургъ а не чрезъ Архангельскъ, который съ того времени подпалъ опалѣ и долженъ былъ заглохнуть.

Монополія казны въ торговлѣ обезпечена была множествомъ указовъ съ запрещеніемъ напр. частнымъ людямъ подъ смертною казнію торговать ревенемъ, подъ страхомъ пени—дегтемъ, колошатью, мѣломъ; или напр. съ требованіемъ продавать въ казну 100,000 пуд. юфти, потому что казнѣ нужно пріобрѣсти векселя *на иноземцевъ* и т. д.

Мм. Гг! Въ отвлеченіи, въ такъ называемой экономической наукѣ или въ наукѣ о полезномъ, для каждой системы и для каждаго положенія можно отыскать тѣ-другія основанія, соображенія, доказательства. И меркантилизмъ, и система laisser aller, и коммунизмъ, и соціализмъ до сихъ поръ не опровергнуты во всѣхъ ихъ частностяхъ и положеніяхъ. Понятіе или представленіе о пользѣ безконечно растяжимо какъ всякое отвлеченіе. И вотъ почему экономическія соображенія не могутъ служить основою для права, которое напротивъ одно освящаетъ и установляетъ понятіе объ истинной общественной пользѣ. Время Петра Великаго потому именно важно въ нашей исторіи, что представляетъ экспериментъ построенія права на началѣ пользы. Наше время тѣмъ отличается отъ прошедшаго, что силится всѣ явленія жизни подчинить идеѣ права. Не полиція служитъ у насъ душею гражданства, по выраженію царя Петра, а право и правда, по ученію его современника русскаго крестьянина Посошкова. И вотъ почему считаю совершенно законнымъ и разумнымъ сверхъ гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права обращать и обратить вниманіе юристовъ на русское общественное право, которое имѣетъ своею задачею и въ работу, и въ трудъ, и въ промыслы, и въ промышленность внести идею справедливости въ замѣнъ регламентаціи, ведшей къ работѣ крѣпостной, къ насилію въ трудѣ, къ отрицанію самаго гражданскаго права и къ произвольнымъ распоряженіямъ въ уголовномъ. Экспериментъ сдѣланъ; воспользуемся разумными выводами.

Мм. Гг! Обратимся къ нынѣшнему празднику.

Твердили намъ долго и твердятъ доселѣ, что Петръ Вели-

кій прорубилъ для русскаго народа окно въ Европу, но забываютъ прибавить что для нашего народа окна въ Европу мало, что окно прорублено въ чужой стѣнѣ и что затѣмъ должны были послѣдовать бреши, проломы, а наконецъ уничтоженіе всѣхъ препятствій, нетолько къ заимствованію или подражанію, но и къ сближенію — и уже не силою вторженія, а совмѣстнымъ съ Европою движеніемъ Россіи къ разработкѣ идей свободы и права, знанія и просвѣщенія. Таковъ, по нашему убѣжденію, смыслъ послѣдняго двухсотлѣтія Россіи и таково наше право на торжество дня,—право, данное современной Россіи благою и мудрою волею, благими и мудрыми реформами Государя Императора Александра II! Повторяя этотъ „виватъ, виватъ, виватъ“ восклицаніе петровскаго сената, прибавимъ, что отнынѣ сила не въ силѣ и даже не въ любви, какъ сказалъ нашъ современникъ М. П. Погодинъ, а сила въ правѣ. Виватъ, виватъ, виватъ!

А. М. Фальковскій. Мм. Гг. Вамъ угодно услышать и отъ меня посильное слово въ память этого дня, посвященнаго нашимъ Обществомъ воспоминаніямъ о дѣяніяхъ Петра I въ области русскаго права.

Время, которое мы переживаемъ, ознаменовано для Россіи рядомъ величайшихъ преобразованій. Опредѣленіе значенія ихъ принадлежитъ будущему, причину же ихъ слѣдуетъ искать въ прошедшемъ, такъ какъ настоящее не есть только результатъ нынѣ живущихъ силъ.

Въ ряду преемственности явленій жизни русскаго народа, событія, совершившіяся въ царствованіе Петра Великаго, опредѣлили собою дальнѣйшія судьбы Россіи, вступившей въ семью европейскихъ государствъ и постоянно усвоивающей тяжело добытые ими результаты политическаго и гражданскаго развитія ихъ.

На предстоящемъ всероссійскомъ торжествѣ жизнь и дѣянія Петра I воспроизведутся всецѣло и въ полномъ величіи ихъ людьми, глубоко изучившими отечественную исторію.

Я позволю себѣ только коснуться нѣкоторыхъ граждан-

скихъ реформъ Петра I, о значеніи которыхъ у насъ еще не установилось опредѣленнаго мнѣнія.

Уложеніе 1649 г., обнимая собою все государственное устройство Россіи, небогато опредѣленіями гражданскаго быта. Множество дѣлъ чисто гражданскихъ въ то время принадлежали вѣдомству духовной власти и разсматривались на основаніи церковнаго законодательства.

Такой порядокъ вещей не могъ оставаться, когда Россія исполинскими усиліями геніальнаго государя обновлялась во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ. Петръ I, опредѣливъ точнѣе отношенія церкви къ государству, проведя болѣе точное разграниченіе между духовною и свѣтскою властью, духовнымъ регламентомъ 1721 г. положилъ и твердое основаніе дальнѣйшему развитію гражданскаго права. Это разграниченіе должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ новыя постановленія въ семейномъ и наслѣдственномъ правахъ, новыя правила объ опекѣ. Къ числу такихъ постановленій и правилъ должно отнести: подтвержденіе свободы вступленія въ бракъ, запрещеніе допускать къ браку безумныхъ отъ рожденія, разрѣшеніе иновѣрцамъ вступать въ бракъ съ православными и наоборотъ, впослѣдствіи получившее силу общаго закона, проведеніе различія между вѣчною и временною ссылкою и освобожденіе супруга невиннаго отъ обязанности слѣдовать за осужденнымъ въ мѣсто его ссылки, ограниченіе законныхъ причинъ развода, къ которымъ отнесены прелюбодѣяніе, безвѣстное отсутствіе и вторичное вступленіе въ бракъ, запрещеніе родителямъ принуждать дѣтей вступать въ бракъ, постригать ихъ въ монашество противъ ихъ воли и установленіе отвѣтственности родителей, на общемъ основаніи, за преступленія противъ жизни дѣтей.

Въ указѣ о единонаслѣдіи и въ инструкціяхъ магистратамъ Петръ I, опредѣливъ возрастъ несовершеннолѣтія и установивъ правила, служащія къ опредѣленію возраста, съ особеннымъ вниманіемъ и заботливостью отнесся къ дѣламъ объ опекѣ надъ малолѣтними. По инструкціи магистратамъ роди-

телямъ предоставлено было право назначать дѣтямъ опекуновъ посредствомъ завѣщанія. Кромѣ того по законамъ Петра I назначеніе опекуновъ опредѣлялось или прямымъ правиломъ закона, или распоряженіемъ правительства. Но главное достоинство преобразованій Петра I въ этомъ отношеніи, состояло въ болѣе строгомъ опредѣленіи правъ, обязанностей и отвѣтственности опекуновъ.

Какъ представитель идеи власти, порядка и государственной пользы Петръ I, въ его законахъ о правѣ собственности, ввелъ множество ограниченій, стѣснявшихъ право распоряженія въ особенности недвижимыми имуществами, верховное обладаніе которыми и донынѣ, по нашимъ законамъ, принадлежитъ самодержавной власти государя. Такъ законами Петра I повелѣно было разнымъ должностнымъ лицамъ отыскивать руду не только въ дачахъ казенныхъ, но и частныхъ владѣльцевъ, предоставлено частнымъ лицамъ право заниматься рудокопнымъ дѣломъ даже на чужой землѣ; запрещены: рубка корабельнаго лѣса и нѣкоторыхъ лѣсныхъ участковъ вдоль большихъ рѣкъ, частнымъ владѣльцамъ производство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рыбнаго промысла, владѣльцу послѣднему въ родѣ дарить имѣніе. Петръ I точнѣе опредѣлилъ классификацію имуществъ вообще, установивъ различіе между движимыми и недвижимыми имуществами, призналъ по отношенію къ праву наслѣдованія всѣ недвижимыя имущества нераздѣльными и родовыми. Для устраненія недостатковъ правилъ о совершеніи актовъ, помѣщенныхъ въ уложеніи и для усиленія государственныхъ доходовъ Петръ Великій установилъ для сего новый порядокъ, подъ названіемъ крѣпостнаго. Подчиненіе совершенія актовъ общественной власти и учрежденіе особыхъ для сего установленій должны были значительно уменьшить зло, проистекавшее отъ незаконныхъ сдѣлокъ и подлоговъ въ актахъ. Въ этомъ отношеніи реформа Петра I не могла остаться безъ важныхъ послѣдствій на судьбы дальнѣйшаго развитія гражданскихъ законовъ, хотя на ряду съ крѣпостнымъ порядкомъ установились явочный и домашній.

Реформы Петра Великаго въ наслѣдственномъ правѣ, указъ о единонаслѣдіи, всѣмъ извѣстный и отмѣненный въ 1731 году, свидѣтельствуютъ о размѣрѣ соціальныхъ и государственныхъ цѣлей преобразователя. Если многимъ изъ нихъ и не суждено было вполнѣ осуществиться, то тѣмъ не менѣе законы Петра I о порядкѣ составленія и засвидѣтельствованія духовныхъ завѣщаній, объ охранительныхъ мѣрахъ наслѣдства и многіе другіе не остались безъ вліянія на развитіе позднѣйшаго законодательства.

Съ распространеніемъ права выкупа на всѣ недвижимыя имущества и съ установленіемъ порядка наслѣдованія по закону на другихъ началахъ, законами Петра Великаго право выкупа подверглось весьма важнымъ измѣненіямъ, которыя впрочемъ имѣютъ только историческій интересъ.

Въ сферѣ договорнаго права, какъ Вамъ извѣстно, можно указать на законы Петра I объ отвѣтственности пріемщиковъ поклажи до нынѣ остающейся въ силѣ (2116 ст. т. X ч. I), о товариществахъ по нѣкоторымъ особеннымъ видамъ промышленности, о личномъ наймѣ, тѣсно связанномъ съ установленіемъ паспортной системы, о составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи довѣренностей и о правѣ представительства на судѣ, изложенномъ въ указѣ 1723 г., о формѣ суда, о личныхъ обидахъ и о вознагражденіи за вредъ причиненный преступленіемъ, служащіе доказательствомъ что Петръ I посреди болѣе важныхъ преобразованій, по всѣмъ отдѣламъ гражданскаго права совершилъ многія существенныя реформы.

Всѣ почти постановленія Петра Великаго въ сферѣ частнаго права основаны на началахъ власти и необходимости и служатъ доказательствомъ смѣшенія законодательствомъ того времени двухъ отдѣльныхъ областей права—частнаго и публичнаго. Свобода и самоопредѣленіе, составляющіе принципъ гражданскаго права, подавлены были на каждомъ шагу преобладающею силою государственнаго интереса, во имя котораго преобразователь Россіи тогда дѣйствовалъ. И онъ

не ошибся въ своихъ великихъ предположеніяхъ. Государство съ тѣхъ поръ и территоріею и населеніемъ и доходами не переставало возрастать и достигло, въ сравненіи съ прежнимъ, до исполинскихъ размѣровъ.

Привѣтствуя наступающее торжество, да преклонимся и мы предъ величавою тѣнью Петра I, геніемъ и самодѣятельностью котораго утверждено могущество и слава Россіи.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦІЯ ПРЕСТУПЛЕНІЙ КАКЪ ПРЕДМЕТЪ СУДЕБНЫХЪ ПРЕНІЙ.

Право сторонъ касаться въ своихъ преніяхъ *юридической* оцѣнки дѣянія, приписываемаго обвиняемому, представляется также спорнымъ. Теоретическія воззрѣнія по этому вопросу до крайности разнообразны, установившагося взгляда вообще не существуетъ; между тѣмъ рядомъ съ этою неопредѣленностью практика давно порѣшила вопросъ положительно. Жизненныя требованія взяли свое и если вопросъ существуетъ пока въ теоріи, то потому единственно, что практика, вынужденная рѣшать его въ отдѣльныхъ, покамѣсть довольно рѣдкихъ случаяхъ, приступаетъ къ рѣшенію робко, такъ или иначе обходитъ его, пользуясь для такой цѣли редакціею вопросовъ, маскируя юридическій вопросъ практическою его обстановкою, что, конечно, ни мало не мѣшаетъ присяжнымъ разбирать вопросъ въ совѣщательной комнатѣ со всѣхъ его сторонъ. При изысканіяхъ законнаго выхода, судъ, какъ мы сказали, всего чаще прибѣгаетъ къ той или другой редакціи вопросовъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ употребляется такой пріемъ: какъ только слѣдствіемъ обнаружено, что подсудимый совершилъ одно дѣяніе, а въ законѣ подведенномъ обвиненіемъ, говорится о другомъ, судъ ставитъ вопросъ по фактическимъ признакамъ; вопросъ редактируется въ такой напримѣръ формѣ: виновенъ ли А въ томъ, что встрѣтивъ Б на улицѣ, пригласилъ его къ себѣ? или что нибудь въ этомъ родѣ; ставя такой вопросъ, судъ знаетъ, конечно, что каковъ бы ни былъ отвѣтъ

присяжныхъ, подсудимый долженъ быть оправданъ. Такой пріемъ во 1-хъ неправиленъ, такъ какъ судъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ рѣшаетъ самъ вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости къ дѣянію подсудимаго указаннаго въ обвинительномъ актѣ закона,—вопросъ, неразрывно связанный съ фактическою стороной дѣла, какъ это будетъ изложено ниже, и во 2-хъ совершенно безполезенъ даже съ точки зрѣнія признающей за судомъ это право. Слѣдовательно если и прибѣгаютъ къ такому обороту дѣла, то для того только, чтобы не спросить присяжныхъ прямо: соотвѣтствуетъ ли дѣяніе подсудимаго, въ томъ видѣ какъ оно выяснено слѣдствіемъ, признакамъ того закона, который указанъ въ обвинительномъ актѣ? Происходитъ это оттого, разумѣется, что наши теоретическія воззрѣнія не сводятся пока къ какому-либо общему рѣшенію спорнаго вопроса о яко-бы существующихъ въ моментъ рѣшенія дѣла границахъ между вопросами «права и факта»; отъ рѣшенія этого вопроса стоитъ въ прямой зависимости и вопросъ о правѣ сторонъ спорить о правильности примѣненія даннаго закона къ данному дѣянію, такъ какъ предметомъ преній должно быть все то, что подлежитъ обсужденію присяжныхъ. А потому прежде чѣмъ перейти къ рѣшенію этого послѣдняго вопроса, необходимо установить, въ какой мѣрѣ присяжные засѣдатели уполномочены дѣйствующимъ законодательствомъ рѣшать правовые вопросы, обсуждая дѣянія подсудимаго. Многіе не признаютъ за нашими присяжными никакого права въ этомъ отношеніи; другіе видятъ въ этомъ правѣ надежнѣйшую гарантію правосудія; мы далеко не раздѣляемъ ни одного изъ подобныхъ взглядовъ.

Обратимся къ судебнымъ уставамъ 20 ноября.

Какъ скоро возбуждено сомнѣніе въ томъ, что «*событіе преступленія* дѣйствительно совершилось», присяжнымъ засѣдателямъ долженъ быть поставленъ о томъ *отдѣльный* вопросъ (754 ст. уст. угол. суд.). Итакъ присяжныхъ спрашиваютъ: дѣйствительно-ли совершилось событіе *преступленія*? Въ этомъ законообязательномъ вопросѣ заключено собственно два вопроса, т. е. онъ, этотъ вопросъ, по природѣ своей

распадается на двѣ отдѣльныя части, присущія ему *органически*; безъ нихъ, этихъ составныхъ частей, вопросъ въ данной формѣ (а она обязательна по закону), немыслимъ. Части эти представляютъ два вопроса: 1) доказано ли, что извѣстное событіе совершилось и 2) есть ли это событіе преступно. Отбросить второй правовой частный вопросъ и обсуждать одинъ первый фактическій невозможно, это ясно изъ соединительнаго сопоставленія въ редакціи 754 ст. двухъ совершенно различныхъ понятій «событія» и «преступленія». Итакъ присяжные, если только *преступность события* слѣдствіемъ ли, преніями ли, такъ или иначе заподозрѣна,—обойти этого вопроса, обсуждая свои отвѣты, никакъ не могутъ. Къ тому же выводу придемъ и мы съ другой стороны. Одно изъ двухъ: или преступность событія несомнѣнна, недоказана лишь виновность въ томъ лица,—и тогда событіе остается совершившимся, доказаннымъ, выгораживается же изъ дѣла личность обвиняемаго,—въ этомъ случаѣ событіе расходится съ личностью; или же наоборотъ, событіе несомнѣнно, несомнѣнно и то, что совершено оно подсудимымъ, но споренъ вопросъ о томъ: просто ли это событіе, или «событіе преступленія»,—въ этомъ случаѣ событіе преступленія неразрывно связано съ личностью обвиняемаго; съ оправданіемъ послѣдняго падаетъ, разрушается и событіе преступленія. Въ послѣднемъ случаѣ присяжные, разрѣшая вопросъ о *винѣ*, точно также не въ состояніи обойти вопроса о свойствѣ преступленія, такъ какъ эти вопросы являются здѣсь точно также неразрывно, органически связанными.

Приведенными соображеніями, полагаемъ, несомнѣнно доказывается, что вопросъ о свойствѣ преступленія, его квалификаціи и сопоставленіе дѣянія совершеннаго подсудимымъ съ дѣяніемъ предусмотрѣннымъ въ законѣ и выведеннымъ обвиненіемъ—необходимо, волей-неволею, будутъ предметами обсужденія присяжныхъ засѣдателей, признавать ли за ними право рѣшать только фактическіе вопросы о событіи преступленія и о винѣ подсудимаго, или покоряясь требованіямъ жизни и закона, не оспаривать у нихъ естественно прирожденнаго имъ права опредѣлять въ каждомъ данномъ слу-

чаѣ юридически-фактическое отношеніе дѣянія къ закону. Слѣдовательно споръ о такомъ правѣ всегда останется совершенно праздным, и практика всегда будетъ обходить въ этомъ отношеніи всякую теоретическую попытку выгородить изъ области, подлежащей рѣшенію присяжныхъ, правовой вопросъ о томъ: соотвѣтствуетъ ли дѣяніе подсудимаго признакамъ того закона, на который указываетъ обвиненіе.

Сфера юридическаго анализа въ этой подлежащей рѣшенію присяжныхъ области будетъ тѣмъ шире, чѣмъ ближе подходитъ дѣяніе подсудимаго къ дѣянію, изображенному въ законѣ,—потому что въ подобномъ случаѣ защита оспаривая солидарность этихъ двухъ дѣяній, неминуемо обратится къ толкованію закона, вызвавъ тѣмъ самымъ и возраженіе противной стороны. Вопросъ въ такомъ случаѣ усложняется новою областью, исключительно правовою: дѣло пойдетъ уже не о томъ, то ли сдѣлалъ подсудимый, что запрещено закономъ, а о томъ *что* именно запрещено закономъ,— и этотъ споръ, уже чисто юридическій, придется порѣшить опять таки присяжнымъ, будетъ ли объ этомъ предметѣ предложенъ судомъ откровенный вопросъ, или обернутый въ фактическую оболочку, какъ это обыкновенно дѣлается.

Нельзя не согласиться что рѣшеніе подобнаго рода споровъ и вопросовъ опасно оставлять на произволъ не юристовъ, однако зло это, какъ мы видѣли, неизбѣжное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать что эта правовая сфера невольно проникающая въ область обсужденія присяжныхъ можетъ быть очень ограничена не закономъ только и не теоріею (что одинаково невозможно), а совершенно иными путями.

Сфера эта будетъ тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ выше уровень юридическаго развитія слѣдователя, обслѣдующаго дѣяніе подсудимаго и обвинителя, подводящаго это дѣяніе подъ извѣстный законъ; если слѣдствіе полно, добросовѣстно въ юридическомъ смыслѣ этого слова, если слѣдователь правильно усвоилъ себѣ свойство преступленія со всѣми его признаками, съ его внутреннимъ смысломъ и «разумомъ», если

обвинитель, не увлекаясь накопленіемъ однихъ только доказательствъ, съумѣлъ вѣрно подвести законъ, или при невозможности этого, не увлекаясь также разными аналогическими умствованіями, не далъ дѣлу дальнѣйшаго хода, то ни судебное слѣдствіе, ни судебныя пренія не подымутъ юридическаго вопроса о соотвѣтствіи дѣянія съ закономъ и не обрушатъ на головы присяжныхъ всю тяжесть его порѣшенія, — сомнѣнія конечно будутъ, но будутъ рѣдки, крайне рѣдки. Но такъ какъ невсегда можно ждать въ слѣдователѣ или въ обвинителѣ соединенія упомянутыхъ условій и такъ какъ судебное слѣдствіе всегда можетъ представить много новаго, неожиданнаго, при всей ихъ предусмотрительности, матеріала къ опредѣленію такого юридическаго отношенія дѣянія къ закону, то и невозможно оспаривать право присяжныхъ опредѣлять это отношеніе въ извѣстныхъ случаяхъ и разрѣшать всѣ возникшіе по этому поводу споры и недоразумѣнія.

Совершенно же изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ рѣшеніе этого чисто юридическаго вопроса, установивъ, положимъ, что вопросъ этотъ долженъ считаться порѣшеннымъ коль скоро обвинительная камера, это «судилище, составленное изъ опытнѣйшихъ юристовъ» найдетъ слѣдствіе полнымъ и утвердитъ обвинительный актъ,—все-таки нельзя. 746 ст. уст. угол. суд., даетъ защитѣ право «представлять соображенія *о примѣненіи тѣхъ законовъ, коими опредѣляется свойство* и достовѣрность разсматриваемаго дѣянія»; защита на основаніи этой же статьи пользуется вмѣстѣ съ обвиненіемъ «*неотъемлемымъ* правомъ представлять объясненія *по всѣмъ предметамъ судебнаго рѣшенія*, которое въ существѣ своемъ есть только выводъ изъ событія и *относящагося къ нему закона*» (Изд. гос. канц, уст. угол. суд. стр. 250). Итакъ ясно, что защита *во всякомъ случаѣ* можетъ возбудить вопросъ объ отношеніи закона къ дѣянію, правомъ этимъ она непремѣнно воспользуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны смыслъ примѣняемаго къ кліенту закона хоть сколько-нибудь сомнителенъ, а съ другой стороны спорить противъ доказательствъ, выясненныхъ слѣдствіемъ до очевидности неудобно,—такой пріемъ употребляется на дѣлѣ очень часто.

Тѣмъ или инымъ путемъ, а юридическій вопросъ о примѣнимости даннаго закона къ данному дѣянію видимо или невидимо, а все-таки будетъ стоять на листѣ, вручаемомъ присяжнымъ и такъ или иначе будетъ обсуждаться въ совѣщательной ихъ комнатѣ, а затѣмъ вѣрно или невѣрно, но выйдетъ оттуда окончательно порѣшеннымъ. И дѣйствующее у насъ законодательство и неизбѣжныя жизненныя условія стоятъ за такое положеніе дѣла. Отсюда несомнѣненъ выводъ о правѣ сторонъ въ судебныхъ преніяхъ разработывать этотъ вопросъ во всемъ томъ объемѣ, какъ это необходимо для ихъ интересовъ. Имъ возбранено въ этомъ отношеніи только одно:—«касаться примѣненія закона о наказаніи, который опредѣляется не присяжными, а судомъ» (тамъ-же).

При всемъ томъ такое право сторонъ многими оспаривается; соглашенію въ этомъ отношеніи препятствуетъ общее мнѣніе о томъ, что присяжные—«*судьи одной фактической стороны дѣла*», что рѣшаютъ они вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго «по убѣжденію совѣсти» и что, слѣдовательно, юридическихъ познаній отъ нихъ не требуется, такъ, дѣйствительно, говоритъ о нихъ комментарій къ 201 ст. уст. угол. суд. въ изд. гос. канц. Но провести такое начало строго и послѣдовательно невозможно. Законъ никогда не въ силѣ представить собою вѣрное отраженіе всѣхъ безконечно разнообразныхъ преступныхъ явленій жизни; всегда между первымъ и послѣдними въ каждомъ данномъ случаѣ будетъ стоять извѣстная преграда, одолѣть которую можно только однимъ человѣческимъ разумомъ судей этого даннаго случая. Пока такая преграда существуетъ, всѣ усилія пріурочить задачу присяжныхъ къ одной фактической сторонѣ дѣла, отнять у нихъ всѣ средства къ рѣшенію этой задачи, оставивъ для того одно только «убѣжденіе совѣсти»—окажутся тщетными; теорія этихъ «факта» и только факта, «совѣсти» и только совѣсти, останется мертвою, и живая практика пойдетъ мимо нея, мимо даже и противъ собственнаго желанія. Тотъ-же комментарій, сознавая всю необходимость такого исхода, далѣе говоритъ, что если задача присяжныхъ иногда «усложняется *опредѣленіемъ въ смыслѣ дѣйству-*

ющихъ законовъ свойства или степени умысла подсудимаго, то въ этомъ случаѣ предсѣдателемъ могутъ быть сдѣланы имъ всѣ надлежащія объясненія *о существующихъ въ законѣ правилахъ и о практическомъ ихъ примѣненіи*». Если это такъ, если предсѣдатель на основаніи 801 и 802 ст. уст. обязывается объяснять присяжнымъ «*законы относящіеся къ свойству разсматриваемаго преступленія*», и «возстановлять предъ ними истинный разумъ *неправильно истолкованнаго сторонами* закона», то это дѣлается къ тому, очевидно, что о законахъ относящихся къ данному дѣянію и о ихъ истинномъ разумѣ присяжные должны совѣщаться и затѣмъ разрѣшать вопросъ *исключительно юридическій*, о правильности примѣненія и разума законовъ. Съ однимъ «убѣжденіемъ совѣсти» тутъ ничего не подѣлаешь, а какъ велика въ этомъ случаѣ умственная работа извѣстно каждому, кто знакомъ съ 12 ст. уст. угол. суд.

Говоримъ мы это вовсе не потому, что думаемъ что подобныя задачи не по силамъ нашимъ присяжнымъ, что имъ слѣдуетъ только вооружиться «совѣстью» и работать надъ однимъ «фактомъ». Нѣтъ, все это—и фактъ, и доказательство, и законъ, и разумъ его, и правильность или неправильность приложенія, всецѣло принадлежитъ присяжнымъ, принадлежитъ имъ «по точному разуму» приведенныхъ нами законовъ, основанному «на общемъ смыслѣ уставовъ 20 ноября; въ этой области они полные хозяева. Все это мы привели къ тому, чтобы указать на то важное значеніе, какое должно принадлежать вопросу о юридической квалификаціи преступленія въ судебныхъ преніяхъ. Чѣмъ обстоятельнѣе, понятнѣе и проще разработанъ вопросъ этотъ сторонами, тѣмъ легче, конечно, и вѣрнѣе рѣшеніе его присяжными засѣдателями, которые въ этомъ отношеніи всегда будутъ по справедливости ждать себѣ помощи отъ юристовъ по профессіи — обвинителя, защитника и предсѣдателя, обязаннаго сдѣлать оцѣнку ихъ мнѣніямъ и въ случаѣ надобности «возстановить истинный смыслъ закона».

Господствующее воззрѣніе о значеніи присяжныхъ, какъ судей одного факта, служитъ повидимому причиною тому

что эта сторона судебныхъ преній пока пребываетъ какъбы въ зародышѣ. Стороны нерѣдко забываютъ, что говорятъ предъ собраніемъ 12 присяжныхъ, а не на юридическомъ диспутѣ. Увлекаясь, ловя доводы противника, они забываютъ часто о вниманіи присяжныхъ, утомленныхъ непонятнымъ для нихъ споромъ; или же наоборотъ, считая предметъ выше умственнаго уровня своихъ слушателей, всю надежду возлагаютъ на постановку вопросовъ, при чемъ подлежащій исключительно рѣшенію присяжныхъ вопросъ о дѣйствительности событія преступленія, а въ извѣстныхъ случаяхъ,—какъ это мы видѣли выше,—и о виновности подсудимаго, незамѣтнымъ какъ будто бы образомъ рѣшается судомъ по выслушаніи объясненій сторонъ, и присяжные вмѣстѣ съ вопроснымъ листомъ получаютъ готовое уже рѣшеніе главнѣйшаго изъ вопросовъ тамъ предложенныхъ.

Единственное извѣстное намъ исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи недавно разбиравшееся въ Московскомъ Окружномъ Судѣ весьма спорное дѣло о подложномъ составленіи приговора на продажу принадлежащаго Хотунской волости лѣса «Лосиный Островъ». Въ этомъ процессѣ стороны (обвинитель и три защитника) свободно разсматривали въ рѣчахъ своихъ спорный вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли этотъ приговоръ, составленный при условіяхъ выясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, подлогу со всѣми присущими ему по закону признаками, или представляетъ собою только неправильно оформленный гражданскій актъ съ исключительно гражданскими же послѣдствіями. Вопросъ этотъ, какъ предметъ около котораго главнымъ образомъ вращались судебныя пренія, былъ предложенъ судомъ какъ главный и первый прямо безъ всякой маскировки на рѣшеніе присяжныхъ, которые, порѣшивъ этотъ чисто юридическій вопросъ, перешли къ разрѣшенію остальныхъ—уже фактическихъ. Итакъ „судьи факта“ рѣшали вопросъ, пока «факта» еще и не бывало — онъ явился лишь послѣ утвердительнаго отвѣта на первый вопросъ. *Фактъ стоялъ въ этомъ процессѣ въ прямой непосредственной зависимости отъ правоваго вопроса*, вопроса о его существованіи. А вѣдь иначе процессъ этотъ

вести было невозможно; можно пожалуй было такъ или иначе замаскировать это прямое отношеніе суда къ присяжнымъ засѣдателямъ, но дѣло оттого, какъ уже мы осмѣлились упоминать однажды, не измѣнилось бы. Причемъ же тутъ, да и во всѣхъ подобныхъ процессахъ, останется искуственная теорія отдѣленія факта отъ права, совѣсти отъ разума, не юристовъ отъ юристовъ и т. п.?

Преступленіе, какъ живое дѣло живаго человѣка и оцѣнка этого преступленія, какъ дѣло человѣческое, причемъ по природѣ его и разумъ, и совѣсть, и знаніе одинаково участвуютъ въ работѣ, не легко поддаются тѣмъ подраздѣленіямъ и рубрикамъ, какія, очень аккуратно и симметрично, мертвая теорія отводитъ имъ, дѣля ихъ на различныя самостоятельныя особыя функціи. Такъ построить можно только машину, живой же организмъ всегда останется живымъ; теорія продержится до перваго практическаго погрома пока эти рубрики, эти подраздѣленія не перемѣшаны, не сбиты въ безобразную для теоретическаго ока массу какимъ-нибудь особеннымъ, непредвидѣннымъ (а такихъ всегда много) практическимъ случаемъ живой дѣйствительности, который по этому поводу и получаетъ наименованіе «казуса», что нисколько не мѣшаетъ ему оставаться простымъ случаемъ, но просмотрѣннымъ только теоріей.

Въ такомъ жизненномъ вопросѣ какъ дѣло правосудія, предвзятая теорія опаснѣе чѣмъ гдѣ нибудь, опасна она именно потому, что естественнѣйшее явленіе жизни въ глазахъ теоретика получаетъ значеніе только «казуса», возникающаго врасплохъ, да кромѣ того «казуса», надъ которымъ думать нѣкогда, а рѣшить вопросъ или хоть оцѣнить его значеніе требуется вдругъ, какъ напр. на судебномъ слѣдствіи или въ заключительныхъ преніяхъ. Поклонники теоріи: задача суда присяжныхъ, — судить исключительно «фактическую сторону дѣла», никогда не поставятъ напр. особаго вопроса въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдствіе и пренія указали различіе, существующее между доказаннымъ дѣяніемъ и примѣненнымъ обвиненіемъ закономъ. А между тѣмъ подобный вопросъ необходимъ, онъ неразрывно связанъ съ факти-

ческимъ вопросомъ о томъ видѣ, въ какомъ дѣяніе доказано на судѣ; рѣшить вопросъ невозможно иначе какъ путемъ сопоставленія этого вида съ законными признаками указанной статьи. Вопросъ, слѣдовательно, распадается на двѣ присущія ему части: одну — *фактическую*, другую юридическую; судъ, ставя вопросъ присяжнымъ о винѣ только, рѣшаетъ непремѣнно первую фактическую его часть и идетъ такимъ образомъ въ разрѣзъ съ собственной теоріей, заготовляя вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ для присяжныхъ, остающихся въ такомъ случаѣ не при чемъ. Въ виду возможности такого исхода, сторонамъ необходимо просить судъ о постановкѣ особаго вопроса о свойствѣ преступленія и о постановкѣ его во главѣ остальныхъ:—о винѣ и пр. Тогда только, при такомъ порядкѣ вещей, присяжные получатъ возможность выразить народное воззрѣніе о значеніи того или другаго закона и это воззрѣніе, крайне существенное въ юридическихъ интересахъ, не будетъ скрыто въ отвѣтахъ о винѣ, нерѣдко повергающихъ въ недоумѣніе относительно мотива, послужившаго къ обвиненію или оправданію.

А ставить въ подобныхъ случаяхъ особый вопросъ, судъ, по нашему крайнему разумѣнію, обязанъ на основаніи 754 ст. уст. угол. суд.

Все сказанное нами по поводу юридической квалификаціи преступности въ судебныхъ преніяхъ сводится къ тремъ главнымъ положеніямъ: 1) что присяжные засѣдатели природою человѣческаго мышленія и разумомъ дѣйствующаго законодательства поставлены въ необходимость разрѣшать приговорами своими рядомъ съ фактическими и юридическіе вопросы, являющіеся въ различныхъ между собою комбинаціяхъ и нерѣдко даже поставленные одинъ отъ другаго въ непосредственную зависимость, какъ напр. въ дѣлѣ о «Лосиномъ Островѣ»; 2) что задача присяжныхъ въ разрѣшеніи правовыхъ вопросовъ можетъ быть значительно съ одной стороны сокращена и съ другой облегчена: а) добросовѣстнымъ предварительнымъ изслѣдованіемъ дѣянія и удачнымъ примѣненіемъ къ нему закона и б) разработкою юридической стороны въ дѣлѣ судебными преніями и заключительнымъ словомъ предсѣ-

дателя; 3) что, вслѣдствіе всего сказаннаго, за спорящими сторонами нетолько слѣдуетъ признать полнѣйшее право касаться при судебныхъ преніяхъ этой юридической стороны дѣла, но и видѣть нравственную ихъ обязанность представить на судъ присяжныхъ ея полную, всестороннюю и всѣмъ понятную оцѣнку. Отсюда понятна та серьозная роль, которую суждено занять судебнымъ преніямъ въ разрѣшеніи возбужденныхъ дѣломъ правовыхъ вопросовъ.

Итакъ, не въ отвлеченномъ толкованіи закона, не въ той или другой теоріи, какими бы авторитетами она не поддерживалась, а въ искусномъ выполненіи надлежащими органами двухъ указанныхъ выше условій—добросовѣстности слѣдствія до преданія суду и ловкости преній на судѣ должно искать противовѣса юридическому произволу не-юристовъ всѣмъ тѣмъ, кто боится вручать эту сторону дѣла присяжнымъ. Такая боязнь, какъ явленіе временное, все-таки мыслима у насъ. На западѣ дѣло давно порѣшено въ принципѣ, тамъ сама теорія помимо тѣхъ, преимущественно практическихъ и легальныхъ соображеній которыя приведены нами, смѣло отдаетъ въ руки присяжныхъ судьбу всевозможныхъ живыхъ возникающихъ въ уголовномъ процессѣ юридическихъ вопросовъ, считая ихъ, присяжныхъ, наиболѣе компетентными въ дѣлѣ судьями, отдавая имъ преимущество предъ коронными судьями. Практика тамъ не пугаетъ этой теоріи благодаря высшему сравнительно съ нашимъ уровню мѣстныхъ жюри, и оттого о той рѣзкости разносторонніхъ взглядовъ, о той путаницѣ ходячихъ понятій и о той безднѣ то и дѣло встрѣчаемыхъ недоумѣній и неожиданностей тамъ не можетъ быть и рѣчи. Это существенное различіе въ отправленіи правосудія у насъ и на западѣ, обусловленное различнымъ уровнемъ развитія народныхъ массъ, налагаетъ на нашего слѣдователя и на нашу обвинительную камеру особо важную обязанность—содѣйствія присяжнымъ въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ. Всестороннее раскрытіе предварительнымъ слѣдствіемъ фактическихъ обстоятельствъ и ихъ вѣрная оцѣнка даетъ возможность обвинительной власти безошибочно выбрать законъ, наиболѣе подходящій къ

раскрытому слѣдствіемъ дѣянію. Въ этомъ только фазисѣ дѣла могутъ и должны возникать юридическіе вопросы о свойствѣ того или другаго преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ и они должны быть правильно порѣшены въ обвинительномъ актѣ. При соблюденіи этого порядка судебное слѣдствіе почти никогда не подымаетъ сомнѣнія въ правильности примѣненія закона, а если и встрѣтитъ что либо подобное,—то содѣйствіе присяжнымъ въ разрѣшеніи недоразумѣнія будетъ пользою судебныхъ преній, направленныхъ къ разъясненію того особаго юридическаго вопроса, какой будетъ во главѣ прочихъ фактическихъ предложенъ судомъ на обсужденіе и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Равнымъ образомъ объемъ подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ юридическихъ вопросовъ можетъ быть значительно сокращенъ тою находчивостью и сдержанностью, какими всегда долженъ запасаться благоразумный обвинитель на судѣ. Какъ скоро онъ видитъ что указанный въ обвинительномъ актѣ законъ не соотвѣтствуетъ болѣе дѣянію подсудимаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется по судебному слѣдствію, онъ долженъ измѣнить обвиненіе, пріурочивъ дѣяніе къ другому, наиболѣе соотвѣтствующему закону и не настаивая на первомъ; если же фактическія данныя, раскрытыя слѣдствіемъ уничтожили всякое отношеніе дѣянія къ уголовному закону, ему всегда предстоитъ полная, законная и достойная возможность—вовсе отказаться отъ обвиненія. Понятно, что въ обоихъ случаяхъ (за крайне рѣдкими исключеніями) вопросъ будетъ отнятъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ.

П. Н. Обнинскій.

СРЕДСТВА КЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ ПЬЯНСТВА ПРОСТАГО ИЛИ СОЕДИНЕННАГО СЪ БЕЗЧИНСТВОМЪ, ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ, ВЪ СЛУЧАѢ НАДОБНОСТИ, КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ СМОТРЯ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМЪ *).

Пьянство, порочная привычка, оскорбляетъ не одну нравственность; очень часто оно бываетъ причиной многочисленныхъ безпорядковъ, требующихъ полицейскихъ мѣръ, необходимость которыхъ все болѣе и болѣе усиливается. Въ изслѣдованіи, которое мы изготовляли объ этомъ щекотливомъ предметѣ, предполагали мы указать правительству и самому законодателю несовершенство настоящаго французскаго законодательства, нововведенія въ законахъ иностранныхъ, могущія служить намъ руководствомъ и возможность извѣстныхъ мѣръ законодательныхъ или административныхъ. Такъ какъ національное собраніе занято въ настоящее время предложеніями по парламентской иниціативѣ, ведущими къ спеціальному закону, то трудъ нашъ будетъ служить коментаріемъ къ этому закону, послѣ предварительныхъ объясненій, для полнаго пониманія различныхъ постановленій, которыя окончательно будутъ приняты.

Трудности предмета многочисленны, ибо нужно разсматривать въ одно и тоже время и по возможности соглашать, съ одной стороны, свободу человѣка и нужды работника съ

*) См. статью въ Journal du droit criminel ou jurisprudence criminelle de la France. Achille Morin. 4-e cahier. — Avril 1872.

различіемъ положеній какъ личныхъ, такъ и климатическихъ, а съ другой стороны, пользу соціальную или общественную, съ троякой точки зрѣнія: нравственности народа, его мужественнаго возрожденія и необходимыхъ гарантій противъ умножающихся безпорядковъ. Все это требуетъ различныхъ обозрѣній, прежде положительнаго разрѣшенія.

§ 1. Исторія. Законы древніе. Законы иностранные.

I.

Если въ язычествѣ существовалъ даже Богъ для тѣхъ, которые напивались, то напротивъ они были поражаемы проклятіемъ по библейскимъ книгамъ *). Въ древней Греціи были строгіе законы противъ пьянства, соединеннаго съ безчинствомъ, ихъ одобряли многіе извѣстные писатели. Здѣсь угрожали даже уголовнымъ наказаніемъ должностному лицу, позволившему себѣ явиться передъ публикой въ состояніи опьяненія, удвоивали наказаніе за проступокъ, совершенный вслѣдствіе добровольнаго пьянства **). У Римлянъ даже были писанныя правила, запрещавшія употребленіе или наказывавшія злоупотребленіе вина, смотря по состояніямъ, и именно въ военной службѣ,—но впослѣдствіи распущенность, развившаяся во всѣхъ классахъ, сдѣлала недѣйствительнымъ такое законодательство и вывела его изъ употребленія ***).

II.

Въ древнемъ французскомъ законодательствѣ существовалъ сначала эдиктъ Карла Великаго 802 года, строго запрещающій напиваться всѣмъ лицамъ, также какъ похищать чужую

---

*) Genèse, IX, 20—25 и XIX, Berruyer, Histoire du peuple de Dieu, ч. 1, стр. 73.

**) См. законы Солона по Плутарху, Аристотеля Polit. 10, Квинтилліана, кн. VII, глав. 1, Лаертіусъ, de vitâ philos.

***) Dig., de Re militari; L. Perspiciendum, de poenis. См. Valère Maxime, кн. 2, глав. 1; Плиній, кн. 14, гл. 14, Плутархъ, Oeuvres meslées Demande des choses romaines.

собственность, богохульствовать и заводить ссоры или распри, откуда замѣчаніе автора одного изслѣдованія, къ которому до сихъ поръ обращаются: „Король этотъ ставитъ опьяненіе во главѣ всѣхъ большихъ преступленій, потому что оно бываетъ часто причиной оныхъ“ *). И современныя распоряженія установляли: „пьяницы недостойны быть выслушиваемы на судѣ, какъ въ ихъ собственномъ дѣлѣ, такъ и въ дѣлахъ ихъ ближнихъ; тѣ которые возбуждаютъ другихъ пить до излишества, присуждаются пить только воду и временно отлучаются отъ всякаго общества; кто будетъ предаваться пьянству, тотъ подвергнется тѣлесному наказанію“ **). Позднѣе, подобныя распоряженія были изданы Людовикомъ Святымъ и Филиппомъ Прекраснымъ. Наконецъ эдиктъ Франциска 1-го установлялъ: «Для предупрежденія праздности, богохуленія, смертоубійства и другихъ безпорядковъ и вреда, происходящихъ отъ опьяненія, предписывается, что кто будетъ найденъ пьянымъ, долженъ быть немедленно арестованъ и посаженъ на хлѣбъ и воду на первый разъ; если же вторично попадется, то сверхъ вышесказаннаго, будетъ наказанъ розгами или кнутомъ въ тюрьмѣ, а въ третій разъ наказывается публично; если же онъ неисправимъ, то наказывается отнятіемъ ушей, безчестіемъ и изгнаніемъ. И если случится, что черезъ опьяненіе или горячность, отъ вина происходящую, пьяницы совершатъ какой-либо дурной поступокъ, имъ не будетъ по этому случаю прощено, а напротивъ того, они будутъ наказаны наказаніемъ, свойственнымъ проступку и сверхъ того за вышеупомянутое опьяненіе, по усмотрѣнію судьи» ***).

III.

Этотъ послѣдній эдиктъ былъ еще въ силѣ во время революціи 1789 года ****). Какимъ образомъ пересталъ онъ

*) Эдиктъ 802 г.; см. Delamare, Traité de la police, T. I, стр. 195.

**) Приказы Карла Великаго, въ 803, 810, 812 и 813 г.

***) Эдиктъ 31 августа 1536 г. (Joly, T. 1, стр. 580; Isambert et Decrusy, Rec. des anc. lois franc., T. 12, стр. 527).

****) См. Denizart, Dictionn., см. Ivrognerie; Despeises, Oeuvres, T. 2, ч. 1, глав. XII, отд. 1, № 4; Guyot, Répert, см. Excuse.

дѣйствовать? Это былъ спеціальный законъ, который могъ бы существовать какъ и многіе другіе, несмотря на введеніе новыхъ уложеній не касавшихся этого предмета. За неимѣніемъ спеціальнаго постановленія объ отмѣнѣ этого закона, она могла произойти не иначе какъ по причинѣ несовмѣстности съ новыми основными законами. Проводя начала благопріятныя для свободы общественной, конституція 1791 г. и послѣдующія сознавали однакоже необходимость полиціи, чѣмъ и объясняется широта правъ, предоставленныхъ властямъ и въ особенности законодателю. Постановленія эдикта сдѣлались непримѣнимы лишь потому, что они приговаривали къ наказаніямъ, несовмѣстнымъ съ новымъ уголовнымъ законодательствомъ *).

Не составляетъ ли эта отмѣна пропускъ, требующій пополненія? Если бы достаточно было установить административнымъ порядкомъ нѣкоторыя полицейскія мѣры, то для этаго нашлось бы законное основаніе во власти дарованной муниципальнымъ офицерамъ по законамъ 1790 и 1791 г.; но предѣлы полицейской власти, какъ мы это видимъ, ограничиваютъ мѣры, законно принятыя въ этомъ отношеніи. Преувеличивая мнѣніе Мерлена, одинъ юрисконсультъ, занимавшійся этимъ предметомъ, говоритъ въ 1865 г.: «По мнѣнію Мерлена, ордонансъ Франциска 1-го 1536 года, хотя вышедшій изъ употребленія отчасти и черезъ обнародованіе новаго закона, долженъ быть присущъ уму судьи и вліять на его приговоры. Кто можетъ помѣшать намъ призывать его къ новой жизни, измѣняя, безъ сомнѣнія, букву, но сохраняя духъ?» **) Но единственная вещь, доступная судьѣ при настоящемъ состояніи законодательства—это отвергнуть оправданіе, которое защита могла бы находить для обвиняемаго или подсудимаго въ его пьянствѣ; онъ не могъ бы заимствовать изъ этого обстоятельства ни основанія къ обвиненію безъ какой-либо другой причины, ни даже повода къ увели-

*) См. Répert. Gén. et raisonné du droit criminel, см. Lois criminelles, №№ 10—14.

**) Pujos, Dissertation dans la Révue pratique, 1865 г., ч. 8, стр. 114.

ченію наказанія за учиненный проступокъ. Одному законодателю принадлежатъ право издавать карательныя распоряженія какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ.

IV.

Во многихъ иностранныхъ государствахъ существуютъ спеціальные законы противъ пьянства и безпорядковъ отъ него происходящихъ. Въ Германіи встрѣчаемъ карательныя постановленія и статуты, которые налагаютъ всегда по крайней мѣрѣ денежный штрафъ *) Въ Австрійскомъ уголовномъ уложеніи пьянство наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного до восьми дней; въ немъ заключается также слѣдующее замѣчательное распоряженіе: «Обычное пьянство у мастеровыхъ и поденщиковъ, работающихъ на крышахъ или занимающихся опасными для пожара работами, или въ классѣ лицъ, живущихъ въ услуженіи, которыхъ небрежность легко можетъ причинить пожаръ, есть важное нарушеніе полицейскихъ правилъ, наказываемое на первый разъ отъ 15 до 25 ударами, а потомъ арестомъ отъ трехъ дней до мѣсяца, съ присужденіемъ къ скудной пищѣ и наказанію тѣлесному» **). Въ Прусскомъ уголовномъ уложеніи, изданномъ въ 1851 году и распространенномъ на владѣнія новой Германской имперіи, находится между прочимъ постановленіе, наказывающее тюремнымъ заключеніемъ отъ восьми дней до мѣсяца того, кто предается игрѣ, пьянству или праздности до такой степени, что требуется вмѣшательство власти и посторонняя помощь, чтобы поддержать его существованіе или существованіе тѣхъ, которымъ онъ обязанъ доставлять пропитаніе***). По Баварскому уложенію 1862 года, полиція можетъ арестовать всякаго явно нетрезваго, находящагося на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ. Во многихъ Швейцарскихъ кантонахъ существуетъ также спеціальный законъ противъ пьянства.

---

*) См. Wehner, Observ. pratiques, буква Z, стр. 542.

**) Австрійское уголовное уложеніе, ч. 3, гл. 13, §§ 523 и 524, и § 268.

***) Прусское уголовное уложеніе, 14 апрѣля 1851 г., ч. 2, § 119.

Въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ многочисленныхъ обществъ трезвости, есть еще спеціальные законы, по которымъ одна только нетрезвость сама по себѣ считается уже преступленіемъ, строго наказуемымъ и всякій найденный пьянымъ въ публичномъ мѣстѣ, долженъ быть наказанъ денежнымъ штрафомъ до 25 долларовъ. Также и въ Англіи пьяный отводится къ полицейскому начальству и присуждается къ денежному штрафу, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ *).

V.

Самый полный спеціальный законъ—это Шведскій статутъ 24 августа 1813 г.; вотъ его постановленія вкратцѣ: Всякое лицо, замѣченное пьянымъ, присуждается на первый разъ къ денежному штрафу въ 3 доллара, во второй разъ—вдвойнѣ, въ третій и въ четвертый къ болѣе и болѣе возвышенному штрафу, съ лишеніемъ права голоса при выборахъ, права представительства и другихъ подобныхъ правъ, и даже выставляется публично въ слѣдующее воскресенье въ своемъ приходѣ. Въ случаѣ новаго повторенія, лице это заключается въ исправительное заведеніе съ присужденіемъ къ тяжкой работѣ впродолженіи шести мѣсяцевъ, а въ случаѣ дальнѣйшей повторяемости подвергнется этому наказанію въ теченіи года. Если скандалъ случился въ публичномъ собраніи, на ярмаркѣ или при продажѣ съ аукціона, штрафъ удвоивается, а если это случилось въ церкви, наказаніе еще увеличивается. Кто увлекъ другаго напиться, присуждается къ штрафу въ 3 доллара и наказаніе это удвоивается, если послѣдній былъ малолѣтній. Виновное въ этомъ проступкѣ духовное лице, лишается своего сана; свѣтское должностное лице временно устраняется и можетъ быть совсѣмъ отрѣшено отъ должности. Всякій найденный на улицахъ пьянымъ или производящій шумъ въ кабакѣ, сверхъ штрафа которому подлежитъ, зак-

*) См. Stephens' Summary, стр. 3; Francisque Michel et Ed. Fournier Histoire des cabarets et hôtelleries, T. 2, стр. 242.

лючается въ тюрьму или арестуется до тѣхъ поръ, пока отрезвится. Штрафный доходъ раздѣляется между доносчиками, обыкновенно полицейскими офицерами, и между бѣдными. Несостоятельный преступникъ содержится въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь за него заплатитъ или пока онъ не расплатится двухдневной работой. Постановленія эти читаются два раза въ годъ пасторомъ съ каѳедры; всякій содержатель гостинницы обязывается, подъ страхомъ большаго штрафа, имѣть экземпляръ такихъ постановленій, выставленный въ главныхъ комнатахъ своего заведенія.

Всюду, гдѣ подобныя постановленія казались необходимыми и примѣнимыми, полезное вліяніе ихъ заслужило одобреніе *).

§ 2. Настоящее французское законодательство относительно пьянства.

VI.

Во Франціи, послѣ отмѣны эдикта Франциска 1-го законами, установившими конституціонное управленіе съ новымъ уголовнымъ законодательствомъ, нѣтъ болѣе спеціальнаго закона противъ пьянства и мы нигдѣ не встрѣчаемъ подобныхъ постановленій, кромѣ, какъ мы увидимъ ниже, для военныхъ и моряковъ. Ни въ уголовномъ уложеніи, предусматривающемъ нѣкоторые случаи наказуемаго нарушенія порядка, ни въ законахъ, опредѣляющихъ предметы вѣдомства и власти полицейскихъ чиновъ облеченныхъ до нѣкоторой степени властью карательною, ни наконецъ въ декретѣ о надзорѣ за продажею питей, дающемъ мѣсто административному произволу, мы не найдемъ постановленій противъ пьянства.

Въ уложеніи 1810 г. встрѣчаемъ одно только постановленіе, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ пьянству, хотя о послѣднемъ въ немъ даже не упоминается – только широкимъ примѣненіемъ предусмотрѣнныхъ въ немъ проступковъ, юриспруденція дала ему это значеніе. Запрещая судьямъ допу-

*) Докторъ Schubert, Reise durch Schweden; Francisque Michel et Ed. Fournier, Histoire des cabarets et hôtelleries, T. 2, стр. 216.

скать какое-либо извиненіе, даже только въ смыслѣ уменьшенія вины, кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ законъ прямо объявилъ извинительнымъ учиненное нарушеніе порядка (ст. 65) и удерживаясь издавать спеціальное постановленіе, которое позволяло бы въ пьянствѣ лица учинившаго проступокъ видѣть извиненіе допускаемое закономъ, уложеніе этимъ самымъ дало значеніе ученію тѣхъ публицистовъ и криминалистовъ, по мнѣнію коихъ проступокъ не можетъ служить оправданіемъ для вины. Откуда слѣдуетъ, что разсмотрѣнію судьи остается только вопросъ о виновности какъ результатѣ свободной воли и намѣренія, и что онъ не долженъ принимать въ разсчетъ пьянства случайнаго, исключая единственно тотъ случай, когда оно было дѣломъ умысла третьяго лица, безъ воли дѣятеля. Объ этомъ предметѣ были споры и разногласіе между профессорами судебной медицины и криминалистами, но кассаціонный судъ держится твердаго и постояннаго рѣшенія, которое не позволяетъ даже подвергать суду присяжныхъ вопросъ о пьянствѣ какъ объ уменьшающемъ вину обстоятельствѣ *).

VII.

Отрицавшіе полезность спеціальнаго закона противъ пьянства предполагали, что эти обычные безпорядки были предусмотрѣны и наказуемы по нѣкоторымъ изъ постановленій уголовнаго уложенія, строгаго примѣненія коихъ было бы уже достаточно. Посмотримъ.

Уложеніе наказываетъ: штрафомъ отъ 1 до 5 франковъ тѣхъ, которые причинили кому-либо неважныя обиды словомъ, когда онѣ со стороны послѣдняго не были ни чѣмъ вызваны (ст. 471, 11); штрафомъ отъ 6 до 10 франковъ тѣхъ, которые бросали камни или другія твердыя тѣла или нечистоты на дома, постройки или ограды другихъ, или на

*) См. Rép. gén. du droit criminel, см. Ivresse, N-os 2—6; C. de cass, 7 prair. an IX, 15 therm. an XII, 19 nov. 1807, 2 oct. 1812, 18 mai 1815, 1-er juin 1843, etc. Journ. du droit crim., art. 3493, etc).

кого нибудь (ст. 475, 8); штрафомъ отъ 11 до 15 франковъ виновниковъ или соучастниковъ въ произведеніи шума и сумятицы оскорбительныхъ для кого-либо или ночныхъ, возмущающихъ спокойствіе жителей (ст. 479, 8). Но эти постановленія изданы для предусмотрѣнныхъ случаевъ безразлично въ какомъ бы положеніи ни находились виновники; они не болѣе другихъ имѣютъ въ виду пьяницъ и сверхъ того эти послѣдніе не столь ими предупреждены, какъ если бы былъ изданъ и обнародованъ особый законъ противъ пьянства, наконецъ указанныя наказанія были бы недостаточны для человѣка, котораго преступность усиливается пьянствомъ. Правда при повторяемости дозволяется въ извѣстныхъ случаяхъ прибавлять къ штрафу нѣсколько дней тюремнаго заключенія (ст. 474, 478 и 482); но и этого часто было бы недостаточно въ отношеніи закоренѣлыхъ пьяницъ, какъ мы это докажемъ ниже.

Къ тѣмъ, которые появляются пьяными публично на улицахъ или дорогахъ, предполагали возможнымъ примѣнить ст. 471, 4, наказывающую штрафомъ тѣхъ, «кто затруднитъ общественные пути, складывая на нихъ или оставляя безъ нужды матеріалы или какіе-нибудь предметы, мѣшающіе свободному проходу или уменьшающіе безопасность пути». Но это постановленіе по самымъ своимъ выраженіямъ достаточно указываетъ, что оно имѣло въ виду одни матеріальные и неодушевленные предметы, какъ то положительно призналъ кассаціонный судъ *).

VIII.

По силѣ законовъ 1790 и 1791 г. меръ во всякой общинѣ, префектъ въ департаментѣ и также въ главномъ его городѣ, если населеніе его достигаетъ до цифры, назначенной закономъ 1855 г., можетъ принимать полицейскія мѣры противъ пьяницъ, нарушающихъ порядокъ на общественномъ пути, но уголовная санкція по ст. 471 п. 15 принадлежитъ

*) C. de cass., 18 août 1860 (Journ. du droit crim., art. 7173).

лишь мѣрамъ, признаннымъ законными и предѣлы ихъ гораздо тѣснѣе, нежели какъ думали тѣ, которые полагали найти здѣсь достаточное предупредительное средство.

Префектъ департамента Финистеръ, усматривая въ пьянствѣ, соединенномъ съ безчинствомъ, въ одно и тоже время оскорбленіе нравственности и угрозу для общественной безопасности, отдалъ въ 1859 г. приказъ такого содержанія: «Всякій найденый на общественномъ пути пьянымъ безчинствующимъ, будетъ тотчасъ арестованъ и препровожденъ на свой счетъ въ муниципальную тюрьму; сверхъ того онъ будетъ преданъ, если обстоятельства того потребуютъ, суду полиціи. Всякій найденый безчувственно-пьянымъ или кто не въ состояніи держаться на ногахъ по причинѣ пьянства на улицахъ или на дорогахъ, будетъ преданъ суду полиціи по обвиненію въ поставленіи препятствія для безопасности и свободы прохода". Полицейскій и кассаціонный суды нашли съ одной стороны, что приказъ не могъ уподоблять пьяницъ вещамъ, затрудняющимъ проходъ по общественнымъ путямъ, тогда какъ въ виду ст. 471, 4 имѣлись однѣ только такія вещи, а съ другой стороны, что ихъ личный поступокъ былъ нарушеніемъ приказа, наказываемымъ только по примѣненію ст. 471, п. 15 *). Префектъ департамента Вогезовъ въ современномъ приказѣ изложилъ: «Всякій найденый на общественныхъ путяхъ или въ общественныхъ мѣстахъ нетрезвымъ безчинствующимъ, будетъ немедленно арестованъ и препровожденъ на свой счетъ въ муниципальную тюрьму; сверхъ того онъ будетъ преданъ, если обстоятельства того потребуютъ, суду полиціи". Кассаціонный судъ кассировавъ рѣшеніе, которымъ отмѣнялось преслѣдованіе по причинѣ предполагавшейся неправильности въ словесномъ процессѣ, воздержался однакоже отъ передачи дѣла другому судьѣ, мотивируя это такъ: «Сдѣлавъ, въ интересѣ общественнаго порядка, распоряженіе о препровожденіи въ муниципальную

*) Trib. de simple police de Morlaix, 30 mars 1860, Rej., 18 août 1860 J. cr., art. 7173).

тюрьму всякаго найденаго на общественномъ пути нетрезвымъ безчинствующимъ, приказъ прибавляетъ что виновный будетъ преданъ суду полиціи, если обстоятельства того потребуютъ; изъ этого слѣдуетъ заключить, что предавать суду полиціи надлежитъ только тогда, когда нетрезвость сопровождается какимъ-нибудь существеннымъ нарушеніемъ порядка, признаваемымъ и наказуемымъ закономъ уголовнымъ» *). Толкованіе было еще ограничительнѣе въ одномъ министерскомъ циркулярѣ, гласящемъ: «Что касается людей, нетрезвость которыхъ будетъ обнаруживаться поступками нарушающими порядокъ или угрожающими личной безопасности гражданъ, то мѣстная власть можетъ также запретить этимъ людямъ свободный проходъ и остановку на общественомъ пути, и даже можетъ ихъ арестовать и заключить въ надежное мѣсто на то время, *пока они своимъ невоздержаніемъ или своими дерзкими поступками могутъ угрожать безопасности жителей*» **). Итакъ все сводится къ власти мѣстной полиціи, для прекращенія моментальной опасности.

IX.

Что касается до декабрскаго декрета 1851 г. о продажѣ напитковъ, то виды его были болѣе всего политическіе, такъ что по уничтоженіи секретныхъ обществъ, онъ служилъ для избирательной пропаганды. ***) Подчиняя ихъ открытіе предварительному разрѣшенію административной власти, этотъ законъ, истекавшій изъ случайныхъ обстоятельствъ, далъ префектамъ средство установить нѣкоторыя правила для полицейскаго надзора и противъ возможности безпорядковъ, ****) но кромѣ того, что отъ этого произошло ограниченіе полицейской власти меровъ, въ дозволеніяхъ, выдаваемыхъ префектами, очень рѣдко заключались какія-либо рас-

*) C. de cass., 18 nov. 1865 (J. cr., art. 8192).

**) Circ. du ministre de l'Intérieur aux préfets, 14 oct., 1861

***) Decr. dictatorial, 29 dec. 1851 (J. cr., art. 5173); Circ. ministérielle, 2 janv. 1852 (Monit., 3 janv.)

****) Cass., 7 mars 1857, 6 avril et 17 mai 1861, ect. (J. cr., art. 7244, 7398, etc.)

поряженія противъ пьянства и злоупотребленія опьяняющими напитками. Самое важное и законное распоряженіе въ нѣкоторыхъ приказахъ относилось до запрещенія давать пить людямъ уже нетрезвымъ, запрещеніе очень часто несоблюдаемое, хотя рѣшеніе кассаціоннаго суда вполнѣ отвергало всякое извиненіе. *) Другое также обязательное и не извиняемое ни подъ какимъ предлогомъ распоряженіе было запрещеніе принимать малолѣтняго, безъ сопровожденія родственника или поручителя, живущаго въ той мѣстности, **) но оно дѣлалось слишкомъ часто недѣйствительнымъ по различнымъ причинамъ.

Въ своемъ циркулярѣ префектамъ отъ 14 октября 1861 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, побуждаемый сенатомъ, говоритъ: „при недостаткѣ уголовныхъ постановленій, непосредственно обуздывающихъ пьянство, декретъ отъ 29-го декабря 1851 г. о проступкахъ при продажѣ напитковъ, мнѣ кажется, даетъ администраціи средства противъ большей части изъ заявленныхъ злоупотребленій, и потому я предлагаю вамъ дать необходимыя наставленія для того, чтобы декретъ этотъ былъ строго исполняемъ. Продавцы напитковъ имѣютъ быть формально и точно предупреждены, что если они будутъ потворствовать пьянству, побуждая къ потребленію напитковъ, или давать пить людямъ уже пьянымъ, то заведенія ихъ будутъ закрыты въ силу постановленія ст. 2 вышеупомянутаго декрета.“ Угроза эта оказалась тщетною тѣмъ болѣе, что позднѣйшія инструкціи попеременно, то усиливали, то ограничивали политическую систему свободы промышленной или торговой.

§ 3. Прогрессивное развитіе причинъ и результатовъ пьянства.

X.

Если во всѣ времена были пьяницы, то порокъ этотъ

*) Cass., 2 juin 1855, 28 août 1858, 30 nov. 1860, 2 Juin 1864, 23 mars 1865, etc. (J. cr., art. 6008, 7173, etc.)

**) C. de cass., 31 mars 1855, 19 fev. 1858, ect. (J. cr., art. 6007, 7398, etc.)

существовалъ нѣкогда въ извѣстныхъ классахъ, тогда какъ въ настоящее время онъ угрожаетъ распространеніемъ вообще на массу. Примѣры древней исторіи тѣмъ болѣе замѣтны, что они были рѣдки и касались лицъ высоко поставленныхъ; при состояніи нравовъ во Франціи и для вопроса въ настоящемъ его положеніи, сравнительныя исчисленія будутъ имѣть болѣе общее основаніе.

Какое можно вывести заключеніе изъ строгости древнихъ уголовныхъ постановленій противъ пьянства и изъ того, что они неоднократно подтверждались? Безъ сомнѣнія, они возникли потому, что существовали безпорядки, которые слѣдовало пресѣчь, но должно также признать, по современнымъ документамъ и новѣйшимъ свидѣтельствамъ, что законодательство это было дѣйствительно, будучи съ тѣмъ вмѣстѣ предупредительнымъ. Сверхъ того, чтобы оцѣнить постепенное возрастаніе зла и познакомиться съ законодательными средствами, какія предстоитъ принять противъ него, необходимо преимущественно въ настоящемъ вѣкѣ искать точекъ для сравненія.

XI.

Съ 1830 г., въ теченіе 40 лѣтъ, количество мѣстъ продажи напитковъ возвысилось съ 181,000 почти до 380,000, и однакоже они не могутъ существовать иначе, какъ съ административнаго дозволенія. Чѣмъ объяснить это увеличеніе около ста тысячъ заведеній, продающихъ на мѣстѣ напитки? Безъ сомнѣнія, частію это можетъ быть приписано развитію ручныхъ работъ и нѣкоторымъ новымъ условіямъ для труда, но есть и другія причины и притомъ инаго свойства. Нынѣ среднее число мѣстъ продажи 1 на 100 жителей и даже, въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ центрахъ, только на 60 или 50, тогда какъ въ иностранныхъ государствахъ,—гдѣ все-таки находятъ что и это очень много приходится,—1 питейное заведеніе на 150 жителей. Главныя причины этого увеличенія, всегда прогрессивнаго—въ наклонности къ препровожденію времени въ кабакахъ и въ постепенномъ возвышеніи рабочей платы, совпадающемъ съ распущенностью въ нра-

вахъ и съ пренебреженіемъ нравственными правилами. Какъ недавно высказано: „никогда увеличеніе платы не можетъ быть опасно для нравовъ въ городѣ, гдѣ есть нравы, но когда у мастероваго недостатокъ нравственной силы, то все что должно бы служить къ улучшенію его положенія, напротивъ ухудшаетъ его“. *)

Кабаки все чаще и чаще посѣщаются, особенно въ праздники и нерѣдко на слѣдующій день, потребленіе тѣмъ болѣе увеличивается, что сходятся во множествѣ, и что существуетъ «круговая» для того, чтобы каждый отвѣчалъ на предложеніе имъ принятое. Не ограничиваются виномъ какого бы то ни было достоинства: многіе обычные посѣтители хотятъ пить крѣпкіе напитки, алкоголь или абсентъ. Кромѣ подмѣси, промышленники изготовили алкоголь въ большомъ количествѣ и по низкой цѣнѣ, извлекая этотъ новый спиртъ изъ различныхъ веществъ, даже мучнистыхъ и примѣшивали къ абсенту вредную жидкость, какъ утверждалъ М. Дюма въ сенатѣ, въ засѣданіи 27 іюня 1864 года. Менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ ежегодное потребленіе алкоголя утроилось: вычислено, что оно было въ 1820 г. 350,000 гектолитръ, въ 1850 г.—620,000, а въ 1868 году оно возвысилось до 976,000, по сбору косвеннаго налога и несчитая количества отъ него ускользающаго. Для Парижа исчислено ежегодное потребленіе на 1,900,000 жителей приблизительно 8 литръ и на 300,000 жителей около 43 литръ на каждаго. Какая выйдетъ пропорція, если принять въ разсчетъ что въ продолженіи пяти мѣсяцевъ непріятельской осады потребленіе равнялось годовой пропорціи?

XII.

Послѣдствія плачевны и грозны во многихъ отношеніяхъ, прежде всего для нравственности и религіи, потомъ для людей съ ихъ семействами и даже для цѣлаго общества, равно какъ для защиты страны.

---

*) L'ouvrier, 2-e partie, ch. 3: L'ivrognerie, le libertinage et ses suites.

Пьянство приноситъ сверхъ забвенія нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей, нищету тому, кто предается этому пороку, а часто и цѣлому его семейству. Это засвидѣтельствовано тѣми благотворительными комитетами, которые возстали противъ злоупотребленій, истощающихъ ихъ доходы, и въ прошеніи къ національному собранію докторъ Декенъ, протестовавшій съ 1864 г. противъ развитія пьянства, говоритъ положительно: «Впродолженіи восьми лѣтъ, посвященныхъ мною изученію алкоголизма, на 500 приблизительно семействъ мастеровыхъ мною посѣщенныхъ, я встрѣтилъ болѣе 400, приведенныхъ въ совершенную нищету и преданныхъ всѣмъ порокамъ и безпорядкамъ, единственно черезъ обычное пьянство главы семейства.»

Сверхъ нищеты существуютъ нынѣ неизлечимыя болѣзни, доводящія часто до сумасшествія. Какъ доказываетъ достопочтенный М. Руссель въ изложеніи мотивовъ своего проекта закона, согласно съ мнѣніемъ компетентныхъ докторовъ, алкоголизмъ производитъ *delirium tremens*, а абсентизмъ — *эпилепсію*. Поэтому пьяницы наполняютъ не только больницы, но еще болѣе дома сумасшедшихъ, гдѣ ихъ 25 или 30 на 100, согласно исчисленіямъ въ донесеніяхъ національному собранію.

Самоубійство встрѣчается часто у пьяницъ. Въ послѣднемъ отчетѣ уголовной юстиціи читаемъ (стр. XXIII): „Уголовная статистика не можетъ опредѣлить числа преступленій и проступковъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ пьянства, но она доставляетъ точную цифру умершихъ и самоубійцъ вслѣдствіе злоупотребленія крѣпкими напитками. Вотъ грустныя указанія, которыя она выставляетъ за двадцать послѣднихъ лѣтъ:

Съ 1850 по 1854,	средн. чис.	264	случайно умершихъ,	227	самоубійцъ.
„ 1855 по 1859	„ „	234	„ „	283	„
„ 1860 по 1864	„ „	303	„ „	390	„
„ 1865 по 1869	„ „	504	„ „	643	„

Итакъ съ перваго періода по послѣдній, число случайно умершихъ удвоилось, а число самоубійцъ утроилось. Для 1869 г. особенно, рапортъ приходитъ къ слѣдующимъ груст-

нымъ размышленіямъ: «къ сожалѣнію нужно еще отмѣтить умноженіе числа умершихъ отъ злоупотребленія крѣпкими напитками: 587, тогда какъ въ 1868 г. ихъ было 503, а въ 1867—449 (стр. XXII). Что касается предполагаемыхъ причинъ самоубійства, то произведенныя слѣдствія представляютъ намъ слѣдующую номенклатуру: нищета—474, семейныя горести—571; любовь, ревность, невоздержаніе, распутство—222; припадки отъ пьянства происходящіе—133, обычное пьянство, звѣрство—531" (стр. XXIII).

XIII.

Если невозможно точно опредѣлить годовое количество всякаго рода преступленій и проступковъ, происходящихъ вслѣдствіе обычнаго пьянства, по крайней мѣрѣ извѣстно по опыту, что пьянство умножаетъ безнравственные поступки, что даже оно бываетъ причиною значительнаго числа нарушеній порядка, наказуемыхъ по закону. Защитникамъ обвиняемыхъ и лицамъ, производящимъ слѣдствіе или судъ, извѣстно на дѣлѣ, что не только состояніе нетрезвости часто приводится какъ объясненіе или оправданіе преступленія, хотя такое оправданіе и недопускается, но что въ дѣйствительности много наказуемыхъ преступленій были совершены подъ непосредственнымъ вліяніемъ пьянства, почти всегда добровольнаго. Были даже убійства и пожары, главною или случайною причиною которыхъ была нетрезвость; побои и раны часто дѣло пьяницъ, особенно противъ своихъ женъ, когда онѣ дѣлаютъ имъ заслуженные упреки; разныя насилія и очень часто тяжкія обиды происходятъ отъ излишняго возбужденія или помѣшательства, которыя производитъ нетрезвость. Сверхъ того можно иногда видѣть людей являющихся пьяными, чтобы воспользоваться своимъ избирательнымъ правомъ, или дать требуемое свидѣтельское показаніе или наконецъ для того, чтобы исполнять свои муниципальныя обязанности и болѣе всего пьяницы участвуютъ въ общественныхъ безпорядкахъ, въ возмущеніяхъ и въ мятежныхъ дѣйствіяхъ.

Поэтому люди просвѣщенные согласно указываютъ на увеличеніе опасностей, изыскивая въ то же время лучшія предупредительныя средства. Академія наукъ нравственныхъ и политическихъ часто этимъ занималась; судебная медицина издала поучительныя сочиненія, требуя вмѣшательства законодателя. *) По примѣру государствъ, въ которыхъ умножаются общества воздержанія, чтобы служить поддержкою своему законодательству противъ пьянства, во Франціи учредилась: «ассоціація противъ злоупотребленія крѣпкими напитками», которая намѣрена употребить всѣ средства внушенныя опытомъ и «требовать законныхъ мѣръ, которыя были бы дѣйствительны противъ общественнаго пьянства и ограждали бы надзоръ за продажею напитковъ.» **) Одинъ ученый судья издалъ въ 1870 г. брошюру, гдѣ доказывалось то, что обозначаетъ ея заглавіе: *О необходимости обузданія пьянства*, ***) и другой съ глубокою опытностію въ числѣ тѣхъ, которые съ тою же цѣлію обратились съ прошеніемъ къ законодателю. ****) Наконецъ сами депутаты внесли въ національное собраніе два проекта закона, которыхъ различныя предложенія она разсматриваетъ, послѣ благопріятныхъ донесеній. *****)

§ 4. Необходимость и законность особаго закона, предупредительнаго и карательнаго.

XIV.

Всѣ благоразумные люди согласно порицаютъ пьянство, какъ привычку безнравственную и причину порчи, но рас-

*) См. le rapport de M. Louis Reybaud et les mémoires de l'Academie des sciences morales et politiques (1864, 1-er trimestre, t. 59, p. 116 et t. 63, p. 173); et l'ouvrage de M. Brilland Lanjardière, avocat: de l'ivresse considérée dans ses conséquences médico-légales.

**) Cette association française est composée de notabilités médicales avec l'honorable M. Roussel, et présidée par M. Barth, président de l'Academie de médecine, médecin honoraire des hôpitaux.

***) M. de Neyremand, conseiller à la Cour de Colmar.

****) M. Falconet, président à la Cour de Paris.

*****) Projet de M. M. Desjardins, Dufeu, etc. (annexe № 406); projet avec exposé de motifs par M. Roussel (annexe № 507).

ходятся по вопросамъ о взысканіи, о необходимости спеціальнаго закона и о законности установленія наказаній для тѣхъ лицъ, у которыхъ порокъ этотъ не соединяется ни съ какимъ проступкомъ, предусмотрѣннымъ въ общемъ уложеніи, а равно и тѣхъ, у которыхъ нетрезвость бываетъ лишь только явленіемъ случайнымъ. Какимъ образомъ могло бы существовать это разногласіе, если только дѣло идетъ не о выборѣ средствъ, послѣ опыта послѣднихъ годовъ и въ виду опасностей для общественнаго порядка, которыя нынѣ обнаружились?

Мы понимаемъ, что въ эпоху болѣе или менѣе отдаленную, чтобы избѣжать спеціальнаго закона, прямо карающаго, въ сочиненіяхъ слишкомъ обобщающихъ вопросъ или подъ вліяніемъ преувеличенныхъ разсужденій, приводили возраженія, основываясь на разности странъ или состоянія климатическаго, на разнообразіи причинъ нетрезвости, трудности оцѣнки ихъ для судьи и возможности имѣть во власти полиціи достаточныя предупредительныя средства съ уголовной санкціей законныхъ уставовъ. Но въ наше время всѣ эти возраженія ничтожны или недостаточны, когда дѣло идетъ объ общественномъ порядкѣ, о защитѣ его противъ тревожной прогрессіи и о возрожденіи народа, нуждающагося въ нравственной и въ то же время мужественной силѣ. Особенно въ настоящее время вопросъ этотъ долженъ бы считаться рѣшеннымъ.

XV.

Думали найти полное основаніе къ отверженію даже какого-бы то ни было закона объ употребленіи или злоупотребленіи опьяняющими напитками въ слѣдующемъ размышленіи, извлеченномъ изъ «*Духа законовъ*»: «Подобный законъ (запрещающій пить вино) былъ бы нехорошъ въ холодныхъ странахъ, гдѣ климатъ какъ будто принуждаетъ народъ къ нѣкоторому пьянству, и которое не слѣдуетъ смѣшивать съ пьянствомъ отдѣльныхъ лицъ. Пьянство водворено по всей землѣ въ пропорціи, зависящей отъ холода и сырости климата... Естественно что тамъ, гдѣ вино противно климату и

слѣдовательно здоровью, невоздержаніе должно быть строже наказываемо, чѣмъ въ странахъ, гдѣ пьянство имѣетъ мало дурныхъ послѣдствій для человѣка, для общества и гдѣ оно не приводитъ людей въ бѣшенство, а только дѣлаетъ ихъ тупыми. Итакъ законы, наказывающіе пьяницу и за проступокъ его и за пьянство, могутъ быть приложимы только къ пьянству того или другаго лица, а не къ потребленію вина народомъ. Нѣмецъ пьетъ по обычаю, Испанецъ по выбору». *)

Буквальная цитата представляетъ намъ уже достаточное возраженіе. Самъ Монтескьё признавалъ справедливость закона, обуздывающаго *излишество* въ употребленіи вина, но онъ различалъ, возможно ли, чтобы законъ запрещалъ пить вино даже въ странахъ холодныхъ и въ какой мѣрѣ это излишество наказуемо, смотря по свойству страны. Къ тому же знаменитый публицистъ имѣлъ въ виду одно *вино*, разумѣется натуральное или безъ подмѣсей, производящихъ болѣе и болѣе опасности; слова его не могутъ быть примѣнимы къ опьяняющимъ жидкостямъ, нынѣ выдѣлываемымъ. Наконецъ, дѣло идетъ не о запрещеніи употребленія вина, ни даже возможнаго злоупотребленія: вопросъ представляется только объ излишествѣ и опасности, происходящей особенно отъ злоупотребленія крѣпкими напитками; трудности существуютъ только въ отношеніи опредѣленія поступковъ наказуемыхъ, что не можетъ быть возможно для просвѣщеннаго законодателя. Такъ большая часть государствъ образованныхъ, даже въ странахъ холодныхъ, имѣютъ теперь спеціальное законодательство, различныя и многочисленныя постановленія котораго представляютъ основаніе, могущее руководить нашихъ законодателей.

XIV.

Представлялись только особаго рода возраженія, нынѣ уже не имѣющія силы, при разсмотрѣніи сенатомъ въ 1861 г.

*) Montesquieu, Esprit des lois, liv. XIV, chap. X. Des lois qui ont des rapports à la sobriété des peuples.

прошенія мера и Версальскаго благотворительнаго комитета, которымъ они вызывали Сенатъ представить правительству о необходимости закона противъ пьянства простаго и соединеннаго съ безчинствомъ. По мнѣнію М. Туранжена, пьянство—порокъ, отвергаемый только нравственностію, или злоупотребленіе свободой, по которому человѣкъ приближается къ скоту; въ этомъ нельзя видѣть проступокъ, такъ какъ законъ не имѣетъ власти внушать добродѣтель гражданамъ и связывать ихъ личную свободу; если встрѣчается опасность, то отражать ее дѣло полиціи, при помощи случайныхъ и мѣстныхъ запрещеній, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста. Таковы были основанія, побудившія сенатъ, хотя прошеніе было одобрено и весьма хорошо принято, къ отсылкѣ его не министру юстиціи для изготовленія спеціальнаго карательнаго закона, но министру внутреннихъ дѣлъ, въ томъ предложеніи, что онъ можетъ принять достаточныя мѣры черезъ префектовъ и меровъ, въ силу ввѣренной имъ полицейской власти. *) Вслѣдствіе сего, въ своемъ циркулярѣ префектамъ отъ 14-го октября, министръ, говоря, что «кажется, еще не пришло время для изданія закона противъ пьянства», предлагалъ префектамъ строго наблюдать за исполненіемъ декрета 1851 года о продажѣ напитковъ и побуждать меровъ къ запрещенію пьяницамъ свободнаго прохода и остановки на общественномъ пути. Подъ вліяніемъ сенатскаго разсужденія, отвергнувшаго въ 1865 году новую просьбу, и наставленій префектамъ, предполагавшихся достаточными и способными къ развитію, М. М. Далло, въ разсужденіи 1865 года настоятельно поддерживали мнѣніе, что достаточно твердаго употребленія правительственной власти, что пьянство имѣетъ характеръ только нарушенія и что нѣтъ надобности въ спеціальномъ законѣ. **)

Но если было время, когда могло существовать такое мнѣніе, то опытъ послѣднихъ лѣтъ и доказанное увеличеніе

---

*) См. le prcès-veral de la séance du Sénat, du 13 mars 1861 (Monit, du 14 p. 354 et 355).

**) Dalloz, Jurisprud. Générale, 1865, 1.313.

общественной опасности не позволяетъ болѣе сомнѣваться въ настоятельной необходимости вмѣшательства самаго законодателя. Послѣ всего здѣсь высказаннаго, споръ можетъ быть только въ объемѣ или въ выборѣ средствъ предупредительныхъ и карательныхъ.

XVII.

Національное собраніе, получивъ порученіе защищать общественный порядокъ противъ всего, что ему грозитъ опасностію, его право и обязанность остановить возрастаніе пьянства, признаннаго опаснымъ. Слѣдуя примѣру странъ, имѣющихъ спеціальные законы противъ пьянства, держась преимущественно системы постепеннаго обузданія для предупрежденія пьянства, становящагося опаснымъ, оно можетъ устранить тѣ постановленія иностранныхъ законовъ, которыя несообразны съ началами и обычаями французскими, сдѣлать выборъ между другими и дать тѣмъ, которые оно предпочтетъ, то совершенство, къ какому они способны. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно найдетъ также полезныя постановленія не только въ древне-французскомъ эдиктѣ, котораго система постепенности наказаній соотвѣтствуетъ предмету, хотя его карательныя мѣры не могутъ болѣе быть допущены, но и въ законахъ военныхъ и морскихъ, которые предусмотрѣли разные случаи пьянства, чтобы подвергнуть за нихъ, по крайней мѣрѣ, наказаніямъ дисциплинарнымъ.

Съ 1790 г. военный законъ издалъ дисциплинарныя наказанія за пьянство, если оно даже не сопровождается безпорядкомъ. *) Уставъ 1833 г., поддерживаемый уложеніемъ военной юстиціи и припоминаемый въ одномъ циркулярѣ, издалъ постановленія, по которымъ состояніе нетрезвости есть проступокъ противъ дисциплины; наказаніе еще значительнѣе, если оно происходило въ присутствіи непріятеля или въ служебной командировкѣ и чинъ долженъ быть снятъ съ

*) L. 22 août 1790, tit 2, art 1 et 2.

капрала или унтеръ-офицера, который покажетъ своимъ подчиненнымъ примѣръ пьянства. *) Для морскаго войска уложеніе 1858 г, дозволило морскому начальству обузданіе нетрезвости, какъ нарушеніе. Полнѣе всего предусмотрѣны эти нарушенія въ законѣ 1852 г. для флота купеческаго. **) Этотъ законъ, будучи въ одно время дисциплинарныхъ и карательнымъ, имѣетъ постепенность, по которой наказанія увеличиваются, по степени проступка или опасности. Такъ пьянство безъ безпорядковъ наказывается какъ нарушеніе дисциплины; если существуетъ безпорядокъ, то это просту, покъ морской; наказаніе для простаго пьянства, которое уменьшается если проступокъ совершенъ на берегу, увеличивается если онъ привычный или на вахтѣ или офицеромъ и онъ еще значительнѣе, если состояніе нетрезвости было обнаружено со стороны лица, участвующаго въ управленіи кораблемъ. Подобная же постепенность, съ различіемъ по обстоятельствамъ и наказаніямъ, должна бы, повидимому, быть принята противъ тѣхъ, къ которымъ примѣнимъ предполагаемый законъ, цѣль коего нападать на пьянство и который долженъ для достиженія этого предусмотрѣть всѣ постепенности, начиная съ характеристическаго пьянства, публичное оказательство котораго есть уже, по крайней мѣрѣ, безчинство-

XVIII.

Первымъ постановленіемъ должно быть законодательное утвержденіе мѣры, которая по кассаціонному рѣшенію 18 августа 1860 г. была во власти полиціи и имѣла санкцію въ ст. 471 п. 15. улож. о наказ.; такимъ образомъ публичное обнаруженіе нетрезвости должно быть всегда наказано штрафомъ, даже при отсутствіи мѣстнаго устава и при повтореніи должна давать полицейскому судьѣ право назначать тюремное заключеніе до 3-хъ дней, смотря по обстоятель-

---

**) Réglement du novembre 1833, chap. 33, art 265 et 284; Circ. minist 17 août 1844.

*) Décret du 24 mars 1852, art. 58, 60, 73 et 78.

ствамъ. Въ простой нетрезвости, заявленной послѣ двухъ приговоровъ къ наказаніямъ, законъ могъ бы видѣть уже проступокъ, за который судъ исправительной полиціи долженъ былъ бы налагать высшее наказаніе, и еще болѣе значительное если проступокъ повторился. Слѣдовало бы также строго наказывать избирателя, свидѣтеля, присяжнаго засѣдателя, муниципальнаго офицера и всякаго агента или пристава, которые явились бы въ нетрезвомъ видѣ къ исполненію своихъ обязанностей; также того, кто черезъ свое нетрезвое состояніе подвергаетъ другихъ лицъ опасности, управляя ли какимъ-нибудь экипажемъ или при другой опасной работѣ. Во многихъ случаяхъ высшее наказаніе должно быть сопровождаемо лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, таковы право голоса, свидѣтельства, ношенія оружія, вступленія въ службу и т. д.

Противъ торгующихъ напитками нужно, чтобы законъ самъ установилъ тѣ запрещенія, которыя предоставлены распоряженію полицейскихъ властей по декрету 1851 г., и чтобы законъ поименовалъ дѣйствія запрещенныя и назначилъ за нихъ наказанія, которыя имѣли бы достаточную силу. Запрещеніе принимать или давать пить малолѣтнимъ, не провожаемымъ близкими ихъ родными, заставлять пить кого-нибудь до опьяненія и предусмотрѣніе случаевъ повторенія подобныхъ проступковъ, должны быть точно и энергически утверждены этимъ спеціальнымъ закономъ, который давалъ бы судьѣ власть при повторяемости проступка закрывать заведеніе виновнаго, и рѣшеніе это объявлять и выставлять, особенно въ этихъ спеціальныхъ заведеніяхъ.

Г. Г. Щуровскій.

(съ французскаго).

— —

ОПЫТЪ КОММЕНТАРІЯ

НА 172 И 173 СТАТЬИ X Т. I Ч. ЗАК. ГРАЖД.

(въ отношеніи принципа объ обязательномъ обученіи грамотѣ въ Россіи).

Изданное нынѣ правительствомъ законоположеніе объ *обязательной* для всѣхъ лицъ воинской повинности,—естественно возбуждаетъ вопросъ объ *обязательномъ* обученіи всѣхъ дѣтей *грамотѣ*.

По нашему твердому и непзмѣнному убѣжденію дѣйствующіе въ Россіи гражданскіе законы вполнѣ *согласны* съ началомъ всеобщаго обязательнаго обученія грамотѣ.

По статьѣ 172 т. X, ч. I зак. гр. „Родители *обязаны* дать несовершеннолѣтнимъ.... *воспитаніе* доброе и честное по своему состоянію".

Ст. 173 тѣхъ же законовъ. „Они (родители) *должны* обращать все свое вниманіе на нравственное *образованіе* дѣтей"...

Слѣдовательно по духу нашего законодательства всѣ родители обязаны давать дѣтямъ „воспитаніе" и „образованіе"; но воспитаніе и образованіе немыслимы безъ обученія дѣтей грамотѣ.

Этотъ принципъ русскаго законодательства мы подвергнемъ подробному комментарію не съ одной только внѣшней, формальной стороны, но и по внутреннему его содержанію.

XIX столѣтіе выработало всеобщее убѣжденіе, что распространеніе грамотности въ массѣ населенія—необходимо

для преуспѣянія всякаго общества; что оставленіе людей неграмотными до нѣкоторой степени равносильно низведенію ихъ на степень животныхъ, задержанію ихъ религіознаго, умственнаго и нравственнаго развитія.

Между тѣмъ, вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ причинъ, Россія въ отношеніи народнаго образованія de facto представляетъ то замѣчательное явленіе, что *высшіе* классы общества нисколько не уступаютъ образованнымъ классамъ прочихъ европейскихъ государствъ, тогда какъ наши *податныя* сословія (крестьянское и мѣщанское) въ огромномъ большинствѣ даже вовсе незнаютъ грамоты *).

Въ настоящее время, бо́льшая часть сельскаго и городскаго населенія Россіи, по неимѣнію средствъ къ образованію, находится въ самомъ незавидномъ состояніи. Невѣжество коренится въ народѣ и является взорамъ наблюдателя со всѣми его грустными послѣдствіями. Рядомъ съ соблюденіемъ обрядовъ, установленныхъ церковью, идутъ обряды, имѣющіе начало еще въ язычествѣ и уважаемые народомъ не только не менѣе, но почти болѣе первыхъ. Въ семействахъ—жена не помощница, не подруга мужа, а раба; дѣти не близкія сердцу существа. Въ нравахъ растлѣніе. Свободное отъ работъ время проводится въ грубыхъ увеселеніяхъ. Независимо отъ сего невѣжество доставляетъ возможность къ распространенію самыхъ нелѣпыхъ слуховъ между народомъ.

Итакъ всеобщаго распространенія грамотности въ русскомъ народѣ требуютъ религіозные, нравственные, матеріальные и политическіе интересы Россіи. Возможно ли иначе извлечь нашъ народъ изъ тьмы невѣжества и спасти его

*) Въ 1868 году въ Россіи *одинъ* учащійся приходился на 70 человѣкъ (957,161 учащійся и 198,612 учащихся въ 36,343 училищахъ); въ Италіи 1 учащійся—на 18 человѣкъ, въ Испаніи 1—на 13, во Франціи и Бельгіи 1—на 9, въ Ирландіи 1—на 8, въ Пруссіи 1—на 6, (см. моск. вѣд. за 1869 г., № 41). Число учащаяся въ народныхъ училищахъ на каждые 10,000 жителей приходится: въ Пруссіи—1520, Англіи—1400, Голландіи—1280, Франціи—1160, Бельгіи—1140, Австріи—830, въ Россіи—830. Слѣдовательно въ Россіи сравнительно число учащихся въ *десять* разъ менѣе, нежели въ Пруссіи.

отъ угрожающаго ему распространенія всякаго рода лжеученій, и отъ не менѣе угрожающаго ему нравственнаго растлѣнія, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося пьянства, которое губитъ его и въ нравственномъ и въ экономическомъ и даже въ физическомъ отношеніи. Что, какъ не всеобщее образованіе, въ состояніи поднять духъ народа, внушить ему уваженіе къ собственному человѣческому и національному достоинству, уваженіе къ закону, ко всѣмъ своимъ обязанностямъ, и облагородить его наклонности и привычки?

Успѣхи другихъ народовъ въ дѣлѣ начальнаго образованія по истинѣ изумительны, и усилія, все еще употребляемыя ихъ правительствами и обществами въ этомъ направленіи, обнаруживаютъ энергію, о которой мы и понятія не имѣемъ. Въ настоящее время судьбы государствъ и народовъ болѣе разрѣшаются степенью ихъ умственнаго образованія, нежели ихъ матеріальной силой, которая въ свою очередь, также зависитъ отъ успѣховъ умственнаго образованія, ибо съ симъ послѣднимъ тѣсно связаны: процвѣтаніе промышленности, накопленіе частныхъ сбереженій, и слѣдовательно и увеличеніе народнаго богатства *).

Посему наше отечество, (если оно желаетъ удержать свое мѣсто въ ряду другихъ державъ и упрочить свое развитіе въ будущемъ)—должно принять самыя энергическія и неотлагательныя мѣры *къ повсемѣстному распространенію грамотности въ народѣ*, тѣмъ болѣе, что нынѣ двадцать милліоновъ *крестьянъ* получили человѣческія права и освобождены отъ крѣпостной зависимости; посредствомъ *земскихъ учрежденій* всѣ русскіе, безъ различія сословій, соединены въ одну общую земскую *семью* и допущены къ участію въ завѣдываніи мѣстными по каждой губерніи и каждому уѣзду дѣлами **); наконецъ вслѣдствіе *судебной реформы*, осущест-

*) См. по сему предмету: занятія комитета грамотности (проектъ г. Ермакова, 1859 г. стр. 31), а также Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. т. II, стр. 198 и слѣд.

**) Изъ „Правительственнаго Вѣстника“ видно, что между избранными по 22 губерніямъ въ земскія учрежденія гласными находятся:

вившей учрежденіе „присяжныхъ засѣдателей“, русскіе люди призваны къ произнесенію приговора о судьбѣ своего ближняго по внутреннему убѣжденію и по внушенію совѣсти *). Пользованіе же крестьянами и податными сословіями вновь предоставленными имъ верховною властію гражданскими и общественными правами—само собою возбуждаетъ вопросъ о распространеніи въ народѣ знанія грамоты.

Правильность послѣдняго вывода получила офиціальное подтвержденіе во „Всеподданнѣйшемъ отчетѣ Министра Народнаго Просвѣщенія за № 1867 г.“, въ коемъ изложено: „Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, со введеніемъ земскихъ учрежденій и гласнаго судопроизводства и съ другими великими реформами, ознаменовавшими нынѣшнее царствованіе, образованіе *массы народонаселенія* сдѣлалось вопросомъ *насущной необходимости*, а потому устройство низшихъ училищъ, соотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ народонаселенія, становится предметомъ первостепенной важности“.

По словамъ отчета этого „въ настоящее время низшія наши училища, служащія разсадниками народнаго образованія, представляютъ двѣ степени: *первую* низшую составляютъ *приходскія, начальныя народныя училища* и вообще *школы грамотности*, сообщающія самое элементарное образованіе, научающія началамъ закона Божія, чтенію, письму, счисленію и основнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ. Школы эти

крестьянъ въ первое трехлѣтіе—38 $^1/_2$% (3629 человѣкъ), во второе трехлѣтіе—37% (3494 человѣка). Уже изъ этого очевидно, можно ли оставлять крестьянъ неграмотными?

*) Неграмотность служитъ препятствіемъ къ отправленію правосудія,—такъ въ судебной практикѣ случалось уже нѣсколько разъ, что между 12 присяжными не было *ни одного грамотнаго* (см. Судебный Вѣстникъ 1869 г. № 209 и 137). Западные кодексы требуютъ отъ присяжныхъ безусловно знанія *читать* и *писать*; у насъ же по ст. 670 уст. угол. суд. 1) *старшина* присяжныхъ засѣдателей долженъ быть “грамотнымъ“, 2) въ составѣ присяжныхъ должно быть по крайней мѣрѣ двое грамотныхъ, (въ ст. 670 сказано буквально: „присяжные засѣдатели для управленія ихъ совѣщаніями избираютъ изъ среды своей старшину изъ грамотныхъ лицъ.“)

находятся въ городахъ и селахъ. *Вторую* высшую, степень образуютъ *уѣздныя училища,* довершающія низшее образованіе болѣе подробнымъ изученіемъ догматовъ религіи, ознакомленіемъ съ грамматикой роднаго языка, ариѳметикой, начальными основаніями геометріи и съ важнѣйшими событіями и фактами всеобщей и отечественной исторіи и географіи“.....

Такимъ образомъ дѣйствующими законами проведено строгое разграниченіе между: 1) *элементарнымъ образованіемъ*, то есть такимъ, которое необходимо для *всѣхъ* простолюдиновъ и безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ человѣкъ; и 2) *образованіемъ высшимъ,* доступнымъ только достаточнымъ людямъ или же лицамъ, посвящающимъ себя профессіямъ, требующимъ умственнаго труда или ученыхъ техническихъ познаній.

Элементарное образованіе, долженствующее быть распространеннымъ въ массѣ народа, имѣетъ цѣлью не создать ученыхъ, но сообщить всѣмъ учащимся первоначальныя свѣдѣнія, необходимыя для развитія ихъ способностей или свѣдѣнія полезныя имъ на поприщѣ практической жизни. Поэтому элементарное образованіе должно, не обнимая обширнаго круга знаній, ограничиться изученіемъ того, что имѣетъ практическую необходимость и ежедневное примѣненіе на различныхъ житейскихъ поприщахъ, которыя ожидаютъ дѣтей по выходѣ ихъ изъ школы. Вѣрное средство ослабить и лишить энергіи элементарное образованіе состояло-бы въ томъ, чтобы дѣтей, которыя едва умѣютъ читать, заставлять заниматься грамматическими тонкостями, или изученіемъ полнаго курса физики и естественной исторіи. Нужно, чтобы каждое дитя, одушевленное сверхъ того тѣми христіанскими убѣжденіями, которыя должны руководить жизнію, вышло изъ народныхъ училищъ, зная читать, писать и считать—и тогда оказана будетъ огромная услуга государству *).

---

*) Относительно предѣловъ элементарнаго преподаванія можно привести слѣдующее: „истиннымъ просвѣщеніемъ, полезнымъ для себя и для общества, обладаетъ тотъ, кто ясно понимаетъ свои отношенія и

Дитя въ одно и тоже время составляетъ часть семейства и общества, изъ сего слѣдуетъ, что задача, имѣющая цѣлью устройство народнаго образованія, есть задача сложная, въ которой нужно не принесть въ жертву право семейства праву государства, но напротивъ того согласить и уравновѣсить между собою то и другое. Государство имѣетъ несомнѣнную обязанность организовать образованіе; жизнь въ обществѣ—есть условіе, безъ котораго человѣкъ не можетъ развиваться нравственно и достигать предназначенныхъ ему цѣлей. Но общество не могло бы обезпечить отдѣльнымъ лицамъ нравственнаго развитія, если бы оно не имѣло права требовать, чтобы сдѣлали изъ дитяти посредствомъ воспитанія и образованія человѣка, уважающаго и понимающаго законы, преданнаго своему отечеству, имѣющаго наклонности, которыя могутъ способствовать величію и процвѣтанію государства. Родители совершенно ошиблись бы въ своихъ правахъ и обязанностяхъ, если бы они разсуждали слѣдующимъ образомъ: *„мы не просимъ никакого пособія у общественныхъ училищъ и можемъ воспитывать своихъ дѣтей дома, какъ мы хотимъ, въ духѣ атеизма или презрѣнія къ началамъ нравственности и преданности правительству; мы можемъ не давать дѣтямъ никакого образованія“*. Право столь абсолютное, столь неограниченное не принадлежитъ родителямъ. Будучи обязаны многими благодѣяніями общественной власти (такъ какъ послѣдняя гарантируетъ

обязанности въ кругу, въ которомъ его поставила судьба и умѣетъ удовлетворить имъ. Этою цѣлью и должно ограничиться преподаваніе во всѣхъ народныхъ школахъ. Обучать простолюдина такимъ наукамъ, которыми онъ впослѣдствіи времени въ своей сферѣ пользоваться не можетъ, значитъ терять по пустому время: простолюдинъ очень скоро забудетъ то, чему учился въ школѣ, а что и останется въ его памяти, такъ образуются въ его головѣ смутныя понятія, плодамъ которыхъ явятся ложныя заключенія и неудовлетворимыя въ его состояніи желанія, отсюда недовольство своею участью и все несчастіе. Школа обязана основательно ознакомить простолюдина съ его обязанностями человѣческими, христіанскими, гражданскими, семейными и съ различными ремеслами, чтобы впослѣдствіи онъ могъ выбрать для себя такое, которое наиболѣе соотвѣтствовало бы его способностямъ и наклонностямъ, должна выучить его хорошо читать, писать, считать..... (Слова короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III).

имъ пользованіе ихъ семейными правами и охраняетъ ихъ жизнь и имущество) — они не могутъ оставлять своихъ дѣтей *безъ всякаго образованія*, низводя ихъ тѣмъ на степень животныхъ; родители обязаны, давая образованіе своимъ дѣтямъ, думать также объ обществѣ, и они нарушили бы свою обязанность, если бы не воспитывали дѣтей такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ихъ полезными гражданами.

Право, принадлежащее родителямъ, заключается лишь въ произволѣ: 1) избирать для своихъ дѣтей изъ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній (существующихъ съ разрѣшенія правительства въ государствѣ), то, которое они считаютъ болѣе пригоднымъ, или же 2) воспитывать своихъ дѣтей дома, по той или другой педагогической системѣ, но не иначе какъ въ направленіи, указанномъ правительствомъ *); такъ по ст. 173 свода зак. гр. родители должны "стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить правы... (дѣтей) и *содѣйствовать видамъ правительства*".

Итакъ правительство имѣетъ право требовать отъ родителей извѣстный *minimum образованія* ихъ дѣтей, предоставляя дальнѣйшее обученіе сихъ послѣднихъ и выборъ для нихъ заведенія — безграничному усмотрѣнію родителей. Но самая *организація* народнаго образованія составляетъ прямую, непосредственную обязанность *правительства*, и если бы сіе послѣднее не приняло на себя открытіе народныхъ училищъ, то это было бы съ его стороны равносильно отреченію отъ цѣлой отрасли законодательной и правитель-

*) По словамъ Тьера одинъ отецъ любитъ строгое, непреклонное воспитаніе общественныхъ заведеній, другой предпочитаетъ болѣе кроткое воспитаніе частныхъ заведеній; одинъ любитъ спеціальныя свѣдѣнія, другой заботится о религіозномъ развитіи, одинъ хочетъ, чтобы сынъ его выбралъ военное ремесло, другой приготовляетъ его къ выгоднымъ профессіямъ; каждый наконецъ желаетъ воспитывать своего сына, руководствуясь своимъ усмотрѣніемъ и даже отеческимъ пристрастіемъ. Все это совершенно законно. Надо дать всѣмъ отцамъ семействъ средства удовлетворить ихъ различныя стремленія; но общество не должно *отрекаться* отъ права, не менѣе священнаго и ему принадлежащаго—заботиться чтобы молодыя поколѣнія *получали надлежащее образованіе* и содѣйствовали тѣмъ увеличенію и возобновленію интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ народа.

ственной власти, оставленію молодыхъ поколѣній на жертву различнымъ вреднымъ направленіямъ, могущимъ господствовать въ обществѣ, нарушенію обязанности—доставлять подданнымъ благосостояніе и средства къ развитію. Сверхъ того не слѣдуетъ забывать, что въ нашемъ отечествѣ, отличающемся искони преданностью престолу и монархической власти—всѣ мѣропріятія возбуждаемы были по иниціативѣ правительства. Уже изъ этого слѣдуетъ, что *починъ* въ столь важномъ дѣлѣ, каково народное образованіе должно принадлежать *правительству*.

По вопросу: „должно ли народное обученіе быть основано на началахъ *обязательности* (принужденія) или не зависѣть отъ произвола частныхъ лицъ и обществъ"—мы убѣждены:

а) что въ Россіи, безъ закона *объ обязательномъ обученіи каждаго ребенка грамотѣ* (система личной обязательности), и по прошествіи ста лѣтъ половина народонаселенія будетъ пребывать въ безграмотствѣ, и б) что напротивъ того въ случаѣ точнаго формулированія сего закона—уже черезъ 30 лѣтъ *все* молодое поколѣніе будетъ знать грамоту и конечно не оставитъ въ невѣжествѣ своихъ дѣтей.

Вотъ та дилемма, которая представляется на выборъ правительства и земства, и которую не могутъ затмить никакія тенденціозныя разсужденія.

Вопросъ о личной обязательности обученія, представляетъ для будущности Россіи такую огромную важность, что мы считаемъ необходимымъ подвергнуть его безпристрастному и всестороннему обсужденію, взвѣсивъ всѣ извѣстныя доселѣ доводы, за и противъ. Но мы повторяемъ еще разъ: для каждаго русскаго любящаго свое отечество,—выводъ не можетъ представляться сомнительнымъ и весь вопросъ заключается не столько въ принципѣ *), сколько въ *способахъ*

*) Замѣчательно что идея обязательнаго или принудительнаго обученія (Schulzwang) зародилась въ головѣ *Лютера;* онъ первый сказалъ, что правительства должны принуждать (*zwingen*) подданныхъ къ тому, чтобы они посылали дѣтей своихъ въ школу. См. по сему предмету сочиненія: Eugène Rendu, Mémoire à Empereur sur l'instruction primaire obligatoire; Laveley, „De l'instruction du peuple au XIX siecle (Revue des deux mondes 15 № 1865 1 janvier, 15 avril et

провести въ Россіи начало *всеобщаго* обученія грамотѣ.

Противники *„обязательнаго обученія* каждаго ребенка грамотѣ", приводятъ противъ него слѣдующее:

1) Оставлять дитя безъ знанія грамоты еще не значитъ предавать его грубости и развращенію. Тутъ очевидно преувеличеніе. Унижаетъ и развращаетъ человѣка — подчиненіе его своимъ инстинктамъ и страстямъ, а не отсутствіе образованія; можно встрѣтить, особенно въ деревняхъ, множество людей, совершенно незнающихъ грамоты, но нѣкоторые однакоже одарены здравымъ смысломъ, чувствами благородными и возвышенными. Есть напротивъ того люди, получившіе образованіе, но которые приближаются къ животнымъ своими привычками. Первональное образованіе помогаетъ конечно умственному развитію, но оно не образуетъ нравственнаго чувства и сіе послѣднее даже не всегда слѣдуетъ за образованіемъ.

2) Грамотность еще не есть образованіе; она есть только возможное орудіе умственнаго развитія людей, но не составляетъ сама по себѣ цѣли, къ которой слѣдуетъ исключительно стремиться, напротивъ нужно избѣгать грамотнаго невѣжества; затѣмъ для распространенія грамотности нѣтъ необходимости прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ обученія, во что бы то ни стало.

3) Хотя права родительской власти и ограничены закономъ на случай злоупотребленія ими, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы правительство могло принудительно отправлять дѣтей въ школы. Препятствовать дѣлать зло или принуждать дѣлать добро—это двѣ вещи совершенно различныя.

4) Законъ объ обязательномъ обученіи дѣтей грамотѣ—

---

1 aout 1866); даровое и обязательное обученіе, докладъ министра Дюрю и Наполеону III (ж. м. н. пр. 1865. т. I); „занятія комитета грамотности" 1863 г. и пр. *Пособія:* Pasquier—Recherches, liv. 3, chap. 44. Lebret—De la souveraineté, liv. 4, chap. 12. Domat—Droit, public liv. 1, tit. 2, secs. 2, n° 44. Servin liv. 1, plaid. 15 t 12. Cousin—Déplase de l'université et de la philosophie p. 2. Thiers, Broglio: Rapport à la chambre 13 avr. 1844. Troplong – Du nouvoir de l'Etat sur l'enseignement p. 6 и 9. Serrigny—Droit public, t. 2. p. 328.

составляетъ собою вторженіе во внутреннюю жизнь семейства и служитъ къ нарушенію правъ родительской власти надъ дѣтьми.

5) Отецъ можетъ имѣть законные поводы не посылать своихъ дѣтей въ училище по неимѣнію денегъ на плату учителю. Сверхъ того обязательность обученія создаетъ новый налогъ, въ видѣ платы за ученіе, весьма обременительный для крестьянъ.

6) Для бѣдныхъ семействъ обязательное обученіе затруднительно, ибо въ домашнемъ быту прибѣгаютъ весьма часто къ услугамъ дѣтей; пребываніе же въ школахъ дѣтей лишаетъ родителей услугъ сихъ послѣднихъ. Посему обязательное обученіе, отрывая дѣтей отъ работъ, стѣсняетъ свободу труда и уменьшаетъ производство.

7) Если учитель не внушаетъ довѣрія отцу, если посѣщеніе извѣстной школы послѣднему кажется вреднымъ для нравственности его дитяти, то несправедливо подвергать дитя подобнымъ опасностямъ. Въ дѣлѣ образованія нужно именно не столько искоренять зло, уже сдѣланное, сколько предупреждать зло. Въ городахъ, гдѣ существуетъ множество учителей, отецъ по крайней мѣрѣ можетъ выбирать между ними, но если только одинъ учитель, какъ это бываетъ въ бо́льшей части волостей, то едва-ли можно предписать родителямъ именно обратиться къ этому учителю.

8) Принудительное образованіе оскорбляетъ два начала: свободу личности и свободу обученія.

9) Установляя принципъ вмѣшательства правительства въ какомъ-либо дѣлѣ, нужно быть крайне осторожнымъ; это вмѣшательство такъ часто бываетъ-де произвольно, безполезно и даже вредно, что нужно по возможности избѣгать его. Кромѣ того въ настоящемъ случаѣ опека правительства представляется лишнею уже потому, что (по сознанію самихъ сторонниковъ обязательнаго обученія) оная должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ частныя лица лучше будутъ сознавать необходимость образованія. Поэтому нынѣ вовсе несвоевременно пытаться облечь правительство *новою* дис-

циплинарною властью, поручивъ ему въ тоже время новую обязанность.

10) Возлагаемая на родителей обязанность посылать ихъ дѣтей въ народное училище, не согласуется съ свободою совѣсти, потому что дитя можетъ встрѣтить религіозное обученіе, совершенно несогласное съ тѣми убѣжденіями, которыя отецъ желалъ бы въ немъ видѣть.

11) При нынѣшнемъ состояніи народныхъ училищъ, нѣтъ матеріальной возможности допустить въ оныя всѣхъ дѣтей.

12) Обязательность разрушитъ дисциплину и воспрепятствуетъ успѣшному преподаванію потому, что народныя училища будутъ насильственно наполнены дѣтьми, нежелающими учиться и только мѣшающими занятіямъ остальныхъ.

13) Обязательное обученіе есть утопія, которая на практикѣ недостижима, и нисколько не примѣнима къ мѣстнымъ условіямъ нашего отечества.

14) Она возбудитъ сильное сопротивленіе общества и вслѣдствіе этого не произведетъ плодотворныхъ результатовъ. Извѣстно, съ какою неохотою русскимъ народомъ принимаются всѣ обязательныя мѣры. Для успѣха образованія необходимо, чтобы *самъ народъ* сознялъ потребность въ грамотѣ и отдавалъ бы охотно дѣтей учиться въ школы.

15) Обязательность обученія тамъ только соблюдается, гдѣ она установляется естественнымъ, постепеннымъ историческимъ развитіемъ. Мы не можемъ основываться на примѣрѣ Пруссіи и Швейцаріи, гдѣ система обязательнаго обученія принята большинствомъ общества, гдѣ жители посылаютъ дѣтей въ школы добровольно, гдѣ обязательность пріобрѣла характеръ нравственнаго принужденія, и гдѣ наконецъ общество пережило періодъ сомнѣній, относительно способовъ образовательныхъ.

16) Русскій народъ вообще мало довѣряетъ офиціальнымъ школамъ и людямъ образованнымъ, если еще при этомъ употребить мѣры принудительныя, то они не только разовьютъ недовѣріе, но могутъ быть причиною многихъ злоупотребленій. Еще при Владимірѣ Святомъ матери убѣгали въ лѣса съ дѣтьми, чтобы избѣгнуть понудительнаго обученія.

17) Частная иниціатива относительно отдачи дѣтей въ училища (что напр. замѣтно въ Англіи) представляетъ гораздо болѣе ручательствъ въ успѣхѣ, нежели обязательность обученія; русскій народъ самъ стремится къ тому, что выгодно, а быть образованнымъ выгодно, ибо грамотные крестьяне пользуются большимъ вліяніемъ въ своей средѣ.

18) Обязательность обученія противна—де нравственности и справедливости; сверхъ того въ Россіи не существуетъ религіознаго требованія относительно грамотности, тогда какъ въ протестантскихъ земляхъ неграмотныя лица не допускаются къ конфирмаціи.

19) Любовь родителей къ ихъ дѣтямъ, столь согласная съ природою, есть достаточная гарантія того, что родители не станутъ препятствовать нравственному и умственному развитію своихъ дѣтей, не оставятъ ихъ безъ обученія грамотѣ.

20) Всякое насиліе неправильно, даже если бы оно вело къ добру.

21) Съ Петра Великаго дворяне были обязаны учиться грамотѣ, а при неисполненіи сего не могли жениться и лишались правъ; но несмотря на это, только черезъ 100 лѣтъ дворяне начали сознавать пользу и необходимость образованія. Примѣнить подобныя мѣры и взысканія къ крестьянамъ невозможно, ибо нельзя напр. воспретить неграмотнымъ крестьянамъ жениться.

22) Законъ объ обязательности обученія не можетъ существовать безъ наказаній и штрафовъ, а послѣдніе въ высшей степени несправедливы. Трудно убѣдить отдѣльныхъ лицъ въ необходимости грамоты черезъ лишеніе правъ и другія взысканія. Не смѣшно ли наказывать за нежеланіе пріобрѣсти выгоды?

23) Въ Россіи находится множество инородческихъ племенъ, для которыхъ обязательное обученіе русской грамоты можетъ представляться весьма затруднительнымъ.

Противъ этихъ доводовъ можно возразить слѣдующее:

1) Неграмотность ни въ какомъ случаѣ не должна быть терпима; эту аксіому признаетъ и правительство. Такъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія

за 1867 г. сказано: *„что образованіе массы народонаселенія сдѣлалось вопросомъ насущной необходимости, а потому устройство низшихъ училищъ, соотвѣтственное дѣйствительнымъ потребностямъ народонаселенія, становится предметомъ первостепенной важности“.*

Мысль, что извращаетъ и унижаетъ человѣка не неграмотность, а подчиненіе своимъ инстинктамъ и страстямъ—есть ничто иное какъ пародоксъ. Ничто не развиваетъ настолько умственныя и нравственныя силы человѣка, какъ образованіе, и ничто не предоставляетъ его настолько дѣйствію грубыхъ инстинктовъ и страстей, какъ отсутствіе образованія; человѣкъ же неграмотный, безъ сомнѣнія, находится въ самомъ унизительномъ состояніи, ибо онъ возвышается надъ животными только даромъ слова и способностью къ самостоятельному механическому труду. Для него закрыта: и религія съ ея догматами и высшими идеалами и понятія о нравственности и чести; ему непонятны общественныя добродѣтели и чувство человѣческаго достоинства—всю свою жизнь онъ какъ бы блуждаетъ въ потьмахъ. Весь кругозоръ его ограниченъ тою узкою рамкою, въ предѣлахъ которой протекаетъ его существованіе; о своемъ отечествѣ, о народѣ къ коему онъ принадлежитъ, онъ имѣетъ лишь самыя смутныя и превратныя понятія. Встрѣчаются конечно нѣкоторые неграмотные простолюдины, одаренные чувствами благородными и возвышенными, но это лишь счастливыя исключенія и нѣтъ сомнѣнія, что если бы тѣже лица получили надлежащее образованіе, то они принесли бы въ десять разъ болѣе пользы той средѣ, въ которой они находятся, и могли бы сдѣлаться полезными дѣятелями на различныхъ поприщахъ жизни. Если религія учитъ насъ, что человѣкъ одаренъ безсмертною душою, то едва ли не является проступкомъ въ религіозномъ смыслѣ—оставлять безъ развитія духовную сторону человѣка, подчинить послѣдняго его тѣлеснымъ страстямъ и инстинктамъ. Итакъ образованіе возвышаетъ человѣка надъ животными, невѣжество и незнаніе грамоты—почти низводятъ человѣка на степень прочихъ тварей.

2) Доказываніе, что грамотность не есть образованіе, не

есть цѣль сама по себѣ—нисколько не опровергаетъ необходимости обязательнаго обученія. Знаніе одной грамоты конечно не завершаетъ собою развитія людей, но это есть первое и необходимое звено, ведущее къ образованію. Поэтому во всѣхъ государствахъ естественный ходъ событій состоялъ въ томъ, что сначала между народомъ распространялось знаніе грамоты; затѣмъ слѣдующее поколѣніе расширяло кругъ своихъ познаній и пріобрѣтало болѣе свѣденій, нежели ихъ родители; наконецъ третье поколѣніе имѣло возможность получить уже полное и всестороннее образованіе, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ понимать и сочувствовать высшимъ нравственнымъ и патріотическимъ началамъ, и (что еще важнѣе) проводить ихъ въ жизнь *). Итакъ отрицать необходимость изученія грамоты также безсмысленно, какъ воспрещать ребенку начинать учиться ходить, на томъ основаніи, что онъ не можетъ тотчасъ же начать бѣгать. Грамотность для каждаго человѣка есть единственное средство пріобрѣтать необходимыя для него познанія, не доходя до нихъ путемъ собственнаго опыта, на что потребовались бы сотни лѣтъ, тогда какъ жизнь человѣка на землѣ продолжается едва нѣсколько десятковъ лѣтъ. Затѣмъ было бы нелѣпостью возставать противъ распространенія грамотности въ народѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что невозможно тотчасъ же сдѣлать всѣхъ простолюдиновъ вполнѣ образованными людьми. Въ такомъ доказываніи заключалось бы злонамѣренное противорѣчіе, ибо откладывая распространеніе въ народѣ одной грамотности, тѣмъ самымъ отсрочивали бы то время, когда всѣ русскіе посредствомъ грамотности будутъ въ состояніи получить надлежащее образованіе. Когда всѣ русскіе будутъ знать грамоту, то для достиженія превосходныхъ результатовъ останется только дать хорошія книги въ руки этихъ милліоновъ читателей.

*) Распространеніе въ народѣ грамотности имѣетъ вліяніе и на поднятіе въ націи воинскаго духа, такъ по донесенію фонъ-Роона и фонъ-Мольтке прусскому королю: *„армія вашего королевскаго величества, которая нынѣ сражалась и побѣдила, вся вышла изъ прусской народной школы и образовалась въ ней.*

Окончательный выводъ нашъ тотъ, что если грамотность необходима, то обязательность обученія нужна какъ средство къ ея распространенію, затѣмъ вопросъ состоитъ уже въ томъ: насколько правила объ обязательности обученія, какъ *средствѣ*, справедливы и полезны.

3) Противъ обязательности приводятъ, что правительство не можетъ принудительно и помимо родителей, отправлять дѣтей въ школы. Но законъ объ обязательности обученія, въ томъ видѣ, въ какомъ необходимо издать его въ Россіи и въ какомъ онъ существуетъ въ большей части европейскихъ государствъ и въ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ штатахъ—дѣйствуетъ не на дѣтей помимо родителей, а на *самихъ* родителей. Доводъ, что правительство можетъ препятствовать дѣлать зло, а не принуждать дѣлать добро—истекаетъ только изъ незнанія постановленій свода законовъ. По зак. гражд. „родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду"... (ст. 172); по достиженіи дѣтьми надлежащаго возраста, родители пекутся объ опредѣленіи сыновей на службу и въ промыслы... (ст. 174). Слѣдовательно законы не только воспрещаютъ извѣстные поступки, но и предписываютъ извѣстныя обязанности родителей относительно ихъ дѣтей, затѣмъ и вышеупомянутый доводъ представляется неосновательнымъ.

4) Возраженіе, что законъ объ обязательномъ обученіи дѣтей грамотѣ, составляетъ собою незаконное и неоправдываемое ничѣмъ вторженіе во внутреннюю жизнь семейства, и служитъ къ нарушенію правъ родительской власти надъ дѣтьми—должно быть подвергнуто подробному разсмотрѣнію.

Законъ есть изданное верховною властью правило, исполненіе котораго обязательно для всѣхъ лицъ, живущихъ въ государствѣ. Государство есть учрежденіе, имѣющее цѣлью доставить отдѣльнымъ лицамъ, его составляющимъ, благосостояніе и возможность къ развитію и къ этой то цѣли должны быть направлены всѣ мѣропріятія правительства. Безъ знанія грамоты для людей невозможны нравственное развитіе и пользованіе плодами цивилизаціи, слѣдовательно незнаніе грамоты есть препятствіе къ развитію народа.

Устранять же всѣ подобныя препятствія, есть не только право, но и прямая непосредственная обязанность правительства *). На землѣ нѣтъ такого мѣропріятія, сколь бы полезно и даже необходимо оно ни было, котораго бы исполненіе для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ не было стѣснительно. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что законъ долженъ имѣть въ виду интересы *большинства* людей и все зависитъ отъ того, чего больше—пользы или вреда должно ожидать отъ приведенія онаго въ дѣйствіе? Сверхъ того, для достиженія цѣлей государства (благосостоянія и безопасности) на подданныхъ возложены многія обязанности, исполненіе которыхъ для нихъ несравненно стѣснительнѣе, нежели предписаніе обучить грамотѣ ихъ дѣтей. Сюда можно отнести существующія въ большей части государствъ: рекрутскую повинность, обязанность платить подати, подчиняться требованіямъ властей административной и судебной и проч. Сверхъ того отъ обученія дѣтей грамотѣ, останется въ выигрышѣ то именно семейство, которое выполнитъ этотъ законъ, и въ проигрышѣ то семейство, которое не будетъ исполнять его **). Итакъ несомнѣнно, что всѣ родители, желающіе пользы своимъ дѣтямъ, будутъ *сами* стараться дать имъ образованіе и что упомянутый выше законъ: 1) доставитъ средство всѣмъ разумнымъ родителямъ обучать дѣтей ихъ грамотѣ и давать имъ образованіе, и 2) направленъ

---

*) Семейство безъ всякаго сомнѣнія существовало *ранѣе* общества, и родительская власть древнѣе власти правительства; но общество не могло образоваться иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы родители уступили въ пользу общества частицу своихъ природныхъ правъ и своей свободы, взамѣнъ обезпечиваемой имъ обществомъ безопасности и всѣхъ благъ, доставляемыхъ общественнымъ союзомъ. Изъ этого истекаетъ право правительства—принять принудительныя мѣры обученія, съ цѣлью недопустить дѣтей сдѣлаться вслѣдствіе невѣжества, безполезными и даже вредными для него подданными.

**) Лица, получившія образованіе могутъ возвысить свое общественное положеніе напр. получать права и привиллегіи, сопряженныя съ окончаніемъ гимназическаго курса, поступить на службу; для людей грамотныхъ на всѣхъ поприщахъ представляется гораздо болѣе способовъ устроить свое существованіе, нежели для неграмотныхъ въ крестьянскомъ быту послѣ изданія положенія 19 февраля 1861 г. Есть множество весьма выгодныхъ должностей, требующихъ знанія грамоты, напр. должность волостнаго старшины, добросовѣстнаго, волостнаго писаря, старосты и т. п.

только противъ тѣхъ, неразумныхъ и закоренѣлыхъ въ предубѣжденіяхъ родителей, которые по нерадѣнію, небрежности или изъ упрямства захотятъ лишить своихъ дѣтей образованія. Но послѣднихъ родителей будетъ гораздо менѣе, нежели первыхъ; слѣдовательно упомянутый законъ будетъ направленъ только противъ *меньшинства* родителей и даже для нихъ онъ покажется стѣснительнымъ только на первое время. Когда же грамотность распространится въ народѣ, то конечно всѣ грамотные родители не согласятся, чтобы дѣти ихъ были неграмотными и въ сравненіи съ другими имѣли меньшіе шансы на успѣхъ въ жизни. Посему, лѣтъ черезъ 30, принципъ о необходимости для каждаго знать грамоту—войдетъ въ плоть и кровь всѣхъ русскихъ людей и уже не будетъ казаться стѣснительнымъ. Обязательное обученіе вовсе не несовмѣстимо съ принципомъ родительской власти на дѣтей. Право, которое даетъ родительская власть не есть абсолютное или неограниченное: въ силу этого права родители не могутъ съ жестокостью истязать свое дитя или дать ему умереть съ голоду (ст. 170 зак. гр.) или принуждать своихъ дѣтей къ учиненію дѣяній противозаконныхъ или къ соучастію въ оныхъ (ст. 169 зак. гр.) Между тѣмъ оставленіе дитяти въ невѣжествѣ и въ положеніи униженія которое его приближаетъ къ животнымъ, столь же отвратительно и достойно порицанія, какъ злоупотребленія власти надъ физическою личностью дитяти. Посему было бы равносильно осквернению родительской власти—присвоивать ей, какъ одинъ изъ ея аттрибутовъ, ложно предполагаемое для родителей право: уничтожить, такъ сказать, въ дѣтяхъ (вопреки 172 и 173 ст. т. X, ч. I зак. гражд.) природу умственную и нравственную, низвесть ихъ черезъ необученіе грамотѣ на степень животныхъ.

5) Доводъ, что отецъ можетъ, по неимѣнію денежныхъ средствъ, быть лишенъ возможности посылать своихъ дѣтей въ школы и что обязательность создаетъ новый налогъ въ видѣ платы за ученье — заслуживаетъ полнаго вниманія и ведетъ лишь къ тому, что обязательность обученія предполагаетъ ipso jure полную и безусловную *безплатность* преподаванія.

6) Доводъ, что „обязательное обученіе можетъ лишить нѣкоторыя бѣдныя семейства домашнихъ услугъ ихъ дѣтей", теряетъ всякое значеніе если обсудить, что дѣти не составляютъ собственности родителей; послѣднимъ непринадлежитъ на нихъ „jus utendi et abutendi"; дѣти не суть доходное имущество, которое можетъ быть безнаказанно эксплуатировано, хотя бы отъ такой преждевременной эксплуатаціи оно сдѣлалось навсегда безплоднымъ. Механическіе труды ребенка въ дѣтствѣ по хозяйству, на фабрикахъ и по обработкѣ полей—препятствуя ему пріобрѣтать полезныя знанія, дѣлаютъ менѣе цѣннымъ послѣдующій трудъ его взрослыхъ лѣтъ, ибо лишаютъ его возможности выучиться труду, болѣе совершенному и болѣе вознаграждаемому,—посему мы убѣждены, что отрываніе малолѣтнихъ дѣтей отъ работъ не стѣсняетъ свободы труда и не уменьшаетъ производства, тѣмъ болѣе, что дѣтскій трудъ составляетъ въ общей сложности труда всѣхъ жителей,—лишь самую незначительную часть и нисколько непроизводителенъ. Преподаваніе же въ народныхъ училищахъ пріостанавливается въ лѣтніе мѣсяцы, въ теченіи которыхъ, услуги дѣтей крестьянъ могутъ быть наиболѣе полезны ихъ родителямъ и воспитателямъ.

7) Не заслуживаетъ вниманія и доказываніе, что учитель мѣстной школы можетъ не внушать довѣрія родителямъ, и потому послѣднимъ неудобно помѣщать дѣтей именно въ эту школу. Назначеніе учителей должно быть предоставлено правительству или земству и нѣтъ основанія предполагать, что въ учители будутъ избираемы лица дурной нравственности. Сверхъ того за преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ нынѣ учрежденъ постоянный надзоръ въ лицѣ *инспекторовъ* (законъ 29 мая 1869 г.). Школа есть учрежденіе государственное и отдѣльныя частныя лица немогутъ требовать, чтобы она, отступая отъ общихъ государственныхъ интересовъ, сообразовалась съ разнорѣчивыми воззрѣніями каждаго изъ нихъ. Сверхъ того не нужно забывать, что для народа могутъ быть учреждены только школы для приходящихъ; слѣдовательно что дѣти не разобщаются отъ ихъ семействъ, а родители не лишены того вліянія, которое при-

надлежитъ имъ въ средѣ семейства на ихъ дѣтей. Въ школахъ дѣти могутъ почерпать только принципъ преданности престолу и отечеству и необходимости умственнаго и нравственнаго развитія, а эти принципы для всѣхъ русскихъ подданныхъ одинаково необходимы. У насъ $^{61}/_{70}$ народа неграмотны, слѣдовательно неграмотные родители не могутъ имѣть никакихъ воззрѣній на ту или другую педагогическую систему, а затѣмъ обученіе всѣхъ дѣтей грамотѣ—есть лишь общественное благодѣяніе. Если родители имѣютъ поводы быть недовольными распоряженіями извѣстныхъ учителей, то они могутъ принесть на эти распоряженія жалобу инспекторамъ народныхъ училищъ или же училищнымъ совѣтамъ. Наконецъ законъ—объ обязательномъ обученіи, не лишая родителей права обучать грамотѣ дѣтей ихъ дома, требуетъ лишь извѣстный minimum образованія.

8) Доводъ, что принудительное образованіе оскорбляетъ свободу личности и свободу обученія—не имѣетъ достаточной силы. Если взрослому человѣку, не учившемуся въ дѣтствѣ грамотѣ, впослѣдствіи времени изъ чувства ложнаго стыда трудно и почти невозможно научиться ей, за то есть возрастъ, когда человѣческая природа, сохраняя полную воспріимчивость, какъ бы предназначена для пріобрѣтенія познаній. Между тѣмъ въ дѣтскомъ возрастѣ несовершеннолѣтній лишенъ возможности понимать свои пользы и выгоды, а потому необходимо, чтобы лица, попеченію которыхъ онъ ввѣренъ закономъ, заботились о его образованіи. Итакъ обязательность оправдывается и тѣмъ соображеніемъ, что если бы дѣтей *не заставляли* учиться, то огромное большинство ихъ остались бы безъ всякихъ знаній, даже элементарныхъ; слѣдовательно въ основѣ образованія лежитъ во всякомъ случаѣ элементъ *принужденія*. Всякій учитель заставляетъ дитя выучивать урокъ, и никто не возвышаетъ голоса противъ этого принужденія. Никто изъ противниковъ обязательнаго обученія не говоритъ противъ обязательной военной службы, когда нужны люди для внѣшней защиты отечества. Какъ же можно оспаривать принудительную систему образованія, которая ведетъ ко внутренней безопасности, къ

предупрежденію всѣхъ тѣхъ общественныхъ золъ, кои порождаются невѣжествомъ. Итакъ понятіе о свободѣ личности, въ томъ видѣ какъ оно выработалось нынѣ въ государствѣ, нисколько не нарушается закономъ объ обязательномъ обученіи. Свобода преподаванія также не противорѣчитъ обязательности обученія, ибо отъ родителей зависитъ, вмѣсто отдачи дѣтей въ народныя училища, обучать ихъ грамотѣ въ частныхъ училищахъ или же дома. Слѣдовательно требованіе закона заключается лишь въ томъ, чтобы непремѣнно всѣ дѣти обучались грамотѣ, и законъ направленъ такимъ образомъ не противъ свободы преподаванія, а противъ оставленія дѣтей безъ всякаго преподаванія имъ грамоты.

9) Возраженіе, что „установленіе вмѣшательства правительства въ дѣло образованія и предоставленіе правительству новаго права (Schulzwang) опасны“, — слава Богу не имѣетъ никакого значенія въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ съ одной стороны правительство стоитъ во главѣ всѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, дающихъ подданнымъ человѣческія и общественныя права, а съ другой все общество воспитано въ началахъ преданности правительству. Сверхъ того противъ *либераловъ* (несогласныхъ съ принципомъ обязательнаго обученія по предписанію правительства), можно возразить, что если вмѣшательство правительства въ общественныя дѣла значительно ограничивается, въ наше время съ одной стороны, то являются съ другой такія новыя отношенія, въ которыхъ участіе его оказывается все болѣе и болѣе необходимымъ. Въ экономическомъ отношеніи (напр. въ промышленномъ производствѣ) вліяніе государства ослабляется постоянно, но за то общество начинаетъ чувствовать на себѣ новыя обязанности, которыхъ не сознавало прежде, при большей грубости нравовъ и меньшей щекотливости нравственнаго чувства. Крѣпостное право, тѣлесныя наказанія взрослыхъ людей и въ особенности женщинъ, грабежъ солдатъ въ военное время, эксплуатація дѣтей на фабрикахъ и въ рудникахъ и т. п. явленія, прекращеніе которыхъ правительство въ прежнее время не считало своею задачею, нынѣ становятся важнымъ предметомъ его работъ и распо-

ряженій. Къ такимъ то именно явленіямъ принадлежитъ и оставленіе родителями своихъ дѣтей безъ всякаго образованія. Поэтому безсильны въ этомъ вопросѣ всѣ общія фразы о несостоятельности правительственнаго вмѣшательства и о необходимости ограничивать его по возможности. Въ наше время общественное мнѣніе ясно признаетъ преступнымъ задержаніе родителями нравственнаго и умственнаго развитія ихъ дѣтей (Verbrechen an dem Seelenleben, какъ говоритъ Фейербахъ) и требуетъ противодѣйствія сему, тогда какъ прежде на это взирали равнодушно. Правительство представляетъ собою не что-либо частное, особенное, а напротивъ того оно есть самое высокое и самое искреннее выраженіе всѣхъ общихъ интересовъ государства, а затѣмъ и вмѣшательство его въ дѣло обученія является неизбѣжнымъ; наконецъ родители, если желаютъ, могутъ воспитывать дѣтей дома или отдать ихъ въ иное заведеніе, но они во всякомъ случаѣ обязаны обучить ихъ грамотѣ, въ чемъ и заключается вмѣшательство правительства въ народное образованіе.

Доводъ, что обязательное обученіе безполезно, ибо впослѣдствіи времени само общество вполнѣ ясно будетъ сознавать свои интересы и необходимость грамотности, нисколько непримѣнимъ къ Россіи. Нужно сначала, и какъ можно *скорѣе*, ввести законъ объ обязательности обученія, чтобы затѣмъ само общество начало сознавать нравственную обязанность обучать грамотѣ *всѣхъ* дѣтей добровольно, помимо всякаго принужденія, ибо исторія Россіи показываетъ, что русскій народъ (при отсутствіи понужденія правительства) въ теченіи 1000-лѣтняго своего существованія еще не пришелъ самъ собою къ убѣжденію о необходимости знать грамоту *и ничего не сдѣлалъ* для этого въ практической жизни.

10) Говорятъ, что посылка всѣхъ дѣтей въ школы не согласуется съ *свободою совѣсти*, ибо въ Россіи есть иновѣрцы, раскольники и пр. Но доводъ этотъ не имѣетъ никакого значенія: въ народныхъ училищахъ должно преподавать читать, писать, считать, а эти свѣдѣнія необходимы безразлично для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ толковъ.

Преподаваніе же „закона Божія“ для лицъ иновѣрнаго исповѣданія или раскольническаго толка, должно—или быть предоставлено усмотрѣнію родителей, или происходить въ училищѣ по духовными лицами сихъ исповѣданій. Школа не есть чисто-религіозное учрежденіе и если бы учители школъ грамотности въ Россіи вздумали, подъ видомъ преподаванія, внушать дѣтямъ необходимость перемѣнить ихъ религію или религіозное воззрѣніе, то подобные учители должны быть подвергаемы взысканіямъ и удалены отъ своихъ мѣстъ, ибо они внушали бы народу недовѣріе къ школамъ и произвели бы громадный нравственный вредъ. Вотъ тѣ здоровыя начала, которыя будучи приняты за руководство правительствомъ и земствомъ могутъ утвердить въ народѣ желаніе получить образованіе въ учреждаемыхъ правительствомъ народныхъ училищахъ.

11) Возраженіе, что при нынѣшнемъ незначительномъ числѣ народныхъ училищъ и при ихъ дурномъ устройствѣ въ оныя невозможно допустить всѣхъ дѣтей отъ 8 до 14 л. возраста (которыхъ считается въ Россіи болѣе 8.000.000), показываетъ лишь непониманіе вопроса. Очевидно, что обязательное обученіе всѣхъ дѣтей грамотѣ въ училищахъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ *каждой волости* будетъ устроено училище, Итакъ если вопросъ поставить на серьезную точку зрѣнія, то необходимо одновременно съ открытіемъ народныхъ училищъ въ каждой волости —установить начало повсемѣстнаго обязательнаго обученія.

12) Приводятъ, что обязательность обученія разрушитъ дисциплину, что училища насильственно будутъ наполнены дѣтьми, не желающими учиться, и только мѣшающими занятіямъ остальныхъ. Но во первыхъ соблюденіе школьной дисциплины зависитъ отъ училищнаго начальства, во вторыхъ: дѣти, родители которыхъ принуждены послатьы ихъ въ школу, могутъ быть способнѣе другихъ къ занятіямъ и охотно будутъ учиться, такъ какъ законъ объ обязательномъ обученіи дѣйствуетъ принудительно преимущественно на родителей; въ третьихъ переполненіе школъ дѣтьми, конечно будетъ предотвращено напр. распоряженіемъ, что если въ школѣ

находится болѣе 40 учениковъ, то назначается другой учитель и школа раздѣляется на два отдѣленія, въ четвертыхъ ученики, которыхъ присутствіе въ школѣ окажется невозможнымъ, будутъ изъ нея немедленно исключаемы. Въ школѣ какъ и въ обществѣ, нельзя избѣжать нарушителей порядка; число ихъ можетъ быть уменьшено, но мысль, что нарушители найдутся, не должна служить препятствіемъ ко введенію закона объ обязательномъ обученіи, точно также какъ опасеніе имѣть дезертировъ не воспрепятствовало издать законъ о рекрутской повинности (т. IV св. зак.). Итакъ всѣ разсмотрѣнные нами доводы скрываютъ лишь нежеланіе принять энергическія мѣры ко всеобщему распространенію грамотности въ Россіи.

13) Что обязательность начальнаго народнаго обученія не есть утопія—доказывается тѣмъ, что она существуетъ какъ мы въ подробности увидимъ ниже, въ слѣдующихъ государствахъ: Пруссіи, Австріи, Баваріи, Баденѣ, Виртембергѣ, Саксоніи, Гессенскомъ Курф. Швеціи, Норвегіи и Даніи, Швейцаріи, Италіи, Португаліи, Испаніи (съ 1857 г.), сѣверо-американскихъ штатахъ (Массачузетѣ и др.). Съ своей же стороны мы убѣждены, *что во всемъ мірѣ нѣтъ страны въ которой система обязательнаго обученія была бы болѣе необходима и болѣе соотвѣтствовала мѣстнымъ условіямъ нежели въ Россіи.* Народъ у насъ издавна привыкъ ожидать во всѣхъ реформахъ иниціативы правительства и полагаться на сіе послѣднее. Слѣдовательно необходимо принять самыя энергическія мѣры для распространенія грамотности въ Россіи. Наконецъ обязательность обученія есть мѣра, къ которой наше правительство прибѣгало уже при Петрѣ Великомъ и которая была отмѣнена только при его преемницахъ, когда наше законодательство не отличалось ни стройностью, ни послѣдовательностью.

14) Говорятъ, что обязательность возбудитъ сильное сопротивленіе общества, что русскій народъ неохотно принимаетъ всѣ обязательныя мѣры—но эти доводы основаны на ложномъ предположеніи. Не говоря уже о томъ, что ни одинъ народъ въ мірѣ не преисполненъ такого здраваго смысла и

практическаго пониманія своихъ интересовъ при исполненіи возлагаемыхъ на него закономъ обязанностей, слѣдуетъ замѣтить, что напр. Высочайшій указъ 19 февраля 1861 г. установилъ положеніе *временно-обязанныхъ* крестьянъ съ *обязательнымъ надѣленіемъ ихъ землею* и народъ не только подчинился этому законоположенію, но и вскорѣ созналъ всю его выгоду. Можетъ быть въ теченіи всей тысячелѣтней исторіи Россіи не было другой эпохи, столь удобной для изданія закона объ обязательности обученія, какъ *нынѣ*, когда народъ вслѣдствіе освобожденія его отъ крѣпостной зависимости, возъимѣлъ довѣріе къ исходящимъ отъ правительства общимъ государственнымъ мѣрамъ. Затѣмъ мы ставимъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: или самъ народъ нынѣ сознаетъ необходимость грамоты, и тогда законъ объ обязательномъ обученіи составитъ лишь исполненіе его желаній, или же народъ еще не усвоилъ себѣ вполнѣ идеи о необходимости образованія и въ семъ случаѣ русское правительство (которое конечно есть одно изъ просвѣщенныхъ правительствъ Европы) должно пробудить народъ изъ вѣковаго усыпленія, сдѣлать ему доступными благодѣянія образованія, слѣдовательно необходима обязательность обученія.

15) Доводъ, что обязательность обученія хороша только тамъ, гдѣ она установляется *естественнымъ* развитіемъ— есть ничто иное какъ нелѣпость. Законъ объ обязательности есть мѣра искуственная, актъ законодательный, возлагающій на подданныхъ извѣстную юридическую обязанность. Если же обязятельность существуетъ въ государствахъ, гдѣ образованность распространена въ массѣ народа, то насколько она необходимѣе въ Россіи, гдѣ на 69 человѣкъ жителей приходится только одинъ грамотный. Наше отечество въ отношеніи народнаго образованія находится нынѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ была Пруссія въ XVIII ст. Теперь въ Пруссіи всѣ родители добровольно обучаютъ грамотѣ своихъ дѣтей, но если бы Фридрихъ II не установилъ въ ней обязательнаго обученія, то всѣ прусскіе подданные и въ настоящее время не были бы грамотными. Этотъ историческій фактъ можно примѣнить и къ Россіи: если въ ней не

будетъ введена обязательность обученія, то у насъ и черезъ 100 лѣтъ не будетъ повсемѣстнаго распространенія грамотности, и мы будемъ единственнымъ въ семъ отношеніи отсталымъ государствомъ, за исключеніемъ лишь Турціи.

16) Доводъ, что русскій народъ вообще мало довѣряетъ офиціальнымъ школамъ и людямъ образованнымъ—нынѣ потерялъ всякую убѣдительную силу, такъ какъ всѣ подобныя инсинуаціи получили блистательное опроверженіе въ томъ разумномъ спокойствіи, съ которымъ принялъ народъ великій законодательный актъ 19 февраля 1861 г. Если же допустить, что русскій народъ мало понимаетъ пользу образованія, то тѣмъ необходимѣе ввести обязательность обученія, наше время уже не есть время Владиміра Святаго, когда вся Европа была погружена въ невѣжество и если мы хотимъ остаться европейскою державою, то необходимо двинуть массу народа на путь грамотности и образованія.

17) Разсчитывать на частную иниціативу для безотлагательнаго распространенія образованія въ русскомъ народѣ также неосновательно. Въ настоящее время на 1 грамотнаго приходится 69 неграмотныхъ. Вотъ тотъ результатъ, котораго достигла Россія въ дѣлѣ народнаго образованія по истеченіи тысячелѣтняго періода ея исторіи. Затѣмъ оставлять дѣло народнаго образованія въ томъ же положеніи, разсчитывая лишь на иниціативу частныхъ лицъ и даже обществъ— было бы равносильно покушенію на задержаніе умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа. Въ этомъ отношеніи наше общество именно не можетъ быть сравнено съ Англіею.

18) Доказывать, что обязательное обученіе противно нравственности и справедливости—также неосновательно, какъ приводить, что не слѣдуетъ искоренять зло на землѣ и преслѣдовать преступленіе. Нравственное развитіе ребенка есть первая обязанность родителей: охраняемый закономъ въ своемъ имуществѣ и въ своей личности, ребенокъ долженъ быть охраняемъ и въ своей жизни нравственной и умственной; изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что законъ, обязывающій родителей давать дѣтямъ образованіе. Также справедливъ

какъ тотъ, который охраняетъ имущество и денежные капиталы несовершеннолѣтняго ребенка (ст. 180—194 т. X, ч. I зак. гражд.), который ограничиваетъ права дисциплинарной родительской власти (ст. 168 тѣхъ же зак.), который въ предупрежденіе духа спекуляціи, возможнаго даже въ родителяхъ, воспрещаетъ послѣднимъ отдавать дѣтей въ личный наемъ безъ ихъ на то согласія (ст. 2203 зак. гражд.). Итакъ было бы безнравственно и несогласно съ праведливостью—дозволить родителямъ оставлять ихъ дѣтей на степени животныхъ, безъ образованія и безъ знанія грамоты. Сверхъ того полное отсутствіе образованія и оставленіе способностей дѣтей безъ всякаго развитія совершенно противны духу христіанской религіи, какъ это видно изъ евангелія Матѳея (см. гл. 25, § 14, *притчу о талантахъ*).

19) Напрасно говорятъ, что любовь родителей къ дѣтямъ есть достаточная гарантія къ тому, что послѣднія не будутъ оставлены безъ умственнаго и нравственнаго развитія и безъ знанія грамоты. Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе родители любятъ своихъ дѣтей, а между тѣмъ $^{64}/_{70}$ сихъ послѣднихъ вовсе не знаютъ грамоты. Если бы дозволить родителямъ по своему усмотрѣнію давать или не давать дѣтямъ образованіе, то пришлось бы отмѣнить цѣлый рядъ законовъ (напр. ст. 168 т. X, ч. I, св. зак. гр.), которые суть не что иное, какъ мѣры, выражающія недовѣріе, но эти мѣры оправдываются слишкомъ многочисленными фактами, доказывающими, что есть родители, склонные злоупотреблять своею родительскою властью или говоря словами упомянутой 168 ст. *„въ отношеніи къ лицу дѣтей своихъ покушаться на такія дѣянія, которыя по общимъ законамъ подлежатъ наказанію уголовному.“*

20) Возражаютъ, что всякое насиліе неправильно, даже если бы оно вело къ добру. Но законъ, дѣлающій первоначальное образованіе обязательнымъ, чѣмъ же менѣе справедливъ закона объ обращеніи частной собственности въ общественную въ видахъ государственной необходимости (ст. 575—503 т. X, ч. I зак. гр.) Если общая польза уполномочиваетъ правительство къ нарушенію даже права соб-

ственности, или личной свободы, почему же эта общая польза только гораздо высшаго порядка, не можетъ дать ему право требовать, чтобы непремѣнно каждое дитя получило начальное образованіе, безъ котораго оно будетъ безполезнымъ и даже вреднымъ для всего общества. Вопросъ состоитъ въ томъ, полезна ли и необходима ли для общества извѣстная степень образованія массы народа; объявлять образованіе *необходимымъ* и въ тоже время отказываться отъ единственнаго способа его достигнуть (обязательности)—значитъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою.

21) Приводятъ, что хотя законы Петра Великаго обязывали дворянъ учиться грамотѣ, но несмотря на это только *черезъ 100 лѣтъ* дворяне начали сознавать пользу и необходимость образованія. Но этотъ доводъ можетъ быть обращенъ въ пользу обязательнаго обученія, именно повторенія того же явленія мы съ своей стороны желаемъ и относительно низшихъ классовъ общества. Законъ Петра I объ обязательности обученія имѣлъ то послѣдствіемъ, что всѣ дворяне принуждены были учиться подъ опасеніемъ лишенія правъ и даже запрещенія жениться. Вслѣдствіе этого закона многіе изъ дворянъ и даже князей превратились въ однодворцевъ, но за то дворянство по образованію быстро *отдѣлилось* отъ прочихъ сословій. Слѣдовательно относительно дворянства обязательное обученіе оказало *блестящіе* результаты.

22) Законъ объ обязательномъ обученіи не можетъ существовать безъ *наказаній* и *штрафовъ*, придающихъ ему уголовную и карательную санкцію; но эти наказанія и штрафы не являются несправедливыми, если они заключаются въ незначительной денежной пенѣ, однодневномъ тюремномъ заключеніи или опубликованіи въ вѣдомостяхъ имени лица, не обучающаго дѣтей своихъ грамотѣ. (Подробности этого вопроса мы разсмотримъ ниже). Наказаніе въ семъ случаѣ производится не «за нежеланіе пріобрѣтать выгоды», а за неисполненіе предписаній закона, повелѣвающаго родителямъ обучать дѣтей грамотѣ, при чемъ всѣ уголовные законы не имѣютъ инаго основанія.

23) Наконецъ доводъ, что въ Россіи находится много инородческихъ племенъ, для которыхъ обязательное обученіе русской грамотѣ можетъ представиться весьма затруднительнымъ—служитъ напротивъ того доказательствомъ необходимости изданія закона объ обязательности преподаванія. Ничто не содѣйствуетъ на столько вліянію различныхъ племенъ въ одну общую національность, какъ школа, примѣръ чему въ особенности наглядно можно видѣть въ Сѣверо-Американскахъ штатахъ. По словамъ Левелея *), «начальная школа съ самаго перваго поколѣнія переработываетъ въ *однородную національность* тѣ массы переселенцевъ, которыя вмѣстѣ съ ихъ потомками, составляютъ двѣ трети населенія, школа накладываетъ на всѣхъ особую печать національныхъ нравовъ, сообщаетъ имъ господствующіи идеи и такимъ образомъ дѣлаетъ ихъ способными къ исполненію обязанностей гражданъ». Въ Россіи равнымъ образомъ, хотя и въ меньшемъ количествѣ, встрѣчаются инородческія финско-татарскія и литовскія племена, которыя годъ отъ году все болѣе и болѣе приближаются къ общему русскому типу, но для полнаго ихъ обрусенія необходимо введеніе школьнаго преподаванія на русскомъ языкѣ.

Опровергнувъ такимъ образомъ возраженія противниковъ *личнаго обязательнаго обученія*, мы разсмотримъ этотъ вопросъ *въ существѣ*.

Въ трехъ образцовыхъ странахъ Европы: Англіи, Франціи и Пруссіи принципъ объ обязательности начальнаго обученія разрѣшается совершенно различно.

I) *Въ Англіи* **) въ дѣлѣ народнаго образованія нѣтъ ни

*) De l'instruction du peuple au XIX siècle. Revue des deux mondes 1866, № 1, 4 и 8.

**) Въ Англіи въ 1863 г. школы посѣщало 1.018.925 дѣтей обоего пола. Правительство въ 1859 г. содержало 5387 школъ, въ которыхъ училось 808.036 дѣтей. При заключеніи брачныхъ договоровъ 32 ½ % новобрачныхъ не умѣли подписать подъ контрактомъ свое имя. Это отношеніе распредѣлялось такъ: изъ всего числа жениховъ безграмотныхъ всего 26°, безграмотныхъ же невѣстъ 37°. Но не всѣ браки записываются; незаписанные же должны дать еще менѣе выгодную пропорцію грамотности. (Очеркъ статистики народовъ и государствъ (по Кольбу) составленный В. Покровскимъ).

личной, ни общинной обязательности. Тамъ школы народныя учреждаются и существуютъ на общественныя и частныя средства, безъ всякаго внѣшняго побужденія и вмѣшательства со стороны правительства, которое за немногими исключеніями, не устраиваетъ само народныхъ школъ, а ограничивается только пособіемъ имъ и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сами школы обращаются къ нему за такимъ пособіемъ. Школы получаютъ пособіе по предварительномъ осмотрѣ ихъ правительственнымъ инспекторомъ, который опредѣляетъ размѣръ пособія, если школа удовлетворяетъ извѣстнымъ требованіямъ и затѣмъ наблюдаетъ только, чтобы въ школѣ дѣйствительно производилось ученье и чтобы пособіе не шло даромъ, но не вмѣшивается во внутренне устройство школы, въ составъ курса, въ характеръ преподаванія, въ опредѣленіе и увольненіе учителей и т. п. Во всѣхъ такихъ школахъ учащіеся обязаны платить за ученье по взаимному соглашенію съ содержателями ихъ. Многіе школы въ Англіи даже отказываются отъ пособія, не желая вслѣдствіе полученія онаго, допускать къ себѣ правительственныхъ комиссаровъ.

II) Во *Франціи* *) нѣтъ никакой личной обязательности для каждаго ребенка учиться; но закономъ 15 марта 1850 г. предписано каждой *общинѣ* содержать на свой счетъ по крайней мѣрѣ одну школу для мальчиковъ, а если въ общинѣ 800 душъ и болѣе—то такую же школу для дѣвочекъ. (Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ по закону каждая община обязана учредить достаточное количество школъ для принятія всѣхъ дѣтей, могущихъ посѣщать оныя).

III) Въ *Пруссіи* **) ученье *обязательно* для всякаго ре-

---

*) Въ 1863 г. во Франціи было 67.836 школъ съ 4.731.946 учащихся обоего пола. Въ спискахъ гражданскаго состоянія въ 1860 г. записано было 288.936 брачныхъ договоровъ. При этомъ оказалось, что 86.142 жениха, равно какъ и 129.744 невѣсты не умѣли подписать свои имена. Въ 818 общинахъ (изъ 37.510) школъ вовсе не было. Изъ 312.264 рекрутъ въ 1860 г. не умѣли ни читать ни писать 90.781, умѣли только читать—9.033, умѣли читать и писать—203.193; у остальныхъ степень образованія неизвѣстна. (См. упомянутый „Очеркъ“).

**) Въ 1864 г. въ Пруссіи считалось 24.763 элементарныхъ школъ съ 36.783 классами, 33,617 учителями и 1755 учительницами. Число обя-

бенка въ теченіи опредѣленнаго возраста. Обязанность ходить въ школы соотвѣтствуетъ обязанности нести военную службу (Schulpflichtigkeit и Dienstpflichtigkeit). Родители обязываются посылать въ школу дѣтей своихъ, достигшихъ извѣстнаго возраста, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа и даже тюремнаго заключенія и вносить за ученье опредѣленную плату.

Такимъ образомъ представляются три системы:

I) *отсутствіе* всякой какъ личной, такъ и общинной *обязательности* въ дѣлѣ народнаго образованія, и также *невмѣшательство* правительства въ устройство народныхъ училищъ.

II) *Общинная обязательность*, по которой каждая община обязана открыть и содержать на свой счетъ по крайней мѣрѣ одну школу.

III) *Личная обязательность* для родителей обучать всѣхъ дѣтей ихъ грамотѣ *).

I) Первая система (невмѣшательства правительства)—на томъ основаніи, что частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія, послѣ тысячелѣтняго существованія Россіи, привела лишь къ тому, что у насъ на 1 грамотнаго приходится 69 неграмотныхъ, и что Россія въ семъ отношеніи изъ всѣхъ европейскихъ государствъ можетъ быть сравнена только съ Турціею,—должна быть безусловно отвергнута, какъ оказавшая уже свою несостоятельнось на практикѣ.

занныхъ учиться дѣтей 3.090.294, изъ которыхъ только 130.437 не посѣщали школы, и изъ этого небольшаго числа должно исключить всѣхъ тѣхъ, которыя получили образованіе во второстепенныхъ школахъ или дома, и тѣхъ, которыя по физическимъ или нравственнымъ недугамъ не имѣютъ возможности посѣщать школу. Вотъ почему въ Пруссіи изъ 100 молодыхъ солдатъ среднимъ числомъ только трое совершенно безграмотны.

*) Системы эти между собою могутъ быть комбинированы различнымъ способомъ; такъ напр. личная обязанность можетъ быть соединена съ общинною обязательностью, или же эти системы могутъ существовать отдѣльно; сверхъ того общинная обязанность можетъ быть соединена съ отсутствіемъ вмѣшательства правительства въ устройствѣ школъ, и т. п.

II) Мы отвергаемъ и систему *общинной обязательности* (*сословной, волостной, земской*). Обязательность содержанія училища для каждыхъ 800 душъ была бы у насъ налогомъ несправедливымъ относительно большей части платящихъ, 800 душъ живутъ у насъ, даже въ густо населенныхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ на 30 верстахъ и обыкновенно не менѣе какъ въ 8 деревняхъ. Народное училище, существуя въ одной только деревнѣ, будетъ доставлять возможность и удобство посѣщать оное лишь дѣтямъ этой деревни, а между тѣмъ налогъ падаетъ на живущихъ во всѣхъ деревняхъ одинаково и при томъ безъ различія и на тѣхъ, которые имѣютъ дѣтей, и на тѣхъ у которыхъ ихъ нѣтъ. Несмотря на общій налогъ на школы, цѣль повсемѣстнаго распространенія образованія во всей училищной общинѣ не достигаетъ даже во Франціи, (гдѣ населеніе гуще), потому что бѣднѣйшія дѣти отвлекаются самими родителями отъ ученья для домашнихъ занятій по хозяйству, а у насъ такая цѣль еще менѣе можетъ быть достигнута сверхъ того и по невозможности даже для достаточныхъ дѣтей въ деревняхъ отдаленныхъ отъ училища—посѣщать послѣднее въ ненаучное время осени и зимы. По всѣмъ этимъ причинамъ введеніе во всей Россіи обязательнаго содержанія училища значительнымъ числомъ душъ является неудобнымъ. Подобная система (хотя и выраженная не въ такой формѣ) существуетъ у насъ и теперь въ селеніяхъ вѣдомствъ: государственныхъ имуществъ и удѣльнаго, гдѣ на содержаніе училищъ собирается со всѣхъ, а между тѣмъ училища существуютъ далеко не вездѣ, потому что собираемыя средства недостаточны для повсемѣстнаго ихъ устройства. Но это именно обстоятельство показываетъ, что эта система уже достигла у насъ своего предѣла, и что дальнѣйшее развитіе ея необходимо условливается установленіемъ новаго налога. По невозможности прибѣгнуть къ такой мѣрѣ въ настоящее время, необходимо отвергнуть всякую мысль о дальнѣйшемъ развитіи училищъ посредствомъ обязательнаго ихъ содержанія обществами. Наконецъ система общинной обязательности: а) несообразное съ достоинствомъ русскаго правительства, ибо она возложила бы на

отдѣльныя общества—обязанность, лежащую de jure на самомъ правительствѣ, и задержала бы такимъ образомъ, вслѣдствіе раздробленія этой обязанности, успѣшное развитіе начальнаго народнаго образованія; *) б) на практикѣ представляетъ важныя неудобства, ибо „общества“ всегда будетъ имѣть возможность сослаться на то, что открытыя ими вопреки ихъ желанію школы не могутъ процвѣтать по недостатку учителей, денежныхъ средствъ и т. д. Поэтому только устроенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія „народнаго училища“, существующія уже какъ готовыя учрежденія,—могутъ имѣть послѣдствіемъ распространеніе грамотности въ народѣ, ибо затѣмъ родителямъ остается только посылать дѣтей въ эти училища.

III) Затѣмъ остается лишь принять въ Россіи систему *личной обязательности обученія*.

Относительно этой системы, сверхъ вышеизложеннаго, можно привести слѣдующее.

А) *Теоретически* нужно замѣтить, что только тѣ люди, которые отрицаютъ разницу между добромъ и зломъ, могутъ поддерживать мысль, будто свобода человѣка неограниченна. Если признано, что извѣстныя дѣйствія не хороши, то необходимо допустить и то, что никто не имѣетъ права совершать ихъ, поэтому когда какое-либо дѣйствіе причиняетъ, существенный вредъ цѣлому обществу, то оно не должно быть терпимо. Таковъ именно поступокъ родителей, родственниковъ и опекуновъ, когда они не обучаютъ грамотѣ своихъ дѣтей или питомцевъ, ибо черезъ это они наносятъ вредъ всему обществу, и законъ обязанъ предотвратить дурныя послѣдствія, изъ сего истекающія. Штубенраухъ на благотворительномъ конгрессѣ во Франкфуртѣ изложилъ: „каждое дитя въ правѣ требовать отъ родителей воспитанія, соотвѣтствующаго его общественному положе-

*) Замѣтимъ кстати, что уже самое названіе „Министерство *Народнаго* просвѣщенія“ ясно доказываетъ, что начальное обученіе *народа* должно быть одною изъ главныхъ цѣлей правительства и сего министерства.

нію. Этому праву дитяти безъ сомнѣнія долженъ удовлетворить его родитель или опекунъ; но у государства есть также своя обязанность; оно должно наблюдать, чтобы обязанность родителей строго исполнялась, и въ случаѣ надобности имѣетъ право *принудить* къ тому родителей. Препятствуя злоупотребленіямъ отеческой власти, правительство защищаетъ права слабаго и въ тоже время покровительствуетъ общественному интересу."

Съ обще-государственной точки зрѣнія все говоритъ въ пользу личной обязательности обученія. Только симъ можно ожидать наибольшихъ успѣховъ въ дѣлѣ народнаго образованія, гдѣ обязательность установлена во всемъ ея объемѣ правительственною властью. Никакія усилія не только частныхъ лицъ и корпорацій, но даже и самыхъ могущественныхъ ассоціацій (каковы училищныя ассоціаціи въ Англіи) и даже самой церкви—не могутъ достигнуть въ этомъ случаѣ тѣхъ результатовъ, какія достигаются усиліями правительства съ помощью зависящихъ отъ него законодательныхъ мѣръ, съ помощью тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи, наконецъ при содѣйствіи тѣхъ способовъ надзора и наблюденія, которыми только оно располагаетъ. Если это справедливо въ отношеніи къ государствамъ Западной Европы, то восколько же разъ это справедливѣе въ отношеніи къ Россіи, гдѣ правительство было всегда преимущественно дѣйствующею силой, и гдѣ оно послѣ великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 г., пользуется сверхъ того огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ народа. Поэтому для равномѣрнаго распространенія образованія въ народныхъ массахъ недостаточно и обязательнаго заведенія училищъ обществами и даже земствомъ, но именно необходимо сдѣлать для родителей обязательнымъ (принудительнымъ) обученіе всѣхъ ихъ дѣтей.

Б) Съ практической точки зрѣнія для того, чтобы ясно обнаружить всѣ выгоды принудительнаго обученія, нѣтъ лучшаго способа, какъ сравнить между собою страны, усвоившія эту систему, съ тѣми, которыя не рѣшились на это. Для такого сравненія нужно выбрать Пруссію и Францію.

Въ Пруссіи въ 1857 г. на 1000 человѣкъ приходилось 157 въ начальныхъ школахъ, во Франціи въ 1863 г. приходилось ихъ всего только 116. Въ Пруссіи почти всякій солдатъ умѣетъ читать и писать, а образованіе женщины не ниже мужскаго, ибо школы посѣщаются такимъ же количествомъ дѣвочекъ, какъ и мальчиковъ. Во Франціи въ 1862 г. третья часть рекрутъ не умѣла читать; изъ 100 человѣкъ, вступающихъ въ бракъ — 28 не умѣли подписать своего имени. Можно ли послѣ этого еще задумываться надъ принятіемъ или непринятіемъ системы принудительнаго обученія въ Россіи?

Но для всесторонняго обсужденія сего вопроса мы считаемъ необходимымъ изложить: а) историческое происхожденіе обязательнаго обученія, б) очеркъ иностранныхъ законодательствъ, обзоръ дѣйствующихъ въ Россіи узаконеній, г) постановленія посему предмету въ Россіи земскихъ собраній.

А) Въ *Пруссіи* 2 октября 1763 г., Фридрихъ II обнародовалъ общій уставъ сельскихъ училищъ подъ названіемъ: „*General-Landschul-Reglement*“, въ коемъ изложено: „*Намъ «угодно, чтобы всѣ наши подданные—родители, опекуны и «хозяева, посылали въ школу дѣтей, за которыхъ они от- «вѣчаютъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, съ пятилѣт- «няго возраста и оставлять ихъ тамъ до 13 или 14 лѣтъ*». Вотъ вкратцѣ содержаніе главнѣйшихъ статей этого устава: 1) родители, опекуны и господа,—первые собственныхъ дѣтей, вторые и послѣдніе дѣтей, состоящихъ на ихъ попеченіи, мальчиковъ и дѣвочекъ,—обязаны посылать исправно въ школу съ 5 до 13 и 14 л. возраста или до тѣхъ поръ пока они основательно не выучатъ того, что имъ преподано будетъ въ школѣ (§ 1 и 2). 2) Ученіе въ сельскихъ школахъ зимою продолжается отъ Михайлова дня (8 октября) до Пасхи, во всѣ дни, кромѣ воскресенья съ 8 до 11 часовъ утра и съ 1 до 4 часовъ по полудни. Лѣтомъ же ученіе бываетъ ежедневно только по три часа, смотря по обстоятельствамъ, утромъ или послѣ полудни (§ 5). 3) Когда при ревизіи училища окажется, что какое-либо дитя не посѣщало его въ теченіи цѣлаго года, въ такомъ случаѣ съ виновнаго взы-

скивается 16 грошей штрафа (§ 16). Это королевское повелѣніе возобновлено въ кодексѣ 1792 г. и въ законѣ 1819 года, причемъ родители, опекуны, или хозяева подлежали наказанію: выговору, денежной пенѣ, даже тюремному заключенію. Въ 1787 и 1794 гг. Фридрихъ II выразилъ мысль, что „*всѣ школы и высшія, и низшія суть государственныя учрежденія*". Allgemeines Landrecht постановило: 1) что всѣ школы въ Пруссіи суть государственныя учрежденія; 2) что всѣ школы могутъ быть открываемы лишь съ вѣдома правительства; 3) что всѣ школы состоятъ подъ надзоромъ правительства; 4) что никому не можетъ быть отказано въ пріемѣ въ общественныя школы подъ предлогомъ различія вѣроисповѣданій (ч. II, гл. 12, § 1, 2, 9, 10).

Во *Франціи* система обязательности существовала издавна. Орлеанское дворянство § 12 второй инструкціи, представленной орлеанскимъ штатомъ въ 1560 г., требовало, чтобы съ духовныхъ бенефицій взимаемъ былъ опредѣленный сборъ на разумное вознагражденіе учителей и грамотныхъ людей во всѣхъ городахъ и селахъ за обученіе бѣдныхъ мальчиковъ и чтобы родители подъ страхомъ денежной пени посылали дѣтей въ школу и были принуждаемы къ тому землевладѣльцами или судьями (contrainte et amende contre les pères et mères, qui négligeraient d'envoyer leurs enfants aux écôles). Тоже установили въ 1571 г. наваррскіе генеральные штаты. Людовикъ XIV и Людовикъ XV предписали 15 апрѣля 1695 г., 13 декабря 1698, и 14 мая 1724 г., чтобы верховные судьи ежемѣсячно составляли списокъ дѣтей, не посѣщающихъ школы, и чтобы генеральные прокуроры дѣлали по этому предмету необходимыя распоряженія. Конвентъ 25 декабря 1793 г. рѣшилъ, что всѣ дѣти на всемъ пространствѣ государства обязаны посѣщать школы. Въ послѣдствіи времени законъ этотъ былъ отмѣненъ.

Очеркъ законодательствъ принимающихъ обязательность обученія:

Въ *Пруссіи* по новому уставу 1866 г. обязательное обученіе дѣтей продолжается съ 6 до 14 лѣтняго ихъ возраста. Для бѣдныхъ дѣтей, которыя для пропитанія должны посту-

пать на фабрику, срокъ обязательнаго обученія можетъ быть сокращенъ до 12-лѣтняго возраста. Родители, опекуны и лица, у коихъ дѣти находятся въ услуженіи, за неисправное посѣщеніе дѣтьми школы—подвергаются денежному штрафу и тюремному заключенію.

Въ *Австріи* съ 1774 г. обученіе обязательно подъ страхомъ денежной пени во всей Имперіи, но правило это соблюдается дѣйствительно только въ нѣмецкихъ областяхъ. Пеня можетъ быть замѣнена натуральною повинностью. Для поступленія въ ученики къ какому-либо мастеру и для вступленія въ бракъ, требуется свидѣтельство въ полученіи религіознаго образованія, такъ какъ постановленіе 16 мая 1807 года даровало священнику въ каждомъ приходѣ самыя обширныя полномочія относительно управленія преподаваніемъ и примѣненія системы обязательнаго обученія.

Баварія. Обязательность посѣщенія школы (Schulzwang) существуетъ здѣсь, какъ и въ Пруссіи, со второй половины минувшаго столѣтія, и нарушеніе ея наказывается тюремнымъ заключеніемъ, но никто себя этому не подвергаетъ. Всякій баварскій подданный добровольно обучаетъ грамотѣ своихъ дѣтей.

Баденъ. Обязательность обезпечивается денежной пеней, а вслучаѣ вторичнаго нарушенія тюремнымъ заключеніемъ. Всѣ дѣти должны учиться. На основаніи закона, утвержденнаго въ 1864 г. Обѣими палатами единогласно (за исключеніемъ двухъ голосовъ) школы находящіяся подъ управленіемъ комиссіи, избираемой отцами семействъ, имѣетъ свои собственныя средства и не зависятъ ни отъ церкви, ни отъ государства.

Виртембергъ. Обученіе обязательно подъ страхомъ денежной пени и тюремнаго заключенія до 15 исполнившихся лѣтъ дѣтей, и всякая мѣстность, въ которой находится тридцать хозяйствъ, обязана имѣть школу. Нѣтъ ни одного крестьянина, ни одной служанки не умѣющихъ хорошо читать, писать и считать. Страна эта въ отношеніи нравственности превосходитъ всѣ прочія въ Германіи.

Королевство Саксонское. Обязательность существуетъ съ шести до 14 лѣтъ подъ страхомъ денежной пени и тюремнаго заключенія. Въ настоящее время нельзя найти во всемъ королевствѣ ни одного дитяти означеннаго возраста, которое бы никогда не посѣщало школы. Въ первые годы примѣненія закона 6 іюня 1835 г. властямъ приходилось принимать мѣры противъ недостатка готовности со стороны родителей подчиняться обязательному посѣщенію школъ дѣтьми. Но вскорѣ благодѣянія общаго и строгаго посѣщенія школъ и благотворные его результаты убѣдили даже самыхъ упорныхъ. Настоящее поколѣніе родителей, воспитанное уже не подъ вліяніемъ новаго закона, не помышляютъ болѣе объ освобожденіи дѣтей отъ его благотворнаго примѣненія. Такимъ образомъ исполненіе постановленій о взысканіяхъ за непосѣщеніе школъ, такъ сказать, прекратилось.

Герцогство Нассауское. Обученіе съ 1817 г. обязательно подъ страхомъ денежной пени, но даровое, за исключеніемъ платы на пріобрѣтеніе школьныхъ принадлежностей и можно сказать что въ герцогствѣ нѣтъ ни одного человѣка, совершенно безграмотнаго.

Великое Герцогство Гессенское. Зъ каждый день отсутствія дѣтей родители платятъ небольшой штрафъ, за неимѣніемъ денегъ общее число этихъ штрафовъ обращается въ рабочіе дни въ пользу общины. За весьма немногими исключеніями всѣ дѣти ходятъ въ школу и нельзя найти и одной добровольной отлучки въ годъ на каждаго ребенка.

Гессенское курфиршество. Обученіе обязательно съ 6 до 14 лѣтъ.

Великое Герцогство Мекленбургское. Тоже правило существуетъ и здѣсь; въ послѣднее время ни одинъ ученикъ не старался освободить себя отъ дѣйствія обязательнаго обученія.

Великое Герцогство Ольденбургское. Тѣ же законы и тѣ же результаты.

Ганноверъ. Обученіе обязательно съ 6 лѣтъ. На 7 жителей приходится по 1 ученику.

Велкое Герцогство Саксенъ-Кобургъ-Готское. Обязательность существуетъ тамъ, какъ и во всей Саксоніи уже двѣсти лѣтъ.

Саксенъ-Мейнингенъ. Обученіе обязательно съ 5 до 14 лѣтъ до конфирмаціи подъ страхомъ денежной пени и даже тюремнаго заключенія. Случаи сопротивленія рѣдки и во многихъ школахъ не встрѣчаются вовсе.

Великое Герцогство Веймарское-Эйзенахъ. Ни одинъ ребенокъ не остается безъ обученія; обязательность существуетъ подъ страхомъ денежной пени и тюремнаго заключенія; въ теченіи сорока лѣтъ никто не уклонялся отъ обязанности посѣщать школу.

Герцогство Альденбургское. (Съ 1807 г.) и *герцогство Брауншвейгское.* Тоже можно сказать и объ этихъ двухъ герцогствахъ, гдѣ примѣры примѣненія наказаній весьма рѣдки *).

Въ *Швеціи, Норвегіи* и *Даніи* родители, не обучающіе дѣтей своихъ, также подвергаются штрафу; осякому безграмотному лицу пасторы отказываютъ въ конфирмаціи. Въ 1862 г. изъ 385,000 шведскихъ дѣтей только 9,131 остались безъ образованія.

Швейцарія. Обученіе въ Швейцаріи обязательно за исключеніемъ кантоновъ: женевскаго, швицкаго, урійскаго и унтервальденскаго. Въ цюрихскомъ кантонѣ, на основаніи законодательства 1859 г. школьный возрастъ простирается отъ 5 до 16 исполнившихся лѣтъ. Не только родители и

---

*) Вообще въ основу обязательнаго обученія въ Германіи положены слѣдующія начала:

а) Составленіе списковъ дѣтей тѣми, которые ведутъ метрическія книги и передача этихъ списковъ учителю, чтобы онъ убѣдился въ числѣ отсутствующихъ.

б) Тщательное веденіе списка отсутствующихъ учителямъ, который передаетъ его президенту школьной комиссіи, составленной изъ отцевъ семействъ.

в) Увольненіе дѣтей отъ обязанности посѣщать школу въ случаѣ исключительно дурной погоды или по причинѣ большихъ разстояній и жатвы.

опекуны, но и хозяева фабрикъ обязаны подъ страхомъ тѣхъ же наказаній доставлять возможность удовлетворить требованіямъ закона; если отецъ даетъ своему сыну особое воспитаніе, то все-таки вноситъ въ публичную школу установленную плату. Въ бернскомъ кантонѣ молодые солдаты, точно также какъ и въ Германіи, должны доказать, что умѣютъ читать, написать письмо, составить донесеніе, разрѣшить обыкновенную ариѳметическую задачу; если экзаменъ выдерживается неудовлетворительно, они поступаютъ въ школу при казармѣ.

Въ *Голландіи* всѣ бѣдныя семейства, которыя не посылаютъ дѣтей своихъ въ школу, лишаются общественныхъ пособій. (Мѣра эта соблюдается во многихъ французскихъ городахъ; она соблюдачась и въ Парижѣ на основаніи административныхъ уставовъ).

Италія. Обученіе въ Итальянскомъ королевствѣ даровое и обязательное, по крайней мѣрѣ въ принципѣ (на основаніи закона 1859 г.), подъ страхомъ выговора, денежной пени и тюремнаго заключенія. Безграмотные считаются неспособными къ участію въ выборахъ. Постановленія, касающіяся прямой обязательности, не могутъ еще быть исполняемы. Число народныхъ училищъ 39,631, въ коихъ дается образованіе 1,561,452 учащимся обоего пола. Одинъ учитель приходится на 37 мальчиковъ и одинъ на 28 дѣвочекъ.

Португалія. Небрежные родители за необученіе грамотѣ ихъ дѣтей подвергаются съ 1844 г. денежной пенѣ и лишенію политическихъ правъ на пять лѣтъ. Но законъ исполняется еще весьма несовершеннымъ образомъ, такъ какъ школъ слишкомъ мало.

Испанія. По закону 9 октября 1857 г. обученіе признано обязательнымъ подъ страхомъ выговора и денежной пени.

Съверо-Американскіе соединенные штаты. Послѣ основанія ново-англійскихъ колоній, обученіе было признано въ нихъ строго *обязательнымъ* на основаніи законовъ, которые по достиженіи цѣли, впали въ забвеніе. Обучайте народъ, говорилъ Маколей, таковъ былъ первый совѣтъ данный Вильяминомъ Пенномъ новому штату, который онъ органи-

зовалъ. Обучайте народъ, таковъ же былъ и послѣдній совѣтъ Вашингтона республикѣ. Обучайте народъ, непрерывно говорилъ Джефферсонъ. Но переселеніе изъ Европы безпрестанно вносило новые элементы, на которые было необходимо дѣйствовать. Закономъ 30 апрѣля 1862 г. на всѣ общины Массачусетза налагается обязанность принимать мѣры противъ непосѣщенія школъ—первоначальное народное обученіе вообще ввѣрено общинѣ (отъ 2000 до 3000 душъ); законъ обязываетъ общину учредить достаточное количество школъ для принятія *всѣхъ* дѣтей, достигшихъ такого возраста, въ которомъ они могутъ посѣщать школу. Каждый участокъ, имѣющій отъ 150 до 300 жителей, содержитъ одну школу. Итакъ обязательное для общинъ устройство школъ соединено съ даровымъ обученіемъ; первоначальная школа снабжена отличными преподавателями, составъ которыхъ безпрерывно обновляется молодыми свѣжими силами. Въ цѣломъ свѣтѣ (говоритъ Лавелей) существуютъ только четыре націи которыя могутъ сказать съ справедливою гордостью, что *всѣ* подданные умѣютъ читать: что сѣверная Германія, Норвегія, Швейцарія и соединенные сѣверо-американскіе штаты; но въ послѣднихъ не только всѣ грамотные, но всякій читаетъ съ цѣлью научиться, для того чтобы имѣть возможность принимать большее участіе въ общественныхъ дѣлахъ".

Въ *Россіи* въ законахъ гражданскихъ (т. X, ч. I) находятся нѣкоторыя правила объ обязательномъ обученіи дѣтей: „Родители *обязаны* дать несовершеннолѣтнимъ пропитаніе, одежду и *воспитаніе* доброе и честное по своему состоянію (см. 172). Они должны обращать все свое вниманіе на *нравственное образованіе* своихъ дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить нравы ихъ и содѣйствовать *видамъ правительства*. Впрочемъ родителямъ предоставляется на волю *воспитывать* дѣтей своихъ дома или отдавать ихъ въ *общественныя заведенія*, отъ правительства или частныхъ лицъ учрежденныя.. (ст. 173). Ежели малолѣтній не отданъ въ общественное училище, *опекунъ обязанъ*, смотря по роду его и состоянію, отдать его на воспитаніе и для изученія приличныхъ ему знаній людямъ добродѣтельнымъ

или *избрать учителей*, кои имѣли бы въ своихъ познаніяхъ и поведеніи опредѣленное законами свидѣтельство (ст. 263)".

Такимъ образомъ оказывается, что и по дѣйствующимъ законамъ родители *обязаны* дать образованіе дѣтямъ и что предложенная нами система личнаго обязательнаго обученія только формулируетъ яснѣе эту обязанность и нисколько не служитъ къ поколебнію власти родителей, (которымъ дѣти по дѣйствующимъ законамъ ст. 177 зак. гр., обязаны почтеніемъ, послушаніемъ и покорностію), ибо дѣйствуетъ не на дѣтей помимо родителей, а на самихъ родителей.

Припомнимъ кстати, что Петръ Великій обязалъ *всѣхъ дворянъ* учиться подъ опасеніемъ лишенія правъ и даже воспрещенія неграмотнымъ жениться. Вслѣдствіе изданія этихъ законовъ дворянство весьма скоро достигло высшаго образованія.

Сверхъ того *для народа* Петромъ Великимъ въ 1714 г. учреждены были цифирныя и ариѳметическія школы, а въ 1715 г. обязанность посѣщенія цифирныхъ школъ распространена на людей *всѣхъ званій*, что подтверждено и указамъ 1719 г. Въ 1720 г. по просьбѣ посадскихъ личная обязательность обученія отмѣнена, но затѣмъ *посадскіе вовсе перестали отдавать въ школы дѣтей своихъ*, и въ 1744 г. во всѣхъ цифирныхъ школахъ не было ни одного ученика изъ дѣтей посадскихъ.

Въ послѣднее время *земскими собраніями* въ Россіи снова возбужденъ вопросъ объ обязательномъ обученіи, именно: земское собраніе *Чернскаго* уѣзда (Тульской губ). 22 сентября 1866 г., пришло къ единогласному заключенію о необходимости *обязательнаго* для всего земства обученія грамотѣ дѣтей обоего пола съ 8 до 14 лѣтняго возраста и опредѣлило ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ объ утвержденіи таковой обязанности.

Земское собраніе *Константиноградское* (Полтавской губ.) 4 октября 1866 г. обязало родителей посылать ихъ дѣтей въ училища лишь въ томъ случаѣ: 1) если эти училища удалены не болѣе 2 верстъ отъ мѣста ихъ жительства; 2) когда

въ семействѣ находится болѣе двухъ дѣтей. За непосылку въ школу назначенъ денежный штрафъ въ пользу школы *).

Земское собраніе *Царицынскаго* уѣзда (Саратовской губ.) въ апрѣлѣ 1867 г. признало обученіе дѣтей считать „обязательнымъ“ для всѣхъ членовъ земства.

Московское губернское земское собраніе въ декабрѣ 1866 г. постановило, что „земство учреждаетъ народныя училища только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ сельское общество мірскимъ приговоромъ постановитъ „*обязательность* обученія“.

Въ *Прилукскомъ* уѣздѣ (Полтавской губ.) общества казаковъ и временно-обязанныхъ крестьянъ с. Гмирянки постановили приговоръ о взысканіи по 1 р. штрафа съ тѣхъ родителей которые не отдаютъ дѣтей въ школы. Въ нѣкоторыхъ селахъ *Кіевской* губ. также введено „обязательное обученіе дѣтей“ (см. № 204 моск. вѣдомостей за 1868).

Вполнѣ сочувствуя этимъ приговорамъ земскихъ собраній, мы замѣтимъ, что нужно различать: 1) мѣры, имѣющія характеръ обще-государственный и 2) мѣры, имѣющія характеръ частный. Мѣры, относящіяся къ установленію обязательнаго обученія въ цѣлыхъ уѣздахъ и губерніяхъ, для того чтобы онѣ достигли плодотворныхъ результатовъ, должны по преимуществу имѣть характеръ *обще-государственный,* ибо 1) обязательное обученіе влечетъ за собою различныя взысканія, доходящія даже до тюремнаго заключенія, и которыя могутъ быть присуждены только властью судебною, а для послѣдней постановленія отдѣльныхъ обществъ нисколько не обязятельны; 2) несправедливо ввести обязательное обученіе въ одной губерніи и не ввести онаго въ сосѣдней губерніи. На всемъ пространствѣ государства должна господствовать одна и таже система устройства школьнаго обученія. 3) Зем-

*) Полтавскій губернаторъ усмотрѣлъ въ этомъ постановленіи нарушеніе 7 ст. полож. о земск. учрежд. Собраніе нашло, что «за отклоненіемъ этого постановленія, для уѣзда будетъ потеряна всякая надежда на успѣхъ народнаго ученія, а съ этою потерею изчезаетъ и всякое побужденіе къ содѣйствію матеріальными пожертвованіями дѣлу, *не* имѣющему, по убѣжденію собранія, *будущности*.

ство одно не можетъ покрыть всѣхъ расходовъ, потребныхъ на содержаніе школъ, и будетъ принуждено обратиться къ помощи государственнаго казначейства.

Затѣмъ вопросъ этотъ не можетъ быть предоставленъ исключительно усмотрѣнію отдѣльныхъ обществъ и земства, но долженъ быть разрѣшенъ *правительствомъ*.

Съ своей стороны мы убѣждены, что само министерство народнаго просвѣщенія склоняется въ принципѣ къ системѣ принудительнаго обученія, именно во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра за 1867 г. изложено: „между многими мѣрами для распространенія народнаго образованія въ теченіе 1867 г. какъ и прежде, подвергались особенно часто обсужденію въ земскихъ собраніяхъ и въ печати мѣры объ обязательности начальнаго обученія для народа. Большинство мнѣній рѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ *принудительнаго обученія*, болѣе или менѣе рѣшительнаго. Изъ области теоріи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вопросъ этотъ перешелъ уже въ область практики, по частнымъ приговорамъ мѣстныхъ обществъ, дающихъ содержаніе училищамъ подъ условіемъ *обязательнаго* ихъ посѣщенія дѣтьми. Въ отчетѣ за 1866 г. я имѣлъ счастіе доложить Вашему Величеству, что вопросъ объ обязательности обученія еще требуетъ разъясненія и потому рѣшеніе его въ настоящее время было бы преждевременно. Дѣйствительно внимательное обсужденіе этого дѣла приводитъ къ убѣжденію, что въ *настоящее время* полная обязательность ученія была бы еще преждевременна при *маломъ* числѣ училищъ и при недостаткѣ въ учителяхъ.“

Нашъ *окончательный* выводъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Обзоръ иностранныхъ законодательствъ приводитъ къ убѣжденію, что Россія для того, чтобы сравняться въ дѣлѣ народнаго образованія съ прочими государствами, должна безотлагательно прибѣгнуть, къ системѣ обязательнаго (принудительнаго) обученія всѣхъ дѣтей грамотѣ“, но конечно измѣнивъ оную сообразно съ мѣстными условіями и съ существующими у насъ судебными, административными и земскими учрежденіями.

2) Система „личнаго обязательнаго обученія" вполнѣ согласна съ дѣйствующими въ Россіи законами (ст. 172, 173 и 263 т. X, ч. I), по которымъ родители и опекуны и нынѣ *обязаны* давать малолѣтнымъ воспитаніе.

3) Личная система обязательнаго обученія, въ примѣненіи къ *дворянству* въ Россіи, произвела уже въ XVIII ст. *блестящіе* результаты, ибо дворяне (изъ которыхъ лишь немногіе при Петрѣ Великомъ знали грамоту), вскорѣ сдѣлались европейски-образованными, такъ что въ отношеніи къ нимъ законъ объ обязательномъ обученіи вскорѣ сдѣлался мертвою буквою.

4) Принудительное обученіе *народа* при Петрѣ Великомъ только потому не принесло плодотворныхъ результатовъ, что законъ сей *просуществовалъ не болѣе пяти лѣтъ*; слѣдовательно неуспѣхъ нужно приписать лишь тому, что законъ былъ отмѣненъ вскорѣ послѣ его изданія, а не тому чтобы самъ законъ былъ безсиленъ распространить въ народѣ знаніе грамотности. Напротивъ того нѣтъ сомнѣнія, что если бы законъ 1715 г. былъ оставленъ въ силѣ, то нынѣ огромное большинство русскаго народа знало бы грамоту.

5) Непрактичность отмѣны закона объ обязательномъ (принудительномъ) обученіи грамотѣ — видна изъ того, что 24 года послѣ сего (то есть въ 1744 г.) въ цифирныхъ школахъ не было уже *ни одного* ученика изъ посадскихъ, тогда какъ при дѣйствіи сего закона, конечно большая часть ихъ дѣтей учились въ этихъ школахъ.

6) Нынѣ *земскія собранія* высказываются въ пользу возстановленія прежняго закона объ обязательномъ обученіи и съ этимъ взглядомъ (въ принципѣ) повидимому соглашается и министерство народнаго просвѣщенія.

По всѣмъ симъ соображеніямъ мы повторяемъ нашъ выводъ: что въ Россіи необходимо неотлагательно ввести систему личнаго обязательнаго обученія.

Всякій законъ, предписывающій исполненіе чего-либо, то есть налагающій на людей извѣстную обязанность, останется мертвою буквою, если въ немъ не будетъ заключаться кара-

тельной санкціи, то есть указанія на то, какими *невыгодными* послѣдствіями сопровождается невыполненіе онаго. Такимъ образомъ для обезпеченія исполненія закона объ обязательномъ обученіи всѣхъ дѣтей грамотѣ — необходимо установить *взысканія* съ тѣхъ лицъ, которыя окажутъ ему неповиновеніе.

Въ Германіи и Италіи эти взысканія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) увѣщаніе или предостереженіе въ формѣ совѣта, посылаемое президентомъ школьной комиссіи. 2) Призывъ въ школьную комиссію, за которымъ слѣдуетъ увѣщаніе ея президента. 3) Жалоба комиссіи судьѣ, который всего чаще подвергаетъ виновнаго штрафу въ 1 фр. 50 сантимовъ, въ 2 или 4 франка; сумма штрафа удвоивается въ случаѣ вторичнаго проступка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ виновный подлежитъ тюремному заключенію на одни сутки. Въ Швеціи установленъ денежный штрафъ. Въ Голландіи родители, не посылающіе своихъ дѣтей въ школы, лишаются общественныхъ пособій. Въ Португаліи виновные въ семъ родители теряютъ свои политическія права на пять лѣтъ.

Въ Россіи по законамъ Петра Великаго дворяне, не умѣвшіе читать и писать, не могли вступать въ бракъ и даже зачислялись въ однодворцы.

Въ недавнее время (см. занятія комитета грамотности, 1863 г.) предложено, чтобы на будущее время лица, необученныя грамотѣ: 1) платили по достиженіи 16 лѣтъ двойныя подати: 2) были лишены права брать торговыя свидѣтельства.

Сообразивъ всѣ эти мѣры, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

а) Выговоры и замѣчанія слѣдуетъ установить, какъ предварительныя мѣры взысканій. Затѣмъ могутъ быть допущены: денежный штрафъ отъ 1 до 10 р. и тюремное заключеніе не свыше *одного* дня.

б) Лишеніе виновныхъ родителей и хозяевъ права быть избирателями и избираемыми на должности по земскимъ и сословнымъ выборамъ,—по нашему мнѣнію не соотвѣтству-

етъ мѣстнымъ условіямъ Россіи, такъ какъ въ податныхъ сословіяхъ многія лица на эти права взираютъ лишь какъ на тяжкую обязанность, а потому лишеніе ихъ этихъ правъ для нихъ вовсе не будетъ наказаніемъ.

в) Воспретить неграмотнымъ крестьянамъ вступать въ бракъ—было бы противно нравственнымъ и экономическимъ соображеніямъ, такъ какъ это повело бы: 1) къ увеличенію внѣбрачныхъ сожитій между крестьянами и къ растлѣнію нравовъ, 2) къ экономическому разоренію крестьянъ, для которыхъ бракъ служитъ важнымъ подспорьемъ въ веденіи хозяйства, доставляя въ женѣ—даровую работницу, а въ дѣтяхъ—будущихъ работниковъ,

г) Взыскивать съ неграмотныхъ двойныя подати и воспрещать имъ брать торговыя свидѣтельства—было бы несправедливо и непрактично, ибо въ большей части случаевъ не дѣти, а ихъ родители виновны въ томъ, что первые незнаютъ грамоты. Сверхъ того платежъ податей и право производить торговлю (правоспособность) вовсе не могутъ зависѣть отъ большей или меньшей грамотности лица; неграмотному гораздо труднѣе зарабатывать себѣ средства къ жизни, нежели лицу грамотному; поэтому нельзя обязать перваго вносить подати въ двойномъ количествѣ.

д) Наконецъ съ своей стороны мы предлагаемъ, какъ взысканіе, — „*опубликованіе въ вѣдомостяхъ* (на ихъ счетъ) именъ родителей, опекуновъ и хозяевъ, необучающихъ малолѣтнихъ грамотѣ.“ Мѣра эта является весьма цѣлесообразною къ тому, чтобы поставить общественное мнѣніе на сторону закона. Послѣднее будетъ вполнѣ достигнуто, когда имена лицъ, нежелающихъ обучать дѣтей грамотѣ, будутъ опубликованы во всеобщее порицаніе. Такое наказаніе, съ точки зрѣнія матеріальнаго вреда, вовсе не чувствительно, но оно направлено къ тому, чтобы возбудить въ нерадушныхъ и небрежныхъ родителяхъ, опекунахъ и хозяевахъ—чувства самолюбія и чести.

Но такъ какъ опубликованіе именъ въ вѣдомостяхъ сопряжено съ извѣстными расходами, то на первое время слѣдуетъ постановить, что оное въ деревняхъ можетъ быть

замѣняемо: „выставленіемъ именъ провинившихся во всеобщее порицаніе въ мѣстѣ сельскихъ и волостныхъ сходокъ крестьянъ и въ волостныхъ судахъ". Къ сему представляется тѣмъ болѣе основаній, что нынѣ чтеніе газетъ еще не распространено въ крестьянской средѣ; выставленіе же именъ виновныхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ собираются крестьяне, вполнѣ достигаетъ упомянутой выше цѣли—возбужденія противъ неразумныхъ и небрежныхъ родителей общественнаго неодобренія ихъ односельцевъ и мѣстныхъ жителей.

Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: *кому должны быть подсудны* дѣла о подверженіи взысканіямъ родителей и прочихъ лицъ, необучающихъ грамотѣ малолѣтнихъ?

Подобныя дѣла не могутъ быть предоставлены разсмотрѣнію полиціи или учрежденій правительственныхъ—во избѣжаніе полицейскаго произвола и административнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь семействъ.

Итакъ упомянутыя выше взысканія могутъ быть налагаемы лишь въ *порядкѣ судебномъ*, тѣмъ болѣе что по ст. 1 уст. угол. суд. „никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленія и проступки, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава", затѣмъ на основаніи ст. 33 того же устава всѣ подобныя дѣла подсудны не общимъ судебнымъ мѣстамъ (окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ), а *мировымъ судьямъ* и *ихъ съѣздамъ*.

Законодательство наше, вообще щедрое на *привиллегіи* для обучающихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, даетъ весьма незначительныя преимущества обучающимся только въ уѣздныхъ училищахъ *) и никакихъ пре-

*) По уставу 1828 г., окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ имѣютъ предпочтительно передъ неучившимся въ нихъ право вступленія въ гражданскую службу, если они вообще пользуются такимъ правомъ по происхожденію. Сверхъ того окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ производятся, по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ, въ первый классный чинъ безъ особаго испытанія, установленнаго на основаніи дополнительныхъ правилъ о гражданской службѣ, Высочайше утвержденныхъ 28 ноября 1844 г. для служащихъ лицъ гражданскаго вѣдомства, не получившихъ образованіе въ общественныхъ учебныхъ заве-

имуществъ учившимся въ приходскихъ училищахъ, если не считать преимуществомъ для обучавшихся въ сельскихъ приходскихъ училищахъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго вѣдомства—право поступленія въ писаря окружныхъ правленій и приказовъ.

Съ своей стороны мы убѣждены, что если подвергать взысканіямъ лицъ, невыполняющихъ законъ о личномъ обязательномъ обученіи, то по мѣстнымъ условіямъ нашего отечества, по свойствамъ человѣческой природы и вообще по чувству справедливости — является полезнымъ дѣйствовать *мѣрами поощренія*, на родителей и прочихъ лицъ, которые будутъ ревностными исполнителями сего закона, и на обучающихся въ народныхъ училищахъ.

Мѣстныя условія нашего отечества доселѣ не были благопріятны распространенію въ массѣ народа знанія грамоты. Съ одной стороны крѣпостное право, лишавшее человѣческихъ правъ 20 милліоновъ крестьянъ, сдѣлавшее ихъ предметомъ купли-продажи и ставившее ихъ въ зависимость отъ произвола частныхъ лицъ, съ другой тѣлесныя наказанія безпрестанно употреблявшіяся въ домашней расправѣ, въ судахъ, въ учрежденіяхъ полицейскихъ,—дѣлали то, что чувства собственнаго достоинства весьма мало было развито въ нашихъ податныхъ сословіяхъ, а затѣмъ необходимость образованія далеко сознавалась не всѣми. Только въ недавнее время лицамъ податныхъ сословій дозволено поступать въ гимназіи и въ университеты, а потому естественно, что многіе простолюдины могутъ еще не сознавать пользы и необходимости грамотности. На этихъ то лицъ нужно дѣйствовать мѣрами поощренія, указывая выгоды образованія не только для ихъ дѣтей, но и для нихъ самихъ.

Мѣры поощренія вообще вполнѣ согласны съ свойствами *человѣческой природы*. Поучителенъ примѣръ лицъ, занимающихся наукою для науки, но большинство людей руководствуется въ семъ отношеніи совершенно иными соображе-

---

деніяхъ. Наконецъ именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 17-го апрѣля 1863 г., лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, изъяты отъ всякихъ вообще тѣлесныхъ наказаній.

ніями. Только тогда народное образованіе будетъ подвигаться успѣшно впередъ, когда учащіеся и ихъ родители наглядно убѣдятся, что знаніе грамоты доставляетъ извѣстныя выгоды, что трудъ ихъ не пропадаетъ даромъ. Сказанное въ особенности относится къ нашимъ простолюдинамъ, которые не достигли еще такого умственнаго развитія и не имѣютъ достаточнаго отъ работъ времени, чтобы занятіе наукой ради науки могло ихъ привлечь.

Наконецъ по чувству справедливости, если лица, необучившія грамотѣ своихъ дѣтей и питомцевъ, подвергаются упомянутымъ взысканіямъ, то является основаніе къ тому, чтобы ревностные исполнители сего закона получили нѣкоторыя льготы, награды и поощренія; необходимо дѣйствовать на ихъ матеріальные интересы *) и на ихъ самолюбіе и честолюбіе.

Мы слышали мнѣніе, что „съ точки зрѣнія государственной пользы, за окончаніе курса вообще во всѣхъ народныхъ училищахъ безъ исключенія, не слѣдуетъ давать никакихъ преимуществъ. чтобы такимъ образомъ не отнимать у частныхъ народныхъ училищъ возможности выдерживать свободно конкурренцію съ правительственными народными училищами. Гораздо выгоднѣе для самаго народнаго образованія желать, чтобы народъ шелъ учиться туда, гдѣ учатъ лучше и исправнѣе, а не туда только, гдѣ за ученіе даютъ награды.“ Но такъ какъ опытъ дѣйствительной жизни убѣждаетъ, что частныхъ училищъ для народнаго обученія никто не открываетъ, ибо такое предпріятіе не можетъ окупиться и крестьяне добровольно не отдаютъ въ училища своихъ дѣтей то это мнѣніе упадаетъ само собою. Всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію о необходимости *дополнить* статьи 172, 173 и 263 т. XI ч. I, зак. гражд., изд. 1857 г. слѣдующими правилами **).

*) Нѣкоторые предлагаютъ: надѣлять бѣдныхъ дѣтей, посѣщающихъ школы, пищею и одеждою, а также выдавать денежныя преміи родителямъ за аккуратное посѣщеніе дѣтьми ихъ школъ.

**) Мы разсматриваемъ вопросъ въ принципѣ, но очевидно что *время* изданія такого закона зависитъ отъ экономическихъ и др. условій страны и можетъ быть опредѣлено только правительствомъ.

§ 1. Всѣ родители и лица, имѣющія на своемъ попеченіи малолѣтнихъ обоего пола, *обязаны* обучать ихъ грамотѣ: въ народныхъ училищахъ или иныхъ учебныхъ заведеніяхъ, или же дома—подъ опасеніемъ нижеизложенныхъ взысканій.

§ 2. Подъ дѣйствіе упомянутаго правила подходятъ всѣ малолѣтніе, которые имѣютъ отъ 8 до 14 лѣтъ отъ роду; симъ малолѣтнимъ по каждой волости и части города, а также по всему уѣзду въ совокупности должны быть составляемы ежегодно (въ порядкѣ указанномъ ст. 89 учр. суд. уст. и ст. 45 полож. о зем. соб.),—особые списки.

§ 3. За необученіе состоящихъ на ихъ попеченіи малолѣтнихъ грамотѣ родители и прочія лица подвергаются: въ первый разъ выговору, съ отобраніемъ отъ нихъ подписки о соблюденіи ими впредь упомянутаго закона; во второй разъ штрафу отъ 1 до 40 руб. сер. или тюремному заключенію на одинъ день съ опубликованіемъ по усмотрѣнію судьи на ихъ счетъ приговора въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

§ 4. Упомянутыя въ предшедшей статьѣ дѣла подвѣдомы (ст. 33 устава угол. судопр.), мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ и могутъ быть вчинаемы: а) по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ или ихъ родственниковъ и опекуновъ: б) по сообщеніямъ училищныхъ совѣтовъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и в) по непосредственно усмотрѣннымъ мировыми судьями нарушеніямъ упомянутаго закона (ст. 42 п. 3 и ст. 52 уст. угол. суд.).

А. Л.....й.

ПРОЦЕССЪ ГЕНЕРАЛА ТРОШЮ

ПРОТИВЪ ДЕ-ВИЛЬМЕСАНА И ОГЮСТА ВИТЮ

(Обвиненіе въ диффамаціи и оскорбленіи представителя общественной власти).

Засѣданіе Сенскаго ассизнаго суда 27 марта 1872 года.

Статьи, появившіяся въ „Фигаро“ 23 и 27 января текущаго года за подписью *Миносъ*, если не прошли совершенно незамѣченными, то во всякомъ случаѣ въ весьма слабой степени привлекли общественное вниманіе. О генералѣ Трошю столько уже говорили и писали, что статьи эти не имѣли даже достоинства новизны, казалось, что до нихъ все было уже исчерпано. Но когда узнали, что бывшій губернаторъ Парижа явился передъ судомъ съ обвиненіемъ въ диффамаціи противъ де-Вильмесана, редактора „Фигаро“ и Витю, автора статьи, то естественно явилось желаніе прочесть ихъ вновь и назначеніе этого процесса произвело въ обществѣ весьма понятное волненіе, потому что тогда выяснилось все важное значеніе судебнаго разбирательства, которое должно было возникнуть передъ ассизнымъ судомъ. Каждый угадывалъ, что въ преніяхъ, имѣющихъ произойти передъ судомъ присяжныхъ, при полномъ свѣтѣ гласности, должны раскрыться непредвидѣнныя до сихъ поръ подробности, разоблаченіе фактовъ, неизвѣстныхъ до настоящаго времени.

Это было сведеніе счетовъ 4 сентября, люди 4 сентября выступали на сцену.

Генералъ Трошю, призывая къ суду лицъ обвиняемыхъ имъ въ диффамаціи, лицъ, которымъ разрѣшено доказывать истинность фактовъ обнародованныхъ ими, обязанъ будетъ раскрыть въ полномъ свѣтѣ свое поведеніе, начиная съ момента, когда революція завладѣла имъ для того, чтобы поставить его во главѣ правительства національной обороны.

Это большой политическій процессъ, судить который призванъ судъ присяжныхъ, процессъ, который можетъ сдѣлаться весьма бурнымъ, такъ какъ онъ сильно подѣйствуетъ на страсти. Имперія безъ сомнѣнія воспользуется случаемъ возложить вину своего паденія на человѣка, котораго Парижъ, полный надеждъ въ то время, провозгласилъ своимъ спасителемъ и поставилъ въ первые ряды членовъ правительства въ Hotel de Ville. Имперія конечно захочетъ утвердить тотъ фактъ, что генералъ Трошю клялся умереть на ступеняхъ Тюильери защищая императрицу регентшу и царствующую династію.

Говорятъ, что друзья генерала, совѣтовали ему хранить презрительное молчаніе. Что могло значить для него новое нападеніе послѣ аттакъ, выдержанныхъ имъ на городскихъ валахъ?

Но генералъ Трошю думалъ, что всѣ укоры и сожалѣнія приверженцевъ падшаго правительства не могутъ потемнить его чести, и что противопоставляя свидѣтеля противъ свидѣтеля нужно было оправдать себя передъ страной. Онъ брался доказать, что имперія была мертва и убила себя сама и что нельзя обвинять въ измѣнѣ и ниспроверженіи того, чего никто въ мірѣ не могъ бы защитить и поддержать. Онъ хотѣлъ доказать, что 4 сентября было неизбѣжно послѣ столькихъ бѣдствій и совершилось само собою.

Никто не могъ предвидѣть, что выйдетъ изъ этого процесса. Но онъ пробудилъ въ сердцахъ тяжелое чувство, онъ возвратилъ къ печальнымъ днямъ ужасныхъ несчастій, въ которыхъ каждый старается найти умень-шеніе своей доли отвѣтственности.

Съ десяти часовъ многочисленная толпа наполняла входы въ зданіе суда, но отданы были строжайшія приказанія не пропускать никого, кромѣ свидѣтелей и небольшаго количества счастливцевъ успѣвшихъ занять мѣста въ судебной залѣ, которая въ самомъ дѣлѣ не можетъ похвалиться обширностью. Всѣ жалѣли о прежней залѣ судебныхъ засѣданій, вмѣщавшей такое большое количество публики.

Прежняя зала особенно достойна сожалѣній съ акустической точки зрѣнія, такъ какъ въ настоящей лишь немногія лица, исключая помѣстившихся въ первыхъ рядахъ, могутъ слышать показанія свидѣтелей.

Тридцать мѣстъ (скамьи обвиняемыхъ) быстро наполнились членами адвокатуры, которымъ они были предоставлены. Пресса находилась подъ особымъ покровительствомъ президента ассизнаго суда, предоставившаго для нея широкій просторъ, такъ что независимо отъ юридическихъ журналовъ, каждая политическая газета могла найти въ судебномъ засѣданіи мѣсто для своего представителя. Два стенографа, спеціально приглашенные генераломъ Трошю, записывали для него ходъ процесса, „Фигаро“ также имѣлъ своего стенографа, который помѣстился рядомъ съ редакторомъ на концѣ скамьи, предназначенной защитѣ.

Позади креселъ суда появилось множество членовъ магистратуры. Въ числѣ публики не видно было ни одной дамы.

Когда генералъ Трошю вошелъ въ залу, всѣ взгляды обратились на него, онъ сѣлъ на назначенное ему мѣсто, но нѣсколько разъ вставалъ и велъ одушевленный разговоръ.

Въ первый день засѣданіе продолжалось недолго, такъ какъ нѣсколько свидѣтелей, вызванныхъ защитой просили и получили разрѣшеніе, возвратиться на этотъ день въ Версаль, такъ какъ они принадлежатъ къ числу членовъ національнаго собранія и должны участвовать въ законодательныхъ трудахъ. Они были выслушаны лишь на другой день.

Показанія свидѣтелей, данныя въ первый день непрерывно привлекали вниманіе публики. Что въ особенности поразило

насъ, такъ это одна черта непремѣнно являющаяся почти во всѣхъ этихъ показаніяхъ а именно: каждый изъ вызванныхъ защитой сдѣлалъ все что могъ для спасенія имперіи, на эту тему они распространяются съ наибольшею охотою. Остальные главнѣйшіе пункты показаній касались подробностей относительно возвращенія генерала Трошю изъ Шалонскаго лагеря въ Парижъ, возвращенія Сенскихъ мобилей, соперничества между губернаторомъ Парижа и графомъ Паликао, недовѣрія къ генералу Трошю, заявленнаго совѣтомъ министровъ, обѣщаній сдѣланныхъ генераломъ императрицѣ, захвата толпою законодательнаго корпуса и наконецъ отъѣзда императрицы регентши изъ Тюильери, послѣдовавшаго 4 сентября около четырехъ часовъ вечера.

Въ три четверти одиннадцатаго судебный приставъ возвѣстилъ входъ суда и въ залѣ мгновенно воцарилась глубочайшая тишина.

Генеральный адвокатъ Мервелье Дивиньо (Merveilleux-Divignaux) просилъ судъ въ виду вѣроятной продолжительности засѣданія присоединить къ обыкновенному составу еще двухъ запасныхъ присяжныхъ и судъ признавъ справедливость этого требованія и кромѣ того заявивъ, что составъ суда будетъ усиленъ третьимъ членомъ, удалился въ залу совѣщаній для выпутія жребія присяжныхъ.

По возвращеніи суда генералъ Трошю въ сопровожденіи своего адвоката Аллу и стряпчаго Деруледъ занялъ мѣсто передъ секретарскимъ столомъ, а на скамью защиты помѣстились, позади своихъ кліентовъ, Лашо—адвокатъ де-Вильмесана и Гранперре вмѣстѣ съ Матье—адвокаты Витю.

По приглашенію президента Вильмесанъ далъ показанія относительно своего имени и званія. Имя его Ипполитъ де-Вильмесанъ, шестидесяти двухъ лѣтъ, литераторъ, родился въ Руанѣ. Другой подсудимый объявляетъ, что его зовутъ Огюстъ Витю, сорока восьми лѣтъ, литераторъ, родомъ изъ Медона (деп. Сены и Уазы), живетъ въ Парижѣ, avenue de-Vagram. Вслѣдъ за этими показаніями судъ принялъ присягу отъ присяжныхъ, имена которыхъ слѣдующія: Буте, Ажис-

со, Арно, Риголо, Аміель, Брюзеленъ, Мульонъ, Крантцъ-Кэлье, Ле-Тестю, Герленъ, Бросонно. Запасные присяжные: Тассаръ и Реньяръ.

Затѣмъ секретарь Блондо прочиталъ постановленіе о преданіи суду слѣдующаго содержанія:

«Г. Делоней де-Вильмесанъ напечаталъ въ двухъ №№, издаваемой имъ газеты «Фигаро,» отъ 23 и 27 января, двѣ статьи, подъ заглавіемъ: «*Счеты 4 сентября*». «*Генералъ Трошю*» за подписью: *Миносъ*.

Первая статья начинается слѣдующими словами: «19 января 1872 г., годовщина погребальнаго дня» и кончается такъ: «государственный дѣятель на завтра». Вторая начинается такимъ образомъ: «Революція—женщина уже слишкомъ...» и кончается такъ: «Я считалъ его за честнаго человѣка».

Генералъ Трошю признавая что статьи эти содержатъ въ себѣ диффамацію, оскорбительныя для него обвиненія и относительно отправленія имъ общественныхъ обязанностей и командованія войсками, которое онъ имѣлъ въ теченіи своей военной карьеры, подалъ 28 февраля 1872 г. жалобу противъ Огюста Витю признавшаго себя авторомъ этихъ статей и Делоней де-Вильмесана издателя-собственника газеты «Фигаро». Онъ подробно изложилъ и обозначилъ диффамирующіе факты. Витю, на сдѣланные ему вопросы заявилъ, что онъ судилъ генерала Трошю единственно какъ политическаго дѣятеля, что этимъ не превысилъ своего права журналиста и сохраняетъ за собою возможность представить доказательства оглашенныхъ фактовъ.

Вильмесанъ сознался что, былъ предупрежденъ о напечатаніи этихъ статей, что онъ зналъ, какъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца Витю собиралъ документы, необходимые для составленія ихъ, такъ какъ, говоритъ Вильмесанъ, онъ, понимая все важное значеніе этихъ статей, настаивалъ чтобы они были написаны не иначе, какъ опираясь на достовѣрные документы.

3 марта 1872 года слѣдственный судья Сенскаго трибунала сдѣлалъ постановленіе о препровожденіи слѣдствія къ генералъ-прокурору.

Судъ по совѣщаніи:

Призналъ, что изъ документовъ слѣдственнаго производства истекаютъ достаточныя для преданія суду обвиненія противъ:

1) Ипполита Делоней де-Вильмесана и

2) Огюста Шарля Витю, а именно:

Противъ Делоней де-Вильмесана. 1) Въ томъ, что онъ,—напечатавъ въ двухъ №№ отъ 23 и 27 января издаваемаго имъ журнала «Фигаро», которые были розданы подписчикамъ или проданы, назначались къ продажѣ или выставлены были въ публичныхъ мѣстахъ, двѣ статьи, помѣщенныя въ рубрикѣ «Счеты 4 Сентября» подъ заглавіемъ: «Генералъ Трошю», изъ которыхъ первая начинается словами: «19 января 1872 года, годовщина погребальнаго дня...» кончается же такъ: «государственный дѣятель на завтра», а вторая начинается: «Революція—женщина уже слишкомъ опозоренная....» и кончается: «Я считалъ его за честнаго человѣка»,—совершилъ проступокъ диффамаціи противъ генерала Трошю какъ представителя общественной власти по отношенію къ дѣйствіямъ его, вытекающимъ изъ его обязанностей, обвиняя его въ такихъ фактахъ которые по самой природѣ своей способны поколебать его честь и общественное къ нему уваженіе.

Таковыя заключенія въ особенности выводятся изъ приводимыхъ здѣсь отрывковъ этихъ статей.

I.—№ 23 января. «19 января 1872 г. годовщина погребальнаго дня, въ которой чистѣйшая кровь пролилась ради темнаго предпріятія, которое общество заклеймило именемъ убійства.

«...Губернаторъ Парижа не сдается на капитуляцію, сказалъ генералъ Трошю въ торжественной прокламаціи. И между тѣмъ онъ зналъ, что не пройдетъ десяти дней, какъ онъ отдастъ непріятелю городъ, форты, ружья и пушки арміи; заплатитъ 200 милліоновъ военной контрибуціи, и подпишетъ вмѣстѣ съ прелиминаріями мира подразумѣваемое оставленіе Альзаса и Лотарингіи.

«...Губернаторъ Парижа, произнесшій клятву не капитулировать, могъ взять, какъ примѣръ подражанія, это героическое

и величавое самоубійство, но онъ просто взялъ свою отставку и покрылъ саваномъ только свою военную честь. Наши несчастные мертвецы 19 января расплатились за это».

II. (Тотъ же №).—Такъ вотъ что у насъ дѣлается, думалъ я. У насъ возможно добраться до власти посредствомъ интриги, измѣны и возмущенія, схватить страну за воротъ какъ добычу, вырвать у нея довѣріе, ея кровь и золото, затѣмъ бросить ее трепещущую, подавленную горемъ и стыдомъ, а потомъ умыть себѣ руки и тщеславно взойти въ Капитолій съ клятвою, что отечество спасено; и смѣяться еще... какъ будто нѣтъ наказанія въ этомъ мірѣ и въ будущемъ».

III.—(Тотъ же №) «...Извѣстно было только, что въ 1851 г., состоя адъютантомъ при военномъ министрѣ, генералѣ Арно, онъ былъ однимъ изъ подручныхъ сотрудниковъ переворота 2 декабря.

Это преимущество имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что подполковнику Трошю поручено было исполненіе рѣшеній смѣшанныхъ комиссій и воспоминанія современниковъ утверждаютъ, что онъ принималъ тогда участіе въ дѣйствіяхъ далеко не съ цѣлью смягченія ихъ суровости — совершенно наоборотъ».

IV.—(№ отъ 27 января). «Генералъ Трошю пріѣхалъ изъ Парижа въ Шалонскій лагерь 16 августа, въ то самое время, когда императоръ прибылъ туда изъ Меца. Торжественное совѣщаніе, происходившее на другой день 17 августа слишкомъ извѣстно и потому нѣтъ надобности разсказывать здѣсь о немъ. Достаточно только напомнить, что генералъ Трошю принялъ изъ рукъ императора должность губернатора Парижа и обратился къ нему буквально въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Государь, въ томъ исполненномъ опасностей положеніи, въ какомъ находится теперь страна, революція низвергнула бы ее въ бездну, и потому я сдѣлаю все, что только будетъ возможно, для того, чтобы избѣжать революціи» и онъ дважды заключалъ императора въ объятія, торжественно завѣряя его въ своей вѣрности.

За отсутствіемъ императора онъ потребовалъ отъ регентши немедленнаго утвержденія своего назначенія. «Но, генералъ, возразила императрица, я не болѣе какъ регентша при конституціонномъ правленіи и не имѣю права дать мою подпись если она не будетъ скрѣплена подписью отвѣтственнаго министерства». «Государыня, рѣзко отвѣчалъ Трошю, отъ вашего несогласія могутъ произойти самыя ужасныя несчастія. Я далъ 12-ти тысячамъ сенскихъ мобилей приказаніе оставить Шалонскій лагерь и спѣшить въ Парижъ самымъ кратчайшимъ путемъ. Завтра они будутъ здѣсь и никто кромѣ меня не пользуется ихъ довѣріемъ. Если по своемъ прибытіи они не найдутъ вывѣшеннаго на улицахъ декрета о назначеніи меня губернаторомъ Парижа, они сочтутъ себя обманутыми и тогда я не ручаюсь за послѣдствія».

Императрица не смотря на свойственную ей твердость духа уступила передъ этими плохо замаскированными угрозами».

V. (Тотъ же №). «Генералъ Трошю предупредилъ революцію, что 12 тысячъ преторіанцевъ, готовыхъ къ возмущенію, отмѣченныхъ уже скандалезными сценами въ Шалонѣ, расположились лагеремъ подъ стѣнами столицы. По предмѣстьямъ города пробѣжалъ трепетъ, а лѣвая сторона законодательнаго корпуса поняла что скоро пробьетъ часъ.... Но что можно сказать положительно,—потому что какъ не безнравственень этотъ фактъ, но отрицать его невозможно,—такъ это то, что между лѣвой стороной замышлявшей низверженіе имперіи и главой военной силы, защищавшей правительство, довѣрія котораго онъ домогался и наконецъ захватилъ,—установились самыя короткія отношенія».

VI (Тотъ же №). «Онъ низко поклонился и склонивъ голову передъ императрицей произнесъ ей слѣдующую рѣчь: «Государыня, если ваша полиція хорошо организована, то она должна была сказать вамъ, что депутаты лѣвой стороны, на этихъ дняхъ, нѣсколько разъ собирались у меня. Но пусть это ни мало не безпокоитъ Ваше Величество, ибо преданность моя къ вамъ безпредѣльна и покоится на тройномъ

основаніи. Я Бретонецъ, католикъ и солдатъ...» Предупредить подозрѣнія посредствомъ притворной искренности, отречься отъ лѣвой стороны на случай неудачи, играть въ одно и то же время двойную игру, и всѣмъ измѣнить прикрываясь священнымъ именемъ Того, кто былъ проданъ Іудою за тридцать сребренниковъ и сдѣлать все это въ въ трехъ поклонахъ и четырехъ частяхъ фразы—согласитесь что это вѣнецъ искусства».

VII. (Тотъ же №). «Императрица замѣтила что угрозы въ особенности направляются противъ законодательнаго корпуса и что по этому мѣсто его засѣданій слѣдуетъ охранять болѣе чѣмъ Тюильери. Но,—это заслуживаетъ вниманія историка,—чѣмъ болѣе генералъ Трошю выказывалъ усердія и горячности въ томъ, что касалось императрицы, тѣмъ менѣе казался онъ исполнительнымъ въ томъ, что относилось къ защитѣ законодательнаго корпуса... Слѣдуетъ ли напоминать, что первою заботою прямодушнаго генерала было взять у Жюль Фавра президентское кресло для того, чтобы присвоить его себѣ. Онъ былъ свободенъ принять или не принять президентство, но разъ на этомъ мѣстѣ — онъ обязывался служить республикѣ; отказавшись отъ него—ему предстояла возможность спасти регентство.

И наконецъ, когда дворцу грозила опасность и императрица послала за человѣкомъ, который клялся своей честью Бретонца, католика и солдата умереть за нее, ей пришли сказать, что Трошю прошелъ мимо Тюильери не заглянувъ туда и что онъ засѣдаетъ въ Hôtel-de-Ville, гдѣ провозглашена республика... Все было кончено. Измѣна подкрѣпила торжество возмущенія.»

2) Въ томъ, что тамъ же и въ то же время напечатавъ вышеприведенныя статьи, которыя были розданы подписчикамъ или проданы, назначались къ продажѣ или выставлены были въ публичныхъ мѣстахъ, совершилъ проступокъ оскорбленія противъ генерала Трошю какъ представителя общественной власти по должности его или званію, заключающійся въ слѣдующихъ мѣстахъ вышесказанныхъ статей.

«Личность, которую я видѣлъ близъ Лондона въ музеѣ во-

сковыхъ фигуръ М-me Тюссо между Дюмоляромъ и Тропманомъ, былъ—генералъ Трошю».

(№ отъ 27 января), «Первый приговоръ принадлежитъ генералу Шангарнье: «Это Тартюфъ въ шлемѣ Манжена».

(Тотъ же №). «Вотъ слова маршала Макъ-Магона, сказанныя передъ слѣдственной комиссіей: «Я считалъ его за честнаго человѣка».

Противъ Витю:

Въ томъ, что тогда же и тамъ же онъ былъ сообщникомъ вышеозначенныхъ проступковъ, доставляя де-Вильмесану статьи, о которыхъ возбуждено настоящее дѣло, съ цѣлью обнародованія ихъ, причемъ помогая и присутствуя при этомъ, онъ дѣйствовалъ съ сознаніемъ, что обнародуемыя статьи составляютъ диффамацію и оскорбленіе генерала Трошю.

Проступки эти предусмотрѣны: 1, 13 и 16 ст. закона 17 мая 1819 г., 6 ст. закона 25 марта 1822 г., 1 и 3 ст. закона 15 апрѣля 1871 года и 59 и 60 ст. уголовнаго кодекса».

По прочтеніи этого постановленія президентъ напомнилъ подсудимымъ проступки въ которыхъ они обвиняются и пригласилъ ихъ быть внимательными къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя будутъ выставлены противъ нихъ.

Затѣмъ секретарь прочелъ списокъ свидѣтелей. Свидѣтели выставленные со стороны Витю:

Бюссонъ-Бильо, Клеманъ Дювернуа, Коссе-Бриссакъ, Жюль Брамъ, Анри Шевро, графъ Паликао, Жюль Ришаръ, Жиродо, Руэръ, Шнейдеръ, Мань, Бирманъ, маркизъ д'Анделяръ, Эстанселенъ, Витри, Камиллъ Донсе, графъ Мефрей, Гиллюте, де-Гравъ, полковникъ Штоффель, генералъ Пелисье.

Свидѣтели вызванные по просьбѣ генерала Трошю:

Жюль Фавръ, генералъ Шмицъ, полковникъ Монтагю, Вашеро, Арно де л'Арьежъ, Крессонъ, Лэръ, Ришаръ Брюне, генералъ Шангарнье, Базъ, де Малье, Брюне, генералъ

Мангонъ де ла Ландъ, Менье, генералъ Жарра, генералъ Лакруа, генералъ де-Пласъ, адмиралъ Фуришонъ, Жюрьенъ де Лагравьеръ, маршалъ Макъ-Магонъ, генералъ Берто, Піетри, генералъ Воберъ, Мань, Келлеръ, Поле, генералъ Лебрешонъ, генералъ Суменъ, генералъ Мальроа, генералъ Шабо-Латуръ.

Нѣкоторые свидѣтели не явились на судъ, но защитники заявили, что они не видятъ въ этомъ препятствія для производства судебнаго слѣдствія.

Президентъ, обращаясь къ Вильмесану. Сознаетесь ли вы въ напечатаніи двухъ предъявленныхъ вамъ статей.

Вильмесанъ. Да, г. президентъ.

Президентъ. Эти статьи заключаютъ въ себѣ проступокъ диффамаціи и оскорбленія противъ генерала Трошю какъ должностнаго лица. Въ нихъ сначала идетъ оцѣнка 19 января о парижской капитуляціи, потомъ отчетъ о свиданіи генерала съ ея величествомъ императрицей, о возвращеніи подвижной гвардіи въ Парижъ и наконецъ оцѣнка 4 сентября. Какія объясненія можете вы представить?

Вильмесанъ. Я легко могъ бы отказаться отъ всякой отвѣтственности по этому дѣлу, такъ какъ во время появленія этихъ статей я былъ въ Ниццѣ, но однако я принимаю отвѣтственность за этотъ рядъ статей, о которыхъ мнѣ говорили впродолженіи нѣкотораго времени. Какъ ни было это важно, но я сказалъ, что если только статьи эти противъ генерала Трошю будутъ опираться на документы, то я считалъ бы себя счастливымъ если бы могъ подписать подъ ними свое имя. Два или три мѣсяца употребили на то, чтобы собрать документы. Первая статья была немного жестковата для солдата. Я послалъ изъ Ниццы къ своему секретарю депешу на этотъ счетъ, прося его сказать Витю, чтобы онъ поокруглилъ углы.

Витю самъ будетъ защищать свои статьи—я ничего не имѣю сказать на этотъ счетъ. Я не принадлежу къ числу бонапартистовъ, потому что вся моя жизнь при императорскомъ правленіи проходила въ судѣ исправительной полиціи.

Но я видѣлъ въ одной изъ статей Фигаро, написанной священникомъ и надѣлавшей шуму, правдивый разсказъ объ отъѣздѣ императрицы. Изъ него я увидалъ, что сдѣлалъ генералъ Трошю для государыни, для женщины.... это возбудило мое негодованіе и я готовъ былъ принять все, что могло бросить свѣтъ на его поведеніе. Я смотрѣлъ на генерала Трошю какъ на забавное явленіе и не вѣрилъ, чтобы онъ освободилъ Парижъ. Редакторы мои потѣшались надъ этимъ, а я, сознаюсь, пилъ молоко въ то время, когда печатались статьи, но все-таки я принимаю на себя отвѣтственность за нихъ.

През. обращаясь къ Витю. Что вы имѣете сказать?

Витю. Я имѣлъ намѣреніе раскрыть истину въ историческихъ фактахъ, раскрыть ее совершенно добросовѣстно, а не съ цѣлью диффамировать. Если выраженія рѣзки, такъ это оттого, что я вѣрилъ въ то, что писалъ — выраженіе слѣдовало за мыслью. Самая форма журнала, сообразно съ потребностями читающей его публики, требовала нѣкоторой силы языка. Перешелъ ли я предѣлы и право исторической критики—объ этомъ судить будете вы.

През. Генералъ Трошю, неугодно ли вамъ встать и объяснить причины побудившія васъ принести жалобу?

Генералъ Трошю! Гг. присяжные, во всю мою жизнь я уважалъ свободу слова. Какъ главнокомандующій, я былъ выставленъ на судъ общественнаго мнѣнія. На всевозможныя нападенія, на ругательства и насмѣшки, я никогда не отвѣчалъ самъ, никого не просилъ и никому непозволялъ отвѣчать, но статьи Фигаро отъ 23 и 27 января касаются не только общественной моей дѣятельности, они оскорбляютъ личность и позорятъ мою честь. Вслѣдствіе этого я подалъ жалобу, сейчасъ прочтенную передъ вами и продолжаю поддерживать ее.

Согласно просьбѣ г. Лашо президентъ вызвалъ генерала Пелисье, который по ошибкѣ занесенъ былъ въ списокъ свидѣтелей и объявилъ ему, что онъ, если желаетъ, можетъ удалиться.

Вслѣдъ за этимъ произведенъ былъ допросъ свидѣтелей вызванныхъ со стороны Витю.

Шарль Кузенъ де Монтобанъ графъ Паликао, (на спросъ г. Лашо). Когда я призванъ былъ занять министерское кресло, то прежде всего я постарался организовать новыя арміи съ цѣлью облегчить наши дѣйствовавшія войска. Такимъ образомъ съ той самой минуты какъ я сдѣлался министромъ, меня занимала мысль о выборѣ генераловъ которыхъ я могъ бы поставить во главѣ арміи. Одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ былъ генералъ Трошю и я поспѣшилъ предложить ему командованіе 12 корпусомъ. Генералъ Трошю пріѣхалъ ко мнѣ и съ удовольствіемъ принялъ это мѣсто. Я помню, что Жюль Брамъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія на этотъ счетъ, онъ говорилъ: „Генералъ Трошю принадлежитъ къ числу недоброжелателей имперіи“. Я отвѣчалъ ему: „Онъ честный человѣкъ“ и прибавилъ, „если генералъ Мак-Магонъ будетъ раненъ, Трошю можетъ занять его мѣсто“. Генералъ Трошю отправился. Спустя сорокъ восемь часовъ послѣ его отъѣзда, Шевро привезъ мнѣ черновой приказъ, подписанный императоромъ, которымъ генералъ Трошю назначался губернаторомъ Парижа. Я нѣсколько затруднялся контрасигнировать это назначеніе, по моему мнѣнію генералъ Трошю дѣйствовалъ не конституціоннымъ образомъ. Совѣтъ министровъ созванъ не былъ.

Шевро настаивалъ, онъ сказалъ мнѣ, что императрица сильно этого желаетъ, я уступилъ и подписалъ декретъ. Черезъ два часа ко мнѣ явился генералъ Шмицъ съ вопросомъ, куда слѣдуетъ помѣстить мобилей. У меня руки опустились при новости о прибытіи этихъ мобилей, которые по большей части были изъ Бельвиля и Шаронны. Я выразилъ свое неудовольствіе, но тѣмъ не менѣе они прибыли; я хотѣлъ было дать приказаніе чтобы они продолжали свой путь для распредѣленія по сѣвернымъ мѣстностямъ, но генералъ Шмицъ сказалъ мнѣ: „слишкомъ поздно заставлять ихъ продолжать путь къ сѣверу, они уже высадились на берегъ“.

(На вопросы) Мои отношенія къ генералу Трошю были

самымъ точнымъ образомъ опредѣлены 27 августа въ законодательномъ корпусѣ. Я предоставилъ ему въ полной мѣрѣ всю свободу дѣйствій, какую давалъ ему уставъ. По этому уставу онъ долженъ былъ представлять отчеты о каждомъ выходящемъ изъ ряду происшествіи, о волненіяхъ или возмущеніи, какія могли послѣдовать. Ни одного донесенія такого рода я никогда не получалъ ни отъ генерала Трошю, ни отъ коменданта.

(На вопросъ). Трошю, который иногда присутствовалъ въ совѣтѣ министровъ, два или три раза вызвалъ волненіе.

Одинъ журналъ, кажется le Temps, воспроизвелъ прокламацію, въ которой генералъ говорилъ объ употребленіи для поддержанія порядка исключительно нравственныхъ средствъ. Мань или Руэръ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что нравственная сила можетъ оказаться недостаточной, тогда начали спрашивать у него, что онъ будетъ дѣлать въ случаѣ возмущенія? Онъ отвѣчалъ, что подавитъ бунтъ. Былъ еще другой разговоръ, въ которомъ его спрашивали не враждебно ли онъ относится къ имперіи и что сталъ бы онъ дѣлать если бы Тюильери или законодательный корпусъ подверглись нападенію. „Я легъ бы мертвымъ на ступеняхъ Тюильери или законодательнаго корпуса“ отвѣчалъ генералъ.

Въ одной изъ прокламацій къ мобилямъ онъ говорилъ имъ что они имѣютъ право находиться въ Парижѣ и защищать Парижъ. Это было противно дисциплинѣ. Я упрекалъ его за то въ совѣтѣ, считая обидою себѣ, что онъ не показалъ мнѣ этой прокламаціи. Я объявилъ, что отказываюсь отъ портфеля, потому что ко мнѣ относятся не такъ, какъ слѣдуетъ относиться къ начальнику. Я взялъ назадъ свои слова только тогда, когда генералъ Трошю призналъ мою власть. Генералъ далъ обѣщаніе дѣйствовать иначе и дѣло было кончено.

Съ генераломъ Трошю я имѣлъ свиданіе только одинъ разъ и получилъ отъ него только одно, чисто личное, частное письмо не имѣвшее никакого отношенія къ военному положенію. Никогда не получалъ я отъ него донесеній пред-

писанныхъ уставомъ 1852 г., въ составленіи котораго Трошю принималъ участіе въ качествѣ секретаря.

Я написалъ генералу Сумену письмо, въ которомъ говорилъ что дамъ ему приказанія лично отъ себя. Генерала Трошю никогда нельзя было застать дома, постоянно говорили что онъ выѣзжалъ. Я не могъ ожидать. На его обязанности лежало донести мнѣ о томъ, что происходило, а онъ ничего не доносилъ, но я никогда прежде этого письма къ генералу Сумену написаннаго 3 сент. не отдавалъ никакого приказанія помимо генерала Трошю.

Не видя генерала Трошю 3 сентября, я поѣхалъ къ генералу Сумену, я спросилъ его какія отданы приказанія на этотъ день. Онъ сказалъ мнѣ: „приказанія все тѣ же“. У меня довольно было занятій въ законодательномъ корпусѣ, не могъ же я, военный министръ, вскочить на лошадь и провѣрять были ли исполнены приказы.

4-го сентября я цѣлый день былъ въ законодательномъ корпусѣ, я вышелъ оттуда въ половинѣ четвертаго, быть можетъ послѣднимъ. Тамъ меня чуть не раздавили. Я видѣлъ Пикара, который взобравшись на стулъ говорилъ толпѣ о республикѣ. Зала des-Pas-Perdus была захвачена. Я защищалъ входъ въ залу засѣданій, стараясь воспрепятствовать нападенію на палату. Одинъ изъ депутатовъ возбудилъ толпу противъ меня, меня затолкали. Наконецъ мой адъютантъ, мой зять и одинъ полковникъ освободили меня. Я сѣлъ въ карету и тотчасъ же отправился къ императрицѣ въ Тюильери.

По Лильской улицѣ я могъ доѣхать до моста Ройяль. Въ ту минуту, когда я подъѣзжалъ къ воротамъ Тюильери караульные гусары выходили изъ нихъ, пѣхотная стража также оставляла свои посты. Кто отдалъ приказаніе покинуть Тюильери? Я объ этомъ не зналъ ничего. Какъ я припоминаю, толпа нападала уже на Тюильери, я помню что видѣлъ написанныя мѣломъ на стѣнахъ слова „Смерть ворамъ“. Я возвратился домой, было около 5 часовъ, я приводилъ въ порядокъ бумаги, когда мнѣ доложили о визитѣ генерала Трошю. Въ это время меня постигло страшное огорченіе, которому я противостоялъ до тѣхъ поръ, пока обязанъ былъ

исполнить долгъ. Я думалъ, что потерялъ сына. Когда я возвратился домой, личное чувство взяло верхъ. Въ эту то минуту и пріѣхалъ генералъ Трошю.

Онъ сказалъ мнѣ: „генералъ, я явился занять ваше мѣсто въ военномъ министерствѣ“. Я не говорилъ ему о томъ, какія дѣйствія должна бы была предписать ему совѣсть, и думая о моей печали я схватился за голову обѣими руками. Генералъ Трошю вышелъ говоря: „Генералъ! несчастный человѣкъ! несчастный человѣкъ!“ Съ того времени я его болѣе невидалъ.

Когда Жюль Фавръ, Гамбетта и Кератри возбудили вопросъ о томъ, чтобы ввѣрить генералу Трошю командованіе и заботы о вооруженіи, я всталъ и сказалъ, что на мнѣ какъ на военномъ министрѣ лежитъ отвѣтственность. Я опредѣлилъ кругъ дѣятельности предоставленный ему и прибавилъ: „что же касается до администраціи, то сюда онъ не долженъ вмѣшиваться“. Я сказалъ что считаю его слишкомъ честнымъ для того, чтобы онъ когда-либо измѣнилъ принятымъ имъ на себя обязанностямъ.

Когда генералъ Трошю явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что онъ занялъ мое мѣсто я незналъ что онъ былъ въ Отель де Вилль, онъ не говорилъ мнѣ ни о паденіи имперіи, ни о томъ, что онъ сдѣлался членомъ правительства образовавшагося въ Отель де Виллѣ.

Лашо. Въ законодательномъ корпусѣ было два засѣданія. 27 августа заявлено было требованіе, чтобы губернатору Парижа ввѣрено было вооруженіе парижскихъ укрѣпленій. 3 сентября Жюль Фавръ требовалъ, чтобы высшая власть вручена была генералу, который пользовался довѣріемъ народа. Графъ Паликао отвѣчалъ что этотъ всѣмъ извѣстный генералъ не измѣнилъ бы своей присягѣ.

Президентъ. Какое впечатлѣніе произвелъ на васъ этотъ случай?

Свидѣтель. Это очень щекотливо. Какъ свидѣтель я обязанъ разсказать факты, долженъ ли я высказать также свои личныя впечатлѣнія?

Президентъ. Вы лучше всѣхъ можете судить о томъ, что вы можете сказать.

Отв. Мнѣ трудно отвѣчать, потому что я могу ошибиться. Когда я послѣ раздумалъ, мнѣ показалось чѣмъ то необыкновеннымъ, что утромъ 4 сентября я видѣлъ въ генералѣ Трошю губернатора Парижа, а вечеромъ—президента враждебнаго правительства.

(На вопросы Матье) Правда ли что губернаторъ Парижа могъ напоминать по дѣятельности генерала въ отставкѣ?

Отв. Въ то время когда я былъ министромъ повидимому нѣтъ, но я незнаю что могли дѣлать послѣ того.

Вопр. Дѣло идетъ о Ле-Фіо, котораго графъ Кератри спрашивалъ желаетъ ли онъ быть военнымъ министромъ? Ле-Фіо отвѣчалъ что онъ не можетъ сдѣлать этого, такъ какъ генералъ Трошю назначилъ его комендантомъ одного изъ отдѣленій.

Отв. Нѣтъ, это противно уставамъ.

Вопр. Правда ли что маршалъ Вальянъ присутствуя въ комитетѣ обороны, не захотѣлъ подчиниться генералу Трошю?

Отв. По уставу власть президента въ комитетѣ обороны, которымъ прежде былъ маршалъ Вальянъ, должна была перейти къ Трошю. Генералъ Трошю въ одномъ письмѣ жалуется, что онъ никогда не сходитъ съ лошади и тому подобное. Трошю самъ сочинялъ себѣ занятія, потому что заботы о продовольствіи не входили въ кругъ его дѣятельности. Когда въ извѣстной мѣстности существуетъ комитетъ обороны, то также есть и комитетъ контроля надъ продовольствіемъ, въ этомъ комитетѣ президентомъ состоитъ комендантъ этого мѣста, но не генералъ-губернаторъ.

(На вопросы Аллу) Не было ли напечатано это письмо о которомъ идетъ рѣчь, въ книгѣ генерала Паликао?

Отв. Генералъ Трошю написалъ мнѣ письмо, въ которомъ благодарилъ меня за одно дѣло, не имѣвшее отношенія къ службѣ. Когда я оставлялъ Францію, 4 сентября, съ цѣлью отыскать тѣло моего сына, по слухамъ убитаго при Седанѣ, я написалъ военному министру письмо, въ которомъ

высказалъ мое намѣреніе возвратиться во Францію и удалившись отъ дѣлъ поселиться въ моей деревнѣ.

Аллу проситъ у суда позволенія для свидѣтелей, вызванныхъ со стороны Трошю, которые засѣдаютъ въ національномъ собраніи, удалиться на сегодня. Такъ какъ защита не представила возраженія противъ этого, то свидѣтелямъ было дозволено удалиться изъ суда.

Генри Шевро министръ внутреннихъ дѣлъ до 4 сентября (на вопросъ *Лашо*). Мнѣ первому пришлось принять генерала Трошю въ Парижѣ, это было въ ночь съ 17 на 18 августа Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ главнымъ директоромъ министерства, когда мнѣ доложили о генералѣ Трошю, его сопровождалъ генералъ Шмицъ. Трошю сказалъ мнѣ: «Я назначенъ губернаторомъ Парижа. Вотъ декретъ императора, отдающій въ мое распоряженіе всѣ силы Парижа». Я выразилъ по этому поводу сильнѣйшее удивленіе; тогда генералъ Трошю передалъ мнѣ письмо, написанное къ нему императоромъ.

Я сказалъ генералу, что я вполнѣ признаю декретъ и что завтра сообщу о немъ своимъ товарищамъ въ совѣтѣ который собирался каждый день. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Никакое промедленіе невозможно, я только на нѣсколько часовъ опередилъ императора, тотчасъ придутъ мобили. Нельзя допустить ни малѣйшей отсрочки для помѣщенія этого декрета въ *Монитеръ*». «Но декретъ императора долженъ былъ контрасигнированъ министромъ“ сказалъ я ему. Я немедленно отправился въ Тюильери, въ сопровожденіи генерала Трошю и генерала Шмица, чтобы принять приказанія императрицы.

Я просилъ разбудить императрицу и спустя нѣсколько минутъ мы вошли въ кабинетъ ея величества. Тамъ произошла весьма продолжительная бесѣда. Генералъ Трошю много говорилъ. Я могу сказать только, что положеніе дѣлъ онъ рисовалъ весьма мрачными красками. Онъ засвидѣтельствовалъ предъ ея величествомъ свою преданность. Тогда ея величество просила меня поѣхать къ военному министру и просить его подписи. При этомъ свиданіи присутствовало четвертое лицо, адмиралъ де ла Гравьеръ другъ генерала Трошю, кото-

рый, говоря о послѣднемъ, сказалъ, императрицѣ: «Государыня, имѣйте полное довѣріе, генералъ Трошю честнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, кого я только знаю, если онъ обѣщалъ, то онъ сдержитъ свое слово».

Я отправился къ военному министру. Онъ былъ уже въ постели и долженъ былъ встать. Его удивилъ декретъ императора и онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній по этому поводу. Онъ сказалъ мнѣ что къ генералу Трошю можно имѣть довѣріе, когда онъ стоитъ предъ лицемъ непріятеля, что онъ обладаетъ храбростью на полѣ битвы, но что постъ Парижскаго губернатора совсѣмъ иное дѣло, потому что это положеніе политическое. Однако министръ подписалъ декретъ. Возвратившись въ Тюильери я сообщилъ императрицѣ что это дѣло устроено и генералъ Шмицъ отвезъ декретъ въ редакцію *Монитера*.

(На новый вопросъ *Лашо* относительно первой прокламаціи генерала Трошю).

Генералъ прочиталъ намъ приготовленую имъ прокламацію, она начиналась такъ:

«Назначенный губернаторомъ Парижа декретомъ императора, котораго я опередилъ лишь на нѣсколько часовъ....»

Императрица остановила его на этихъ словахъ. «Вычеркните это генералъ, сказала она, его величество рѣшился оставаться во главѣ своего войска и раздѣлить опасности угрожающія ему». (Легкій шопотъ въ глубинѣ залы).

Гранперре. Я долженъ исправить одно выраженіе свидѣтеля. Онъ сказалъ что императоръ хотѣлъ оставаться во главѣ своего войска, но въ то время императоръ уже не командовалъ арміей.

Свидѣтель. Я хотѣлъ сказать что императоръ желалъ остаться среди своихъ солдатъ.

(На вопросъ *Лашо*). Генерала Трошю нѣсколько разъ призывали въ совѣтъ, а иногда онъ самъ просилъ позволенія присутствовать тамъ. Я припоминаю этотъ особенный случай когда генералъ Трошю написалъ мобилямъ дневной приказъ, произведшій сильное впечатлѣніе на совѣтъ. Былъ еще одинъ случай по поводу письма, написаннаго генераломъ въ газе-

тѣ *Temps*, которое вызвало прискорбное чувство. Генерала просили точно опредѣлить какимъ образомъ сталъ бы онъ отправлять обязанности губернатора, если бы начались внутреннія волненія. Онъ отвѣчалъ что когда настанетъ время, онъ энергически исполнитъ свой долгъ.

(На вопросъ *Матье*) Императрица была взволнована неожиданнымъ назначеніемъ генерала Трошю. Ея величество спрашивала не лучше ли было бы, если бы онъ остался при арміи. Свиданіе съ генераломъ Трошю нисколько ее не смущало и она просила его вычеркнуть изъ прокламаціи только фразу о скоромъ прибытіи императора, а не о томъ, что онъ получилъ свое назначеніе отъ императора.

(На вопросъ *Лашо*). Около 5 часовъ вечера 3 сентября, я поѣхалъ изъ законодательнаго собранія въ Тюильери предчувствуя великое несчастіе. Частныя депеши ознакомили меня до нѣкоторой степени съ событіями, происходившими при Седанѣ.

Въ Тюильери я увидалъ директора телеграфовъ г. Вужи, который передалъ мнѣ депешу императора, извѣщавшую о пораженіи арміи и его плѣнѣ, для того чтобы я немедленно сообщилъ ее императрицѣ. Я прочиталъ эту телеграмму государынѣ, которая была страшно поражена. Но она сказала что не имѣетъ права отдаваться своему горю и черезъ нѣсколько минутъ потребовала созванія совѣта министровъ. Послѣ этого совѣта, продолжавшагося весьма недолго и въ которомъ составлена была прокламація, я подошелъ къ императрицѣ и въ разговорѣ съ нею считалъ себя не вправѣ скрывать отъ нея всю важность тогдашнихъ обстоятельствъ, а также и то,—въ чемъ я былъ увѣренъ,—что люди желающіе безпорядковъ воспользуются седанской катастрофой въ пользу своихъ желаній и страстей. Я говорилъ что нужно призвать всѣхъ, на чью преданность можно разсчитывать и совѣтовалъ положиться на генерала Трошю.

Императрица отвѣчала что столько уже крови пролилось на поляхъ сраженій, что она не хотѣла бы проливать ее для защиты себя на улицахъ Парижа. Я думалъ что слѣдуетъ тотчасъ же извѣстить обо всемъ генерала Трошю, для того, чтобы

онъ узналъ о происшедшемъ изъ первыхъ рукъ. Это было такъ сказать воззваніе къ его личной преданности, быть можетъ нѣсколько несогласное съ законами іерархіи, которые, признаюсь, мало тогда меня занимали. Все это происходило отъ семи часовъ до половины осьмаго вечера. Я отправился къ генералу и нашелъ его одѣтымъ такъ, какъ будто онъ сейчасъ только сошелъ съ лошади. Когда я передалъ ему новости, онъ сказалъ что предвидѣлъ эту катастрофу. Правда онъ и прежде нѣсколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

Я сказалъ ему, что императрица совершенно убита; я самъ былъ взволнованъ. Я сказалъ ему, что императрица пораженная какъ супруга, какъ мать, подавлена горемъ, что ей въ настоящую минуту нужно видѣть во кругъ себя всѣхъ преданныхъ ей людей, и я просилъ генерала ѣхать тотчасъ же къ ней. Генералъ, отзываясь на эту минуту сильною усталостью, обѣщалъ пріѣхать къ императрицѣ вечеромъ, послѣ своего обѣда. Вечеромъ я опять поѣхалъ къ Тюильери и видѣлъ императрицу. Около десяти часовъ я спросилъ пріѣзжалъ ли генералъ Трошю? «Нѣтъ», отвѣчала мнѣ ея величество.

Совѣтъ министровъ былъ созванъ въ воскресенье въ восемь часовъ утра. Въ ту минуту, когда я выходилъ изъ залы совѣта я увидалъ что генералъ Трошю пріѣхалъ въ Тюильери.

Я вошелъ въ спальню императрицы съ просьбою, чтобы она приняла генерала. Затѣмъ я пошелъ за генераломъ, или лучше сказать, за нимъ послали. Онъ тотчасъ же явился. Я опять возвратился въ залу совѣта оставивъ генерала наединѣ съ императрицей. Около двадцати минутъ спустя императрица сошла внизъ, но я не знаю что было говорено при этомъ свиданіи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я, наклонившись къ императрицѣ, очень тихимъ голосомъ спросилъ ее: «ну что же»? и она сдѣлала мнѣ знакъ, указывавшій что она не имѣетъ никакого довѣрія къ генералу Трошю.

Лашо. Въ которомъ часу императрица выѣхала изъ Тюильери?

Свидѣтель. Я положительно въ точности не могу опре-

дѣлить время. Она должна была выѣхать между половиной четвертаго и четырьмя, по всей вѣроятности она выѣхала въ четыре.

На вопросъ *Матье* свидѣтель отвѣчалъ, что генералъ Трошю не говорилъ ему о томъ, чтобы онъ зналъ уже о Седанскомъ пораженіи и что свидѣтель думалъ что онъ первый сообщилъ генералу объ этомъ.

На вопросъ *Гранперре* свидѣтель прибавилъ, что генералъ Трошю сказалъ ему: «нечего бояться нарушенія дисциплины у мобилей, пока ими командуетъ генералъ Берто».

Мань, членъ національнаго собранія (на вопросъ Лашо). Однажды въ совѣтѣ министровъ генералъ Трошю сказалъ что онъ издалъ воззваніе къ начальникамъ батальоновъ національной гвардіи, въ которомъ онъ ставилъ имъ на видъ всѣ опасности сопротивленія, всѣ ужасы и потрясенія войны; что онъ говорилъ имъ въ этой прокламаціи, что «нужно имѣть слишкомъ много твердости характера для того, чтобы не поддаться волненію, которое испытываетъ человѣкъ видя какъ около него падаютъ друзья и братья» и что по прочтеніи этой прокламаціи офицеры, какъ показалось ему, были сильно взволнованы. При этихъ словахъ императрица внезапно поднялась съ мѣста говоря: «Какъ генералъ, вы сказали имъ это? Хорошо же! если Прусаки придутъ сюда, я сама выйду на окопы и покажу, какъ женщина можетъ встрѣчать опасность».

Генералъ отвѣчалъ ей, что его слова не такъ поняты, что на офицеровъ можно вполнѣ положиться и наконецъ сказалъ: «Государыня, у меня есть только одно средство доказать вамъ свою преданность, это—дать убить себя для спасенія васъ и для блага вашей династіи".

Аллу спрашиваетъ свидѣтеля о томъ, каково было его личное мнѣніе объ искренности генерала Трошю.

Мань. Я долженъ сказать, что въ глазахъ товарищей моихъ генералъ возбуждалъ нѣкоторое недовѣріе. Отъ него ожидали какого-нибудь заявленія, которое могло бы доказать его преданность. Слова, которыя онъ произнесъ тогда, поселили во мнѣ увѣренность. Прибавлю, что я видалъ гене-

рала Трошю у маршала Бюжо, при которомъ онъ состоялъ адъютантомъ и который очень его уважалъ. Кромѣ того я былъ знакомъ съ частною жизнью генерала, я зналъ что онъ былъ исполненъ самоотверженія—онъ содержалъ и воспитывалъ десять или двѣнадцать племянниковъ.

Но впечатлѣніе совѣта оставалось все тоже, т. е. имъ казалось что въ генералѣ Трошю замѣчается какая-то задняя мысль.

Съ перваго же дня я понялъ что между нимъ и генераломъ Паликао не замедлитъ возникнуть пререканія о власти. Это была одна изъ печальныхъ сторонъ тогдашняго положенія. Совѣтъ министровъ употреблялъ всѣ усилія успокоить проявленія недовольства въ генералѣ Трошю; удовлетворить его было до такой степени желательно, что ему предложили быть президентомъ комитета укрѣпленій, хотя это мѣсто занималъ тогда одинъ изъ маршаловъ Франціи.

Генералъ Трошю сдѣлалъ нѣсколько возраженій, но маршалъ Вальянъ сказалъ ему: „теперь не до вѣжливостей, дѣло идетъ о томъ, чтобы спасти страну, я не желаю ничего лучшаго какъ состоять подъ вашимъ предсѣдательствомъ».

Аллу. Слышалъ ли свидѣтель какъ генералъ Трошю произносилъ фразу приведенную въ статьѣ „Фигаро“: „моя честь, какъ католика, Бретонца...»

Мань. Нѣтъ, эта фраза не была произнесена при мнѣ; я долженъ сказать, что иногда не могъ присутствовать въ совѣтѣ по случаю займа, который заключался въ то время.

Затѣмъ Мань просилъ позволенія удалиться изъ залы засѣданія, но прежде чѣмъ онъ вышелъ, Аллу спросилъ его не слыхалъ ли онъ въ совѣтѣ министровъ какъ была сказана фраза: „Берегитесь, вы находитесь во власти великаго народнаго движенія».

Свидѣтель. Нѣтъ, я не слыхалъ точно такихъ словъ. Я знаю что генералъ Трошю имѣлъ весьма печальное мнѣніе о положеніи. Онъ нисколько не имѣлъ ободряющаго вида, напротивъ, онъ чрезвычайно безпокоился.

На вопросъ Гранперре, Мань заявилъ что онъ не можетъ сказать ничего кромѣ хорошаго о своихъ отношеніяхъ къ Витю.

Биссонъ-Бильо, адвокатъ. Генералъ Трошю нѣсколько разъ бывалъ въ совѣтѣ министровъ для обсужденія различныхъ предметовъ. Въ день своего назначенія онъ явился переговорить съ нами о нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ особенности же наказаніи прусскаго шпіона по имени Гарта. Въ двухъ случаяхъ онъ открыто заявилъ свои мнѣнія. Первый разъ это было когда у него спрашивали объясненія относительно письма, появившагося въ «Temps», въ которомъ онъ говорилъ объ употребленіи исключительно нравственной силы для поддержанія порядка. У него спрашивали неужели онъ въ случаѣ безпорядка не призоветъ на помощь никакой другой силы? Онъ ясно выразился, что въ случаѣ надобности, мужественно подавитъ возмущеніе, и одушевившись обратился къ императрицѣ говоря: „Если будетъ нужно я пожертвую жизнью для спасенія вашего величества и вашей династіи».

Въ другой разъ, за нѣсколько дней до 4 сентября, генералъ Трошю пріѣхалъ въ совѣтъ, гдѣ въ это время говорили о сборищахъ народа передъ зданіемъ законодательнаго корпуса. Это безпокоило президента законодательнаго корпуса. У генерала Трошю спрашивали: можетъ ли онъ стать лицомъ къ лицу съ потребностями минуты; онъ отвѣчалъ, какъ я нахожу, болѣе теоретическимъ, чѣмъ чѣмъ практическимъ образомъ. У него настоятельно потребовали отвѣта говоря что дѣло идетъ не о его личной преданности, а о принятіи реальныхъ мѣръ для того, чтобы воспрепятствовать вторженію въ собраніе представителей народа. Ему рѣшительно поставили вопросъ: „Какъ понимаете вы исполненіе того долга, о которомъ говорите?“ Онъ разсыпался тогда въ увѣреніяхъ и сказалъ, что если будетъ нужно, то онъ положитъ свою жизнь на ступеняхъ двухъ этихъ дворцовъ.

Возвращеніе баталіоновъ національной гвардіи сдѣлалось извѣстно военному министру только въ ту минуту, когда онъ узналъ о назначеніи генерала Трошю. Это было тѣмъ болѣе непріятно военному министру, что генералъ Трошю отдалъ такое приказаніе не сказавъ ему ни слова и что эта мѣра мѣшала формированію 12 корпуса. Генералъ Паликао бо-

ялся тогда, что въ войскахъ этихъ разовьется недостатокъ дисциплины, и что они могутъ разрушить его планъ.

Одинъ фактъ сильно поразилъ меня 4 сентября. Послѣ утренняго совѣта министровъ мы были въ законодательномъ корпусѣ. Около полудня, по истеченіи нѣкотораго времени, толпа проникнула въ законодательный корпусъ и онъ былъ захваченъ. Принятыя мѣры оказались безсильными. Какимъ образомъ были удалены войска? Какъ позволили толпѣ ворваться? Я не знаю.

Я видѣлъ нападеніе и войска не защищавшія палаты. Такъ какъ я не былъ въ состояніи ничего болѣе сдѣлать, то надо было подумать о томъ, чтобы предупредить императрицу. Чтобы объяснить свое исчезновеніе, я сказалъ товарищамъ что отправляюсь въ Тюильери. Меня опередилъ Генри Давидъ, а за мной послѣдовалъ Генри Шевро.

Императрица хотѣла еще остаться, но мы дали ей понять что болѣе нечего дѣлать.

Возвратившись къ законодательному корпусу, и, желая непремѣнно туда проникнуть, я встрѣтилъ одного друга который сказалъ мнѣ, что исполнить мое намѣреніе положительно невозможно, что тамъ только что провозглашено другое правленіе. Въ эту минуту я счелъ себя вправѣ подумать о моемъ семействѣ; я возратился домой и началъ писать письмо къ своимъ. Въ то время когда я писалъ услышалъ взрывы криковъ и меня подозвали къ окну. Я увидалъ генерала Трошю выѣзжающимъ верхомъ изъ воротъ Лувра въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ.

Передъ нимъ шло нѣкоторое количество возвращенныхъ имъ мобилей съ крикомъ: да здравствуетъ Трошю! да здравствуетъ республика! Это меня поразило. Кортежъ направлялся къ площади Согласія.

Я думалъ что генералъ отправляется, чтобы сдѣлать что нибудь для законодательнаго корпуса, но однако за нимъ не было видно войска. Близь улицы Кантильонъ онъ повернулъ направо. Четверть часа прошло съ тѣхъ поръ какъ мы оставили императрицу и я сильно сожалѣлъ что ничто не яви-

лось на помощь угрожаемымъ и захваченнымъ Тюильери и палатѣ.

Отъѣздъ императрицы долженъ былъ произойти между тремя часами и половиной четвертаго.

Засѣданіе пріостановлено на двадцать минутъ.

Жюль Брамъ. Я знаю что генералъ Трошю обвиняетъ «Фигаро» въ диффамаціи. Я поверхностно пробѣжалъ статью и желалъ бы...

Президентъ. Вамъ нѣтъ надобности знать самую статью для того чтобы отвѣчать.

Затѣмъ свидѣтель далъ показанія совершенно сходныя съ предшествовавшими относительно недовѣрія совѣта министровъ къ генералу Трошю, относительно возвращенія мобилей и пререканій генерала Трошю съ Паликао, а также о томъ, что на категорическій вопросъ объ образѣ дѣйствій Трошю въ случаѣ народнаго волненія онъ отвѣчалъ, что для спасенія правительства и династіи онъ положитъ жизнь на ступеняхъ Тюильери.

Эженъ Руэръ адвокатъ. (На вопросъ *Лашо*). Я былъ призванъ въ совѣтъ министровъ 7 августа 1870 г. сначала въ качествѣ президента сената—канцлеромъ тогда былъ Олливье. Я присутствовалъ въ совѣтѣ и участвовалъ въ его занятіяхъ въ ту минуту, когда временно занимавшій должность военнаго министра Дежанъ потребовалъ командировки въ Мецъ къ дѣйствующей арміи и потому поднятъ былъ вопросъ о его замѣщеніи. Здѣсь было произнесено имя генерала Трошю, но Шнейдеръ заявилъ императрицѣ отъ имени генерала, что тотъ не приметъ этого мѣста и что кромѣ того, самъ Шнейдеръ не совѣтывалъ бы ей назначать Трошю военнымъ министромъ.

Канцлеръ сдѣлалъ съ своей стороны тѣ же замѣчанія и сказалъ что не дастъ своего согласія на такое замѣщеніе должности военнаго министра.

Меня удивляло однако, что несмотря на то, генералъ Трошю не былъ назначенъ однимъ изъ командующихъ арміей. Дѣйствительно, на другой же день генералъ Паликао далъ ему командованіе надъ 12 корпусомъ.

Что касается до возвращенія мобилей, то, правы мы были или нѣтъ, но оно насъ безпокоило, намъ казалось, что оно было опасно для общественнаго порядка. Генералъ Паликао былъ сильно взволнованъ, онъ даже подалъ въ отставку въ виду прокламаціи, написанной къ нимъ генераломъ Трошю, въ которой тотъ говорилъ этимъ мобилямъ: „вы имѣли право быть призванными въ Парижъ и я васъ привелъ сюда.“

Однажды генералъ Трошю явился въ совѣтъ по поводу наказанія прусскаго шпіона. Я спросилъ его: когда вы узнали объ этомъ? Онъ отвѣчалъ: вчера вечеромъ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я ему, вчера же и слѣдовало говорить, сегодня уже слишкомъ поздно заниматься этимъ.

Въ другой разъ у него требовали объясненія по поводу письма напечатаннаго въ *Temps*, гдѣ онъ говорилъ о моральной силѣ, какъ объ элементѣ государственной безопасности. Эти слова поселили въ умахъ нѣкоторыхъ изъ членовъ совѣта живѣйшее безпокойство. Мы спрашивали его, что онъ понималъ подъ нравственной силой; онъ утверждалъ что вполнѣ рѣшился поддержать порядокъ.

Я долженъ говорить о другомъ случаѣ. Вокругъ законодательнаго корпуса начинали собираться толпы. Мы спрашивали у генерала Трошю какія мѣры разсчитываетъ онъ предпринять для того, чтобы обезпечить должное уваженіе къ совѣщаніямъ палатъ. На первый запросъ генералъ Трошю отвѣчалъ довольно растянутыми общими соображеніями, рогда я сказалъ ему. „Но позвольте генералъ, надо перейти къ практическимъ мѣрамъ.“ Тогда генералъ обратился къ императрицѣ и сказалъ: „если будетъ нужно, я положу свою жизнь на ступеняхъ Тюильери, чтобы спасти императрицу тегентшу и ея династію.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОБЪ АПЕЛЛЯЦІОННОМЪ РАЗСМОТРѢНІИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ МИРОВОМЪ СЪѢЗДѢ.

*(Разъясненіе 168 ст. уст. угол. суд. *).*

«Приговоромъ съѣзда или утверждается приговоръ Мироваго Судьи, или же постановляется новый приговоръ, но только въ предѣлахъ отзыва. Наказаніе обвиняемаго не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ.» (168 ст. уст. о нак. нал. мир. суд). Статья эта отличается краткостью и кажущеюся простотою, но въ примѣненіи къ процессуальной практикѣ мировыхъ съѣздовъ она оказывается, по своему содержанію, многосложною и требующею особеннаго разъясненія. Прежде всего замѣтимъ, что она составляетъ характеристическую черту уголовнаго устава мировыхъ учрежденій, такъ какъ въ ней рельефно выражается положенное въ основаніе мировой процедуры состязательное начало, состоящее въ томъ, что уголовныя дѣла въ этихъ учрежденіяхъ начинаются и ведутся не иначе, какъ въ предѣлахъ обвиненія, заявляемаго частными или административными лицами и что дальнѣйшій ходъ ихъ, т.-е. перенесеніе ихъ въ высшую инстанцію и самое разсмотрѣніе сею послѣднею состоявшихся приговоровъ поставлены въ зависимость отъ воли участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и отъ предмета жалобъ, приносимыхъ имп на приговоры. Мировой судъ не можетъ при этомъ, за весьма немногими исключеніями, выступать по своему усмотрѣнію за предѣлы заявленнаго обвиненія, хотя юридическій характеръ преслѣдуемыхъ проступковъ онъ долженъ опредѣлять само-

*) Изъ „Замѣтокъ о Мировомъ Судѣ“.

стоятельно, по точнымъ указаніямъ закона и по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя обнаружены судебнымъ разбирательствомъ. Послѣднее право есть неотъемлемая принадлежность всякаго суда; въ противномъ случаѣ, судъ сдѣлался бы орудіемъ произвола обвинителей, а не органомъ правосудія. Поясникъ примѣрами: Проситель приноситъ жалобу мировому судьѣ на то, что такой-то, обязавшись по условію продать ему извѣстную вещь, продалъ ее другому; вслѣдствіе чего и проситъ подвергнуть его уголовной отвѣтственности за обманъ или мошенничество. Судья на томъ основаніи, что поступокъ привлекаемаго къ отвѣтственности лица не заключаетъ въ себѣ обмана и мошенничества, а есть не болѣе, какъ неисполненіе сдѣлки о куплѣ-продажѣ, обязанъ не давать хода неправильно заявленному обвиненію, а отказать въ пріемѣ жалобы, предоставивъ просителю начать гражданскій искъ. Другой примѣръ: Обвинитель, принеся жалобу на то, что такой-то подойдя къ нему на улицѣ, выхватилъ у него изъ рукъ вещь и скрылся съ нею, проситъ подвергнуть его наказанію за воровство. Мировой судья, усматривая что проступокъ обвиняемаго по признакамъ своимъ составляетъ не воровство, а болѣе важный проступокъ — грабежъ, долженъ по неподсудности его уклониться отъ разбирательства заявленной жалобы. Мировой съѣздъ нельзя считать какою-то начальническою, въ административномъ смыслѣ слова, инстанціею, ревизующею всѣ дѣла, производящіяся въ низшей инстанціи мироваго суда; ему предоставлено право провѣрять, контролировать правильность дѣйствій мировыхъ судей и постановляемыхъ ими по дѣламъ рѣшеній и приговоровъ, только въ случаѣ принесенія разбирающимися у нихъ сторонами жалобъ и отзывовъ. На что жалуются и чего именно просятъ стороны, недовольныя дѣйствіями и рѣшеніями первой инстанціи мироваго суда, то только и въ правѣ разсматривать и рѣшать вторая его инстанція—съѣздъ. Необжалованная неправильность и нарушеніе закона, за весьма малыми исключеніями, не подлежитъ его разсмотрѣнію. Это правило въ 168 ст. выражено такъ: «приговоромъ съѣзда или утверждается приговоръ мироваго судьи, *или же постановляется новый приговоръ, но только въ предѣлахъ отзыва.*» Редакцію статьи, мы находимъ неточною и неполною. На практикѣ могутъ быть случаи, въ которыхъ съѣзду представится такая альтернатива: или утвердить приговоръ мироваго судьи, или постановить новый, но все-таки не-

согласный съ требованіями, выраженными въ отзывѣ. Приведемъ примѣръ: Обвинительница въ своей жалобѣ просила подвергнуть обидѣвшее ее лицо взысканію за клевету; мировой судья, не признавъ въ проступкѣ обвиняемаго клеветы, присудилъ его къ денежному взысканію въ 50 руб. за обиду на словахъ, по 130 ст. уст. о наказаніяхъ. Обвинительница, недовольная этимъ приговоромъ, въ своемъ отзывѣ просила съѣздъ объ отмѣнѣ приговора, какъ неправильнаго и о наказаніи обвиняемаго не за обиду на словахъ, а за клевету по 136 ст. уст. о нак. п. 2-й, по которой назначается въ наказаніе виновному одинъ лишь арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Съѣздъ, не признавая съ своей стороны въ преслѣдуемомъ проступкѣ клеветы, а только обиду на словахъ, нанесенную лицу женскаго пола, что было упущено изъ вида мировымъ судьею и на что было указано въ апелляціонномъ отзывѣ, отмѣнилъ приговоръ судьи и присудилъ обидчика къ денежному взысканію въ 100 р. по 131 ст. уст. о наказаніяхъ. Считать-ли приговоръ съѣзда, въ разсматриваемомъ случаѣ, вышедшимъ изъ предѣловъ отзыва? На это конечно слѣдуетъ отвѣчать отрицательно; но этимъ отвѣтомъ мы не охарактеризуемъ той особенности, которая должна отличать его отъ приговоровъ, постановленныхъ также въ предѣлахъ отзыва, но согласно требованіямъ апеллятора. Выраженіе — постановлять приговоръ въ предѣлахъ отзыва— имѣетъ значеніе правила, лишь ограничивающаго власть и права съѣзда, какъ апелляціонной инстанціи, но неналагающаго на него какой-либо особой обязанности. Оно запрещаетъ ему: 1) касаться тѣхъ частей приговора мироваго судьи, которыя необжалованы апелляторами; 2) дѣлать постановленія о такихъ предметахъ, о которыхъ въ отзывахъ не было никакого заявленія и о которыхъ въ первой инстанціи суда несостоялось никакого опредѣленія, напр. присуждать апеллятору вознагражденіе за понесенные имъ убытки, когда онъ о томъ не просилъ съѣздъ и мировой судья вопроса объ убыткахъ не разсматривалъ и 3) постановлять приговоры въ смыслѣ противоположномъ выраженнымъ въ отзывѣ требованіямъ, напр. апелляторъ просилъ съѣздъ объ увеличеніи наказанія подсудимому, а съѣздъ, не имѣя въ виду отзыва отъ сего послѣдняго, напротивъ уменьшилъ-бы это наказаніе. Вотъ краткій, но полный анализъ правила, играющаго такую важную роль въ процессуальной практикѣ мировыхъ съѣздовъ по уголовнымъ дѣламъ. Правило это

вслѣдствіе своего ограничительнаго свойства, не даетъ указаній въ тѣхъ случаяхъ, когда съѣзду предстоитъ удовлетворить требованіе апеллятора, но не въ томъ видѣ, какъ оно заявлено въ отзывѣ, напр, обвинитель проситъ увеличить наказаніе подсудимому по такой статьѣ уст. о наказ., подъ которую совершенный послѣднимъ проступокъ нельзя подвести, а между тѣмъ наказаніе можетъ быть увеличено или въ предѣлахъ статьи, по которой оно назначено мировымъ судьей, или по другимъ статьямъ устава. Слѣдуетъ-ли въ подобныхъ случаяхъ удовлетворять требованіе обвинителя объ увеличеніи наказанія, если оно разумѣется, въ своемъ основаніи заслуживаетъ уваженія? Или считать такое требованіе не имѣющимъ законнаго характера, а потому и не подлежащимъ удовлетворенію? На эти вопросы содержащееся въ 168 ст. правило о постановленіи приговоровъ въ предѣлахъ отзыва не даетъ отвѣта; онъ получается только путемъ логическихъ соображеній. Всякій отзывъ состоитъ изъ двухъ существенныхъ частей: 1) изъ доводовъ и соображеній о неправильности приговора мироваго судьи, и 2) изъ требованія объ отмѣнѣ всего или только извѣстныхъ частей приговора. Къ этому могутъ быть присоединяемы требованія объ исправленіи допущенныхъ въ первой инстанціи мироваго суда нарушеній закона при производствѣ дѣла. Съѣздъ долженъ разсматривать и обсуждать отзывъ во всемъ его составѣ. Но самая главная его часть, безъ сомнѣнія—заключительныя требованія объ отмѣнѣ или измѣненіи приговора; они-то и составляютъ тѣ предѣлы, въ которыхъ долженъ постановляться съѣздомъ новый приговоръ; только по отношенію къ нимъ прочія части отзыва пріобрѣтаютъ важность, или теряютъ свое значеніе. Такъ, если апелляторъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ одной лишь части приговора и при этомъ проситъ о вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ между тѣмъ относятся до другихъ необжалованныхъ частей послѣдняго, то съѣздъ въ полномъ правѣ оставить такую просьбу безъ уваженія. Тоже надо сказать о доводахъ и соображеніяхъ. Нѣтъ основанія обязывать съѣздъ разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ всѣхъ безъ исключенія доводовъ и соображеній, приведенныхъ въ отзывахъ. Нерѣдко случается, что апелляторъ распространяется объ обстоятельствахъ, неидущихъ вовсе къ дѣлу, пускается въ соображенія, неимѣющія никакого существеннаго значенія въ отзывѣ, или другими словами,—никакого отношенія къ заключительнымъ требованіямъ, въ немъ

выраженнымъ. Но съ другой стороны, оставленіе съѣздомъ безъ разсмотрѣнія и обсужденія всѣхъ приводимыхъ въ отзывѣ доводовъ, соображеній и требованій объ исправленіи процессуальныхъ упущеній имѣющихъ существенное въ дѣлѣ значеніе, есть нарушеніе 168 ст. Объ обязательности для съѣзда такого разсмотрѣнія ничего не говорится въ разбираемой статьѣ, что̀ нельзя несчитать важнымъ недостаткомъ въ ея текстѣ. Въ ней упомянуто только о постановленіи приговора въ предѣлахъ отзыва; но это вещь особая отъ разсмотрѣнія и обсужденія отзыва въ составныхъ его частяхъ. Въ судебной практикѣ послѣднее обыкновенно приравнивается къ первому; что̀ неточно и неправильно и вынуждается лишь неудовлетворительностью редакціи 168 ст. Можно постановить новый приговоръ не выходя изъ предѣловъ отзыва и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушить другую существенную (подразумѣваемую) часть 168 ст., заключающую въ себѣ требованіе о разсмотрѣніи и обсужденіи отзыва во всѣхъ составныхъ его частяхъ. Пояснимъ примѣромъ *). Торговецъ, получивъ отъ покупателя 10 р. для уплаты 3 р. слѣдовавшихъ за проданную ему вещь, удержалъ остальные 7 р. подъ предлогомъ что покупатель долженъ былъ ему эту сумму. Покупатель принесъ чрезъ повѣреннаго мировому судьѣ жалобу въ которой просилъ: 1) подвергнуть продавца за его поступокъ уголовной отвѣтственности, не опредѣляя по какой именно статьѣ уст. о нак. нал. мир. суд., а предоставляя суду назначить виновному соотвѣтствующее наказаніе; 2) обязать обвиняемаго возвратить ему удержанныя имъ деньги и 3) кромѣ того, взыскать съ него за веденіе дѣла 15 руб. Мировой судья приговоромъ своимъ опредѣлилъ: подвергнуть обвиняемаго за самоуправство аресту на двѣ недѣли; удовлетворить остальныя два требованія обвинителя, т.-е. взыскать съ торговца въ пользу его 7 и 15 руб. Мировой судья, назначая торговцу наказаніе по 142 ст. уст. о нак., руководился тѣмъ соображеніемъ что онъ удержалъ слѣдовавшія ему отъ покупателя деньги самовольно, вмѣсто того, чтобы о взысканіи ихъ обратиться къ суду и что это дѣйствіе составляетъ самоуправство, не разъяснивъ при разбирательствѣ дѣла, былъ ли покупатель дѣйствительно долженъ продавцу удержанную имъ сумму денегъ.

*) Данныя для этого примѣра мы взяли изъ кассаціоннаго рѣшенія сената 1868 года за № 685, измѣнивъ только комбинацію ихъ.

Обвинитель, оставшись доволенъ послѣдними двумя частями приговора, обжаловалъ съѣзду только первую часть. Въ своемъ отзывѣ онъ доказывалъ различными доводами и соображеніями, что поступокъ обвиняемаго составляетъ не самоуправство, а присвоеніе чужаго имущества, ввѣреннаго для извѣстнаго употребленія, вслѣдствіе чего и просилъ съѣздъ отмѣнить приговоръ мироваго судьи, по отношенію къ уголовной отвѣтственности обвиняемаго, увеличивъ ему наказаніе по 177 ст. уст. о наказаніяхъ. Съѣздъ, не входя въ оцѣнку доводовъ и соображеній апеллятора, а удостовѣрясь только что покупатель не состоялъ должнымъ продавцу, призналъ послѣдняго виновнымъ въ обманѣ при разсчетѣ платежа и присудилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ, по 173 ст. уст. о наказ. Слѣдуетъ-ли считать такой приговоръ съѣзда выходящимъ изъ предѣловъ отзыва? По нашему мнѣнію не слѣдуетъ. Онъ ничѣмъ не нарушилъ собственно предѣловъ отзыва. Отзывомъ была обжалована одна лишь часть приговора мироваго судьи и только эта часть приговоромъ съѣзда и была измѣнена, до другихъ частей онъ не касался; апелляторъ требовалъ увеличенія наказанія обвиняемому и съѣздъ исполнилъ это требованіе, хотя и въ меньшей мѣрѣ. Между тѣмъ приговоромъ съѣзда нарушена 168 ст. въ другомъ отношеніи, а именно тѣмъ, что онъ постановленъ безъ обсужденія доводовъ и соображеній, заключавшихся въ отзывѣ относительно юридическаго характера проступка обвиняемаго, отъ чего съѣздъ не въ правѣ уклоняться при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ по существу. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ кассаціонное рѣшеніе сената 1869 г. № 764. «Разсмотрѣвъ жалобу Каргопольцева на крестьянина Зарина въ томъ, что Зринъ безъ дозволенія его Каргопольцева, пролагалъ дорогу чрезъ его дачу для возки дровъ изъ лѣсной дачи своихъ довѣрителей, мировой судья призналъ Зарина виновнымъ въ самоуправствѣ и приговорилъ его на основаніи 142 ст. уст. о нак., къ аресту на 14 дней. Въ апелляціонномъ отзывѣ своемъ подсудимый Зринъ, ссылаясь на 448 ст. зак. гражд., по которой владѣлецъ, пользующійся землями и промыслами въ казенныхъ и частныхъ дачахъ, имѣетъ право проходить и проѣзжать къ нимъ, а также на 147, 149 и 152 ст. уст. о нак., въ которыхъ предусмотрѣны случаи самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ и поврежденія его, жаловался на неправильное признаніе дѣйствій его, Зарина,

самоуправствомъ и объяснилъ при этомъ, что если возчиками дровъ дѣйствительно разобрана или повреждена часть изгороди поставленной Каргопольцевымъ, то и въ такомъ случаѣ къ настоящему дѣлу слѣдуетъ примѣнить не 142, а 152 ст. уст. о нак. Мировой съѣздъ, принявъ во вниманіе, что подсудимый Заринъ никакихъ новыхъ доказательствъ къ оправданію своему не представилъ, опредѣлилъ: на осн. 119 и 168 ст. уст. уг. суд. приговоръ мироваго судьи утвердить. Правительствующій сенатъ нашелъ, что хотя подсудимый въ апелляціонномъ отзывѣ своемъ жаловался на неправильное опредѣленіе по закону поступка его, Зарина, и указывалъ статьи закона, нарушенныя приговоромъ мироваго судьи, но мировой съѣздъ, обязанный разсматривать каждое дѣло въ предѣлахъ отзыва, *не вошелъ въ обсужденіе этихъ доводовъ*, подъ тѣмъ предлогомъ, что Заринъ не представилъ будто-бы къ оправданію своему новыхъ доказательствъ.»

Во второй части 168 ст. сказано: «Наказаніе обвиняемаго не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ». Отсюда возникаетъ вопросъ, можетъ ли наказаніе, назначенное обвиняемому, быть уменьшено и вовсе отмѣнено безъ просьбы о томъ обвиняемаго? По разъясненію правительствующаго сената, съѣздъ не вправѣ сдѣлать этого, что совершенно справедливо—такъ какъ съѣздъ постановляетъ свои приговоры не иначе, какъ вслѣдствіе поступившихъ въ оный жалобъ и отзывовъ. Если сторона не обжаловала рѣшенія мироваго судьи, то съѣздъ, разсматривая дѣло по аппелляціи противной стороны, не долженъ постановлять ничего въ пользу первой, которая, не подавъ отзыва, тѣмъ самымъ заявила свое удовольствіе приговоромъ мироваго судьи, хотя бы съѣздъ и находилъ этотъ приговоръ, по отношенію къ ней, совершенно неосновательнымъ и несправедливымъ; утверждать противное—значило бы допускать коренное нарушеніе организаціи мироваго суда. Но само собою разумѣется, что въ случаѣ просьбы подсудимаго съѣздъ получаетъ на уменьшеніе и отмѣну назначеннаго ему наказанія полное право, когда найдетъ уважительныя къ тому причины, потому что разбирающіяся въ судѣ стороны должны пользоваться совершенно равными правами.

Изъ предварительнаго разсмотрѣнія 168 ст. съ достаточною ясностію оказывается неполнота ея редакціи. По нашему мнѣнію, статью эту слѣдовало бы редактировать въ такомъ видѣ: «Съѣздъ, по разсмотрѣніи отзыва во всѣхъ его существенныхъ частяхъ и по-

обсужденіи приведенныхъ въ немъ доводовъ, или утверждаетъ приговоръ мироваго судьи, или же постановляетъ новый приговоръ, но только въ предѣлахъ отзыва и согласно выраженнымъ въ немъ требованіямъ, или, независимо отъ нихъ—на основаніи соображенія законовъ; наказаніе обвиняемому не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ, а также уменьшено и вовсе отмѣнено безъ просьбы о томъ подсудимаго». Наша редакція обнимаетъ собою всѣ главные случаи, въ которыхъ 168 ст. должна служить руководящимъ правиломъ. Никакую статью въ законѣ, конечно, нельзя довести до такой полноты, чтобы она напередъ давала точный отвѣтъ на каждый запросъ судебной практики; но предвидѣніе всѣхъ важнѣйшихъ комбинацій, неизбѣжно вытекающихъ изъ практики судебнаго дѣла, есть необходимая принадлежность всякаго положительнаго законодательства.

Перейдемъ къ дальнѣйшему разбору 168 ст. Кассаціонныхъ рѣшеній сената, разъясняющихъ эту статью, имѣется очень значительное количество, но нѣтъ надобности приводить ихъ всѣ до одного; многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ лишь простое подтвержденіе того, что содержится въ 168 ст., или несомнѣнные логическіе выводы изъ смысла ея текста, ясные сами по себѣ. А потому относительно ихъ, мы ограничимся одними лишь краткими положеніями, извлеченными изъ нихъ, съ указаніемъ года и нумеровъ рѣшеній; причемъ дозволимъ себѣ воспользоваться сборникомъ кассаціонныхъ рѣшеній изд. Г. Я. Утина. Другія же рѣшенія разрѣшаютъ вопросы болѣе сложные и трудные, или разсматриваютъ такіе случаи, примѣненіе къ которымъ 168 ст. требуетъ особенныхъ соображеній. На нихъ мы и обратимъ преимущественно вниманіе.

Подсудимый не вправѣ жаловаться на увеличеніе ему мировымъ съѣздомъ наказанія или на присужденіе его къ наказанію, при оправдательномъ приговорѣ мироваго судьи, когда обвинителемъ заявлено было о томъ требованіе въ апелляціонномъ отзывѣ. Рѣшеніе 1867 г. № 158: «По закону вторая степень суда имѣетъ полное право увеличить наказаніе подсудимому по требованію обвинителя.» Кассац. рѣш. 1869 года, № 635, 682.

Судъ второй степени не вправѣ приговаривать къ наказанію лицо, оправданное судомъ первой степени, если въ этомъ отношеніи не было жалобы со стороны обвинителя. Рѣшеніе 1867 г. № 238. Увеличеніе наказанія безъ требованія обвини-

теля служитъ поводомъ кассаціи приговора. Рѣшеніе 1867 г. № 75 и 286, 1869 г. № 898, 1870 г. № 1515.

Мировой съѣздъ не вправѣ освобождать подсудимаго отъ отвѣтственности, или уменьшить назначенное ему наказаніе, если подсудимый не обжаловалъ приговора мироваго судьи, или въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ о томъ не просилъ, хотя бы съѣздъ по обстоятельствамъ дѣла и признавалъ его менѣе виновнымъ или вовсе невиннымъ. Рѣшеніе 1867 г. № 463: «Мировой съѣздъ, отмѣнивъ приговоръ мироваго судьи вышелъ за предѣлы апелляціоннаго отзыва подсудимыхъ, ходатайствовавшихъ только о разсрочкѣ присужденнаго съ нихъ мировымъ судьею взысканія». 1867 г. № 410: «На точномъ основаніи 168 ст. съѣздъ обязанъ былъ разсмотрѣть дѣло только въ предѣлахъ отзыва управленія государственными имуществами, т.-е. разрѣшить ходатайство губернскаго управленія о примѣненіи къ дѣлу 155 и 156 ст. уст. о наказ., но не имѣлъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о невинности подсудимыхъ крестьянъ въ вырубкѣ лѣса, отъ которыхъ жалобы на приговоръ мироваго судьи въ виду съѣзда небыло. 1867 г. № 315, 1868 г. №№ 278 и 622.

Мировой съѣздъ, при разсмотрѣніи жалобы на приговоръ мироваго судьи, не вправѣ входить въ обсужденіе той части онаго, которая не была обжалована и вслѣдствіе сего вошла въ законную силу; въ противномъ случаѣ, съѣздъ нарушилъ бы предѣлы отзыва. Рѣшеніе 1866 г. № 79, 1867 г. № 254, 1869 г. № 706, 886.

Постановить рѣшеніе въ предѣлахъ отзыва значитъ—войти въ разсмотрѣніе всѣхъ частей жалобы. Мы объяснили уже выше, что постановленіе приговора въ предѣлахъ отзыва и разсмотрѣніе онаго—двѣ различныя вещи; но такъ какъ въ 168 ст. ничего не сказано о томъ, какъ разсматривать отзывъ, то правительствующій сенатъ по необходимости приравнялъ второе дѣйствіе съѣзда къ первому. Рѣшеніе 1868 г. № 61: «Крестьянинъ Кузьма Ивановъ, въ поданномъ по довѣренности сестры своей Авдотьи Ивановой въ мировой съѣздъ отзывѣ, жаловался на неудовлетвореніе мировымъ судьею ходатайства его объ удовлетвореніи его сестры за причиненное ей собаками Таптыкова поврежденіе руки, отчего она лишилась возможности работать, въ чемъ и ссылался на выданное изъ больницы удостовѣреніе; почему мировой съѣздъ, на осн. 168 ст. уст. угол.

судопр., обязанъ былъ постановить рѣшеніе въ предѣлахъ отзыва т.-е. войти въ разсмотрѣніе всѣхъ частей жалобы. Но съѣздъ, въ прямое нарушеніе сего закона, несмотря на данное по сему предмету товарищемъ прокурора заключеніе, по сей части жалобы Иванова не постановилъ никакого рѣшенія, при каковомъ нарушеніи приговоръ мироваго съѣзда не можетъ считаться въ силѣ судебнаго рѣшенія.» Кассац. рѣшен. 1869 г. № 933, 1870 г. № 41, 1871 г. № 160.

Приведенныя выше положенія составляютъ, повторимъ, прямые непосредственные выводы изъ содержанія 168 ст. и въ примѣненіи ихъ къ дѣлу не представляется затрудненія. Но могутъ быть случаи на практикѣ, относительно которыхъ не находится въ разсматриваемой статьѣ никакихъ указаній и которые потому требуютъ разъясненія.

При разсмотрѣніи апелляціонныхъ отзывовъ съѣздъ не долженъ ограничиваться истолкованіемъ ихъ по буквальному смыслу; такъ, напр. на практикѣ очень рѣдко встрѣчается, чтобы лица, присужденныя мировымъ судьей къ какому-либо взысканію или наказанію, признавая себя виновными, просили съѣздъ, въ своихъ отзывахъ, не объ освобожденіи ихъ вовсе отъ взысканія или наказанія, а объ одномъ лишь уменьшеніи сихъ послѣднихъ. Обыкновенно бываетъ напротивъ: апелляторы доказываютъ съѣзду въ своихъ жалобахъ невиновность ихъ въ приписываемыхъ имъ проступкахъ и ходатайствуютъ о признаніи ихъ свободными отъ всякой отвѣтственности по суду. Слѣдуетъ ли изъ этого, что съѣздъ, не найдя достаточныхъ причинъ къ признанію подсудимыхъ совершенно свободными отъ обвиненія, не вправѣ, въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ, уменьшить назначенное имъ наказаніе потому только, что объ уменьшеніи наказанія они не просили? Логика и справедливость требуютъ, чтобы съѣзду было предоставлено въ подобныхъ случаяхъ право уменьшать наказаніе обвиняемымъ. На это есть указаніе въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, 1868 г. № 763: «По полученіи апелляціонной жалобы купеческаго сына Шепелева мировому съѣзду, по точному смыслу 168 ст. уст. угол. судопр., предстояло: или утвердить приговоръ мироваго судьи, или постановить новый приговоръ, но только въ предѣлахъ отзыва, т.-е. согласно съ ходатайствомъ подсудимаго, или вовсе освободить его отъ опредѣленнаго ему судьею наказанія, или ограничиться смягченіемъ мѣры онаго (каковое ходатайство всегда

подразумѣвается въ просьбѣ объ оправданіи), или же, наконецъ, признавъ мѣщанъ Лебедева и Терехова виновными въ нанесеніи оскорбленія купеческому сыну Шепелеву, подвергнуть ихъ законной отвѣтственности.» 1869 г. № 8: «Подсудимые въ апелляціонномъ своемъ отзывѣ жаловались какъ на признаніе ихъ виновными, такъ и на неправильное опредѣленіе количества сдѣланной будто бы ими порубки; почему мировой съѣздъ, найдя подсудимыхъ виновными, имѣлъ полное право, какъ принять во вниманіе тѣ уменьшающія вину обстоятельства, которыя выяснились при разборѣ дѣла во второй степени суда, такъ и уменьшить взысканіе съ нихъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно зависитъ отъ усмотрѣнія суда и затѣмъ уст. угол. судопр. ст. 168, не дозволяя мировому съѣзду усиливать наказаніе обвиняемому безъ требованія того обвинителемъ, вовсе не упоминаетъ о томъ, чтобы безъ требованія самаго обвиняемаго, принесшаго апелляціонный отзывъ, нельзя бы было уменьшить опредѣленное ему въ первой степени суда наказаніе, когда къ тому представляются законныя основанія.»

Отзывы пишутся не всегда и не во всѣхъ ихъ частяхъ съ надлежащею ясностію и тчетливостію; можетъ случиться, что апелляторы жалуются на неправильное опредѣленіе первою инстанціею суда свойства преступнаго дѣянія, не высказываясь при этомъ опредѣлительно, требуютъ ли они или нѣтъ отъ съѣзда увеличенія или уменьшенія назначеннаго мировымъ судьей наказанія. Какъ поступать съѣзду въ такихъ случаяхъ? По разъясненію правительствующаго сената съѣздъ долженъ жалобы подобнаго рода считать достаточнымъ основаніемъ для увеличенія и уменьшенія присужденнаго мировымъ судьей наказанія, особенно если апелляторы заявляютъ въ своихъ отзывахъ, что они признаютъ судимый проступокъ болѣе или менѣе важнымъ сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, какое придано ему мировымъ судьей. Съѣздъ, впрочемъ, не обязанъ въ этомъ случаѣ подчиняться указаніямъ апеллятора, или соображеніямъ мироваго судьи, а напротивъ, долженъ опредѣлить юридическое значеніе проступка, какъ мы сказали уже выше, самостоятельно, на точномъ основаніи закона; разсматриваемый «отзывъ служитъ только поводомъ къ повѣркѣ правильности сдѣланнаго въ первой степени суда опредѣленія преступному дѣйствію.» Приведемъ два кассаціонныя рѣшенія, относящіяся къ разсматриваемому вопросу. 1866 г. № 79: «Точный разумъ этого зако-

на (168 ст.) состоитъ въ томъ, что мировой съѣздъ, какъ апелляціонная инстанція, не долженъ касаться тѣхъ частей приговора мироваго судьи, противъ которыхъ нѣтъ ни съ чьей стороны отзыва. Но когда отзывъ есть и когда онъ относится къ неправильному опредѣленію по закону свойства преступнаго дѣйствія, то затѣмъ уже не представляется никакого препятствія къ тому, чтобы апелляціонный судъ вошелъ въ разсмотрѣніе правильности этого опредѣленія и сдѣлалъ заключеніе о свойствѣ разсматриваемаго преступнаго дѣйствія, опредѣленіемъ котораго обусловливается и мѣра наказанія въ предѣлахъ прилагаемаго къ дѣлу закона. Въ этомъ случаѣ отзывъ служитъ только поводомъ къ повѣркѣ правильности сдѣланнаго въ первой степени суда опредѣленія преступному дѣйствію; но само собою разумѣется, что апелляціонный судъ долженъ опредѣлить это дѣйствіе по закону, а не по указанію апеллятора и не можетъ назначить наказанія, не соотвѣтствующаго закону, прилагаемому къ дѣлу, хотя бы апелляторъ о томъ и просилъ. Законъ на то и постановляется, чтобы онъ былъ исполняемъ, въ истинномъ его смыслѣ, всѣми и каждымъ, и потому приложеніе не должно зависѣть отъ произвола не только сторонъ въ дѣлѣ, но и самаго суда. Въ отношеніи къ примѣненію закона единственная зависимость, въ которую апелляціонный судъ поставленъ отъ апелляціоннаго отзыва, ограничивается тѣмъ, что когда въ законѣ, приличномъ дѣлу, положены различныя наказанія, избраніе которыхъ предоставлено усмотрѣнію суда, то апелляціонный судъ не можетъ избрать наказанія болѣе строгаго противъ назначеннаго судомъ первой степени, если о томъ не просилъ апелляторъ. Вотъ истинный смыслъ закона: «наказаніе обвиняемаго не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ.» 1868 г. № 94: «Жалоба Черторижскаго на увеличеніе ему наказанія безъ требованія противной стороны неосновательна, такъ какъ настоящее дѣло разсматривалось въ съѣздѣ, какъ вслѣдствіе жалобы его, Черторижскаго, такъ и вслѣдствіе жалобы повѣреннаго противной стороны Носова, который, изъявивъ неудовольствіе на приговоръ мироваго судьи, доказывалъ неправильное опредѣленіе мировымъ судьею свойства проступка Черторижскаго; въ виду подобной жалобы мировой съѣздъ имѣлъ полное право, на осн. 168 ст. уст. угол. судопр., увеличить опредѣленное мировымъ судьею наказаніе и тѣмъ не нарушилъ смысла вышеозначенной статьи, такъ какъ

жалоба обвинителя на неправильное опредѣленіе первою степенью суда признаковъ проступка, признаваемаго имъ болѣе важнымъ, въ сущности представляетъ собою просьбу объ увеличеніи наказанія.» Хотя въ приведенныхъ рѣшеніяхъ упоминалось лишь объ апелляціонныхъ отзывахъ обвинителей, но сказанное въ нихъ должно относиться и къ отзывамъ обвиняемыхъ. Кассаціон. рѣш. 1869 г. №№ 778, 828 и 860.

Мировой съѣздъ не вправѣ оставлять безъ разсмотрѣнія отзыва на томъ основаніи, что апелляторъ далъ неправильную квалификацію предмету своей жалобы, такъ напр. онъ жаловался на самоуправство, а ему между тѣмъ была нанесена обида дѣйствіемъ, такъ какъ предметъ обвиненія констатируется не юридическимъ опредѣленіемъ, а фактами и обстоятельствами дѣла. Кассац. рѣш. 1869 г. № 854: «Мировой съѣздъ неправильно толкуетъ законъ о предѣлахъ апелляціоннаго разсмотрѣнія дѣла (уст. угол. суд. ст. 168), полагая, что съѣздъ не долженъ входить въ разсмотрѣніе такого фактическаго обвиненія, которому дана апелляторомъ неправильная квалификація по закону, ибо предѣлы отзыва опредѣляются фактами, а не юридическимъ ихъ опредѣленіемъ.» Наоборотъ, если апелляторъ проситъ подвергнуть подсудимаго наказанію по одной статьѣ уст. о нак., а съѣздъ, соображаясь съ закономъ, назначаетъ ему наказаніе по другой статьѣ устава, то это отнюдь несоставитъ нарушенія 168 ст. Кассац. рѣшен. 1866 г. № 79 и 1869 г. № 1039.

На апелляціонную инстанцію суда законъ возлагаетъ обязанность исправлять допущенныя низшею инстанціею неправильности и нарушенія закона; но это общее правило недаетъ ей права при исправленіяхъ, увеличивать или уменьшать наказаніе безъ требованія о томъ сторонъ. А потому мировой съѣздъ, разсматривая дѣло по жалобѣ подсудимаго, не вправѣ увеличить опредѣленное ему мировымъ судьей наказаніе, даже и въ томъ случаѣ, если окажется, что вслѣдствіе неправильнаго опредѣленія мировымъ судьей свойства преступнаго дѣянія подсудимый присужденъ имъ къ наказанію, несоотвѣтствующему важности совершеннаго проступка; въ такомъ случаѣ съѣзду остается только «постановить, что несмотря на виновность подсудимаго въ болѣе важномъ проступкѣ, онъ подвергается лишь наказанію, положенному мировымъ судьей, за неимѣніемъ въ виду требованія обвинителя объ увеличеніи этого наказанія.» Рѣш.

1867 г. № 16. «Судъ второй степени не только вправѣ, но обязанъ исправить неправильное опредѣленіе судомъ первой степени признаковъ преступленія, не увеличивая при этомъ наказанія, опредѣленнаго судомъ первой степени, если этого не требуетъ обвинитель.» Рѣшеніе 1868 г. № 177. Тоже сказано и въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ 1867 г. № 292, 1868 г. № 746, 1869 г. № 838, 1871 г. № 161, 232. Точно также съѣздъ, разсматривая дѣло по жалобѣ одного обвинителя, не вправѣ уменьшить подсудимому наказаніе, если бы нашелъ, что мировой судья назначилъ ему вслѣдствіе неправильнаго опредѣленія признаковъ совершеннаго имъ проступка наказаніе болѣе тяжкое сравнительно съ его виной.

Когда съѣздъ разсматриваетъ дѣло по апелляціоннымъ отзывамъ обѣихъ сторонъ, какъ обвинителя, такъ и обвиняемаго, то онъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, руководясь своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и соображаясь съ законами, увеличить, уменьшить или вовсе отмѣнить назначенное мировымъ судьею наказаніе обвиняемому, или присудить его къ наказанію, если мировымъ судьею постановленъ оправдательный приговоръ, невыходя только при этомъ изъ предѣловъ отзывовъ сторонъ.

По многимъ статьямъ уст. о нак. налагается на виновныхъ въ проступкахъ или денежное взысканіе, или арестъ. Мировой судья, на основ. 12 ст. того же устава, при постановленіи приговора, обязанъ соображаясь съ сопровождавшими преступное дѣйствіе обстоятельствами, назначить подсудимому то или другое наказаніе, не предоставляя ему выбора между ними. Какъ поступать съѣзду, если мировой судья предоставилъ подсудимому въ своемъ приговорѣ, вопреки упомянутой статьѣ, выборъ между наказаніями и если дѣло разсматривается съѣздомъ лишь по апелляціи подсудимаго? По нашему мнѣнію съѣздъ долженъ или оставить приговоръ въ томъ же видѣ въ случаѣ утвержденія его, или уменьшить то и другое наказаніе въ виду смягчающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, или же предъ постановленіемъ своего приговора, отобрать отъ него отзывъ о томъ, какое изъ назначенныхъ мировымъ судьей наказаній считаетъ онъ для себя менѣе тяжкимъ и на основаніи его заявленія, присудить его къ тому наказанію. Что съѣздъ не вправѣ поступить иначе, видно изъ кассаціоннаго рѣшенія сената 1867 г. № 114: «Хотя мировой судья, примѣняя къ подсудимой Волко-

вой 180 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., отнюдь не долженъ былъ предоставлять ей выборъ, по ея желанію, между положеннымъ въ этой статьѣ арестомъ или денежнымъ взысканіемъ, а обязанъ былъ самъ сдѣлать этотъ выборъ по сопровождавшимъ преступное дѣйствіе обстоятельствамъ (уст. о нак. нал. мир. суд. ст. 12); однако за допущеніемъ уже этой ошибки въ пользу подсудимой, мировому съѣзду, разсматривавшему дѣло лишь по отзыву ея, не слѣдовало избирать изъ означенныхъ двухъ наказаній наиболѣе, по словамъ подсудимой, тягостное для нея, такъ какъ во второй степени суда наказаніе не можетъ быть усилено безъ требованія того обвинителемъ. Въ этомъ отношеніи приговоръ мироваго съѣзда заключаетъ въ себѣ явное нарушеніе правила, постановленнаго въ 168 ст. уст. угол. суд.»

168 ст. уст. угол. суд. дана въ руководство для рѣшенія дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, т.-е. по существу ихъ, а потому будетъ существеннымъ ея нарушеніемъ со стороны съѣзда, если онъ, разсматривая дѣло по апелляціонному отзыву, разрѣшитъ одну его часть, а другую обратитъ къ новому обсужденію мировымъ судьею, т.-е. смѣшаетъ апелляціонный порядокъ съ кассаціоннымъ. Рѣшеніе 1866 г. № 60: «Въ апелляціонномъ порядкѣ приговоромъ мироваго съѣзда или утверждается приговоръ мироваго судьи, или же постановляется, въ предѣлахъ отзыва новый приговоръ (уст. угол. суд. ст. 168); но законъ вовсе не предоставляетъ съѣзду одну часть дѣла разрѣшить, а другую обратить къ новому обсужденію мировымъ судьею. Правила апелляціоннаго порядка въ существѣ своемъ одинаковы какъ по уголовному, такъ и по гражданскому судопроизводству, а въ уставѣ сего послѣдняго положительно выражено, что судъ второй степени обязанъ рѣшить всякое дѣло, не возвращая его въ судъ первой степени къ новому производству и рѣшенію (уст. гр. суд. ст. 80 и 772).» Рѣшен. 1867 г. № 252. Но могутъ быть случаи, хотя и совершенно исключительные и возникающіе изъ нарушенія коренныхъ правилъ судопроизводства, когда съѣзду представляется необходимость, при разсмотрѣніи дѣла, по апелляціонному отзыву, отмѣнить приговоръ мироваго судьи и передать дѣло для разбирательства другому судьѣ, т.-е. отъ апелляціоннаго порядка переходить къ кассаціонному, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы прежнее производство было уничтожаемо со всѣми его послѣдствіями. Поясникъ примѣрами. Мировой судья принялъ къ разбирательству и разсмотрѣлъ

жалобу, составляющую по своему содержанію гражданскій искъ, въ уголовномъ порядкѣ и на его рѣшеніе былъ принесенъ апелляціонный отзывъ. Мировой съѣздъ, усмотрѣвъ такую неправильность, вслѣдствіе которой былъ данъ дѣлу совсѣмъ превратный ходъ, обязанъ по обсужденіи ея на основаніи законовъ отмѣнить приговоръ судьи по существу и передать дѣло другому судьѣ для разсмотрѣнія его въ гражданскомъ порядкѣ. Другой примѣръ. Мировой судья разсмотрѣлъ уголовное и гражданское дѣла вмѣстѣ, не отдѣливъ ихъ одно отъ другаго и свое рѣшеніе основалъ на статьяхъ уголовнаго и гражданскаго законовъ, т.-е. допустилъ смѣшеніе двухъ судопроизводствъ, что совершенно противно процессуальнымъ правиламъ, такъ какъ каждое изъ судопроизводствъ, въ отношеніи порядка доказательства фактическихъ данныхъ, имѣетъ существенныя отличія; что въ одномъ судопроизводствѣ можетъ быть доказано вполнѣ свидѣтельскими показаніями, то въ другомъ должно быть подтверждено не иначе какъ посредствомъ письменныхъ документовъ, составленныхъ по узаконенной формѣ. Въ данномъ случаѣ съѣздъ былъ бы лишенъ возможности постановить какое-либо правильное рѣшеніе по каждому дѣлу особо, а потому онъ самою необходимостью былъ бы вынужденъ уничтожить производство мироваго судьи со всѣми его послѣдствіями и передать дѣла другому судьѣ для разсмотрѣнія и рѣшенія ихъ отдѣльно. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ кассаціонное рѣшеніе сената 1867 г. № 541 вполнѣ, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ очень интересный случай. «Мировой судья 3-го участка, разобравъ дѣло, поступившее отъ судебнаго слѣдователя и начатое полиціею, о злоупотребленіяхъ на перевозѣ чрезъ рѣку Лужу, содержимомъ по контракту съ земствомъ, мѣщаниномъ Воронковымъ и признавъ дѣло это не уголовнымъ а гражданскимъ, опредѣлилъ: Воронкова за несоблюденіе всѣхъ условій контракта лишить права на полученіе представленнаго имъ въ обезпеченіе того контракта залога съ оставленіемъ онаго въ пользу земства. Рѣшеніе это мировой судья объявилъ въ порядкѣ гражданскаго производства Воронкову и копію съ онаго сообщилъ въ земскую управу. По апелляціонному отзыву Воронкова дѣло это поступило на разсмотрѣніе мироваго съѣзда который найдя, что мировой судья во всемъ нарушилъ порядокъ, при производствѣ этого дѣла, опредѣлилъ за несоблюденіемъ судьею 63 ст. уст. угол. суд. и ст. 4 и 193 уст. гражд.

судопр., рѣшеніе мироваго судьи 3-го участка отмѣнить и дѣло для новаго разбирательства въ порядкѣ уголовномъ, какъ начавшееся въ таковомъ, передать мировому судьѣ 1-го участка. На это рѣшеніе съѣзда Воронковъ принесъ кассаціонную жалобу, въ коей объяснилъ, что съѣздъ по его апелляціонной жалобѣ на неокончательное рѣшеніе судьи разрѣшилъ дѣло въ кассаціонномъ порядкѣ въ прямое нарушеніе 170 — 186 ст. уст. гр. суд., а коснувшись порядка уголовнаго производства не имѣя въ виду поэтому предмету ни отъ кого отзыва, нарушилъ 145, 146 и 168 ст. уст. угол. суд. правительствующій сенатъ, по выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора, принялъ на видъ: «1) что Малоярославскій мировой съѣздъ нисколько не нарушилъ 170—186 ст. уст. гр. суд., ибо разсматривая дѣло по гражданскому иску и отмѣнивъ рѣшеніе судьи на основ. 4 ст. уст. гр. суд., т.-е. за неимѣніемъ въ виду просьбы со стороны истца, съѣздъ разрѣшилъ дѣло не въ кассаціонномъ, а въ апелляціонномъ порядкѣ, 2) что дѣло это мировымъ судьею 3-го участка было начато производствомъ въ уголовномъ порядкѣ и ведено съ отступленіемъ отъ существеннѣйшихъ формъ сего производства, безъ приглашенія вовсе къ разбирательству полиціи, которая въ настоящемъ случаѣ представляла сторону обвинителя (уст. угол. суд. ст. 63, 1216, 146 и 1188), а потому передавъ дѣло для новаго разбирательства въ порядкѣ уголовнаго производства другому мировому судьѣ, съѣздъ также поступилъ совершенно правильно.» Состоявшееся въ 1870 г. кассаціонное рѣшеніе, № 252, окончательно разъясняетъ вопросъ о разсматриваемыхъ нами исключительныхъ случаяхъ нарушеній первою инстанціею мироваго суда коренныхъ правилъ судопроизводства: «Хотя 168 ст. уст. угол. суд. предписываетъ апелляціонному суду или утвердить приговоръ суда первой степени, или постановить въ предѣлахъ жалобы свой собственный приговоръ, но само-собою разумѣется, что точное исполненіе этого правила возможно только подъ условіемъ соблюденія въ данномъ дѣлѣ существенныхъ правилъ судопроизводства. Къ числу случаевъ, когда точное соблюденіе 168 ст. представляется невозможнымъ, относится между прочимъ, смѣшеніе мировымъ судьею двухъ порядковъ судопроизводства — уголовнаго и гражданскаго, какъ это разъяснено уже рѣшеніемъ угол. кассаціон. департамента по дѣлу Воронкова (1867 г. № 541), которымъ признано, что если мировой

судья смѣшаетъ уголовное и гражданское дѣло и постановитъ по обоимъ одно общее рѣшеніе, то мировой съѣздъ, разрѣшая дѣло въ апелляціонномъ порядкѣ, обязанъ поступить по правилу, установленному 178 ст. угол. суд. для случаевъ отмѣны приговора въ кассаціонномъ порядкѣ. На основаніи этого рѣшенія правительствующій сенатъ признаетъ, что и по дѣлу Долгополова мировой съѣздъ нарушилъ законный порядокъ, отмѣнивъ приговоръ въ апелляціонномъ порядкѣ.» Кассац. рѣшеніе 1869 года № 802, 1870 г. № 1007, 1871 г. № 351.

Правило содержащееся въ 168 ст. о томъ, что наказаніе обвиняемаго не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ, должно быть понимаемо въ строгомъ смыслѣ слова, а потому мировой съѣздъ не вправѣ входить въ разсмотрѣніе жалобы одного изъ соучастниковъ преступленія на освобожденіе отъ наказанія мировымъ судьей другаго соучастника въ преступленіи. Рѣшеніе 1867 г. № 290: «По силѣ 168 ст. наказаніе подсудимому можетъ быть увеличено только при требованіи обвинителя, чего въ настоящемъ случаѣ не было, а потому съѣздъ совершенно основательно оставилъ приговоръ мироваго судьи относительно Леона Нефедова безъ измѣненія, ибо хотя другой подсудимый по сему дѣлу, Ивановъ, заявилъ съѣзду о неправильномъ освобожденіи Нефедова отъ взысканія, но жалоба соучастника въ преступленіи въ этомъ отношеніи не можетъ замѣнить собою требованія обвинителя, тѣмъ болѣе, что Ивановъ, по силѣ ст. 145 и 856 ст. уст. угол. и неимѣлъ права вовсе касаться до обстоятельствъ приговора судьи, лично до него не относящихся.» Кассац. рѣш. 1869 г. №№ 689, 744.

Съѣздъ, какъ апелляціонная инстанція, не можетъ постановлять приговоровъ по обвиненію необсужденному въ первой инстанціи у мироваго судьи, а потому, если при разборѣ имъ дѣла обнаружится изъ обстоятельствъ онаго за участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ какой-либо проступокъ, то съѣздъ не вправѣ подвергать виновнаго въ немъ взысканію; въ противномъ случаѣ онъ нарушилъ бы, кромѣ 33 ст. уст. угол. суд. и 51 ст. учр. суд. уст. и разбираемую нами 168 ст. Рѣшен. 1867 г. № 23: «Съѣздъ, присудивъ Демидова къ наказанію за пьянство, когда по этому обвиненію не производилось никакого разбирательства у мироваго судьи, нарушилъ этимъ точную силу 33 ст. уст. гр. суд. и 51 ст. учр. суд. уст. и лишилъ его предоставленнаго 124

ст. уст. угол. суд. права обжаловать приговоръ въ апелляціонномъ порядкѣ.» Кассац. рѣш. 1869 г. № 653.

Несмотря на требуемое правительствующимъ сенатомъ строгое соблюденіе правила о постановленіи приговоровъ въ предѣлахъ отзыва, въ кассаціонныхъ его рѣшеніяхъ указываются два случая, въ которыхъ мировой съѣздъ обязанъ нестѣсняться предѣлами отзыва, а именно: когда при разсмотрѣніи дѣла возникаетъ вопросъ о его подсудности судебнымъ мировымъ установленіямъ и когда съѣздомъ будутъ замѣчены нарушенія коренныхъ правилъ судопроизводства. Въ этихъ случаяхъ съѣздъ долженъ на осн. 117, 231 и 234 ст. уст. угол. суд., разрѣшить вопросъ о подсудности и при отрицательномъ результатѣ прекратить производство дѣла, передавъ его по принадлежности, а также исправить допущенныя мировымъ судьей отступленія отъ установленнаго порядка судопроизводства, независимо отъ того, просили или нѣтъ о семъ апелляторы. Какія нарушенія процессуальныхъ правилъ считать существенными и какія изъ нихъ неимѣющими особенной важности—руководствомъ въ этомъ служатъ кассаціонныя рѣшенія сената. Мы съ своей стороны замѣтимъ только, что съѣзду слѣдуетъ исправлять лишь тѣ нарушенія, отъ исправленія которыхъ возстановляются нарушенныя права сторонъ, устраняются наказанія назначенныя подсудимымъ въ первой инстанціи суда свыше дозволенной мѣры, или совершенно противно закону, или самое дѣло можетъ получать новое направленіе вслѣдствіе большаго разъясненія его обстоятельствъ. Въ «Руководствѣ для Мировыхъ Судей» г. Неклюдова по сему поводу сказано: «кромѣ указаннаго исключенія основаннаго на подсудности, могутъ быть и другіе случаи, въ коихъ съѣздъ обязанъ выдти изъ предѣловъ отзыва. Напримѣръ, когда мировой судья назначилъ подсудимому одно изъ тѣхъ наказаній, которыя неуказаны въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, или назначилъ хотя и то наказаніе, которое упоминается въ уставѣ, но свыше предоставленной мировымъ судьямъ мѣры, или когда приговоромъ судьи присуждено совсѣмъ не то наказаніе, которое полагается за тотъ проступокъ, въ которомъ обвиняемый признанъ виновнымъ, напримѣръ за куреніе табаку—заключеніе въ тюрьму; все это, разумѣется, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда назначенное наказаніе будетъ свыше того, которое ему слѣдовало назначить, а не слабѣе.» (Стран. 244). Рѣшеніе 1868 г. № 748: «Мировой съѣздъ, ни мало не

нарушая 168 ст. уст. угол. суд., имѣлъ полное право войти въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности настоящаго дѣла, несмотря на то, что вопросъ этотъ не былъ возбужденъ ни апелляторомъ въ его отзывѣ, ни товарищемъ прокурора въ засѣданіи съѣзда. Опредѣленіе надлежащей подсудности составляетъ такое важное обстоятельство въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, что разрѣшеніе онаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть постановлено въ зависимость отъ воли сторонъ, а должно составлять прямую обязанность самого суда и это вполнѣ подтверждается 231 и 234 ст. уст. угол. суд., на осн. которыхъ каждое судебное мѣсто само рѣшаетъ подлежитъ-ли дѣло его вѣдомству и въ случаѣ нарушенія надлежащей подсудности само возбуждаетъ вопросъ о возстановленіи оной.» Рѣшен. 1867 г. № 352, 1868 г. № 65 и 1869 г. за № 1068. Рѣшен. 1866 г. № 49: «Могутъ быть такія коренныя нарушенія порядка судопроизводства, при которыхъ апелляціонный судъ по необходимости долженъ принять мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, независимо отъ предъявленныхъ возраженій.» Кромѣ того, въ рѣшеніи своемъ 1868 г. № 530, правительствующій сенатъ пояснилъ, что при разсмотрѣніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, допускается разборъ его во всѣхъ отношеніяхъ, т.-е. какъ по существу, такъ и относительно соблюденія формъ судопроизводства и смысла закона.

По 150 ст. уст. угол. суд. противъ отзыва дозволяется противной сторонѣ представлять непремѣнному члену съѣзда объясненіе. Отсюда возникаетъ вопросъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать этому объясненію, равное или меньшее, сравнительно съ отзывомъ, при разсмотрѣніи дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ? Одно то соображеніе, что подача отзыва служитъ основаніемъ перенесенія дѣла изъ нисшей инстанціи въ высшую и что въ 168 ст. говорится о разсмотрѣніи дѣла въ предѣлахъ отзыва, объ объясненіяхъ же въ ней ничего несказано, показываетъ, что письменному объясненію отнюдь нельзя придавать значенія равнаго отзыву. Прочтеніе его при разборѣ дѣла въ съѣздѣ обязательно для послѣдняго только при отсутствіи сторонъ; слѣдовательно оно служитъ лишь для замѣны словесныхъ объясненій стороны, возражающей апеллятору. Кромѣ того, не надо упускать изъ виду, что законъ дозволяетъ лицу, оставшемуся довольнымъ приговоромъ мироваго судьи, подавать письменное объясненіе на предметъ точно опредѣленный, а именно—опро-

верженія отзыва, а не для заявленія какихъ-либо требованій объ измѣненіи приговора мироваго судьи. Отсюда видно, что съѣздъ долженъ письменное объясненіе приравнять къ обыкновеннымъ словеснымъ объясненіямъ сторонъ, входящимъ въ составъ судебныхъ преній и не вправѣ считать его достаточнымъ основаніемъ для измѣненія, а тѣмъ болѣе отмѣны разсматриваемаго въ съѣздѣ приговора мироваго судьи согласно требованіямъ лица, подавшаго объясненіе. Впрочемъ, послѣднее можетъ послужить съѣзду болѣе или менѣе уважительнымъ поводомъ къ вызову свидѣтелей и къ совершенію другихъ распорядительныхъ дѣйствій. Но такъ какъ объясненіе при производствѣ дѣла въ съѣздѣ лишено самостоятельнаго значенія, то и обязательность для съѣзда выраженныхъ въ немъ требованій—чисто условная; она вполнѣ зависитъ отъ аргументаціи апеллятора въ отзывѣ. Разбирая 159 ст. *), мы указали уже на одинъ случай, когда просьба стороны о вызовѣ свидѣтелей заявленная въ письменномъ объясненіи становится для съѣзда обязательной. Приведемъ другой примѣръ: Апелляторъ въ своемъ отзывѣ отрицаетъ обстоятельство, послужившее къ его обвиненію и противъ котораго онъ не возражалъ у мироваго судьи, въ доказательство своего заявленія вызывается представить свидѣтелей. Противная сторона, находя что неосновательность оправдательныхъ доводовъ апеллятора можетъ обнаружиться не иначе какъ чрезъ осмотръ или освидѣтельствованіе, проситъ съѣздъ въ своемъ объясненіи произвести сіи послѣднія. Обязательность удовлетворенія такой просьбы — вещь весьма возможная. Сказанное нами подтверждается болѣе или менѣе кассаціонными рѣшеніями сената. Рѣшен. 1868 г. № 631: «Правительствующій сенатъ изъ указываемыхъ повѣреннымъ Кукскова основаній отмѣны приговора, остановился на нарушеніи 168 ст. уст. угол. суд. Очевидно что съѣздъ требованіе Ханина о возвышеніи наказанія Кукскову основалъ на представленномъ въ съѣздъ объясненіи. Хотя законъ для огражденія правъ сторонъ въ дѣлѣ участвующихъ, дозволяетъ, независимо отъ изъявленія удовольствія, представлять объясненія противъ отзыва противной стороны и приложеніе этихъ объясненій къ дѣлу предписываетъ 177 ст. уст. угол. суд., но требованіе обвинителя упоминаемое въ 168 ст. не можетъ имѣть мѣста послѣ изъявле-

*) Судебн. Вѣстн. 1871 г. № 15.

нія на приговоръ судьи удовольствія, а должно совершиться въ апелляціонномъ порядкѣ.» 1868 г. № 913: «Такъ какъ обвинитель по настоящему дѣлу, Мунцовъ, не изъявилъ неудовольствія на приговоръ мироваго судьи и не подалъ отзыва, то онъ не имѣлъ уже права просить объ измѣненіи его ни въ жалобѣ, ни въ личныхъ объясненіяхъ съѣзду, а мировой съѣздъ не имѣлъ законнаго основанія считать объясненія Мунцова равносильными требованію выраженному въ апелляціонномъ отзывѣ и на основаніи этихъ объясненій увеличивать подсудимому Фролову наказаніе.» Въ «Судебномъ Вѣстникѣ» 1870 г. № 100, въ статьѣ, заключающей положенія извлеченныя изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента, изъ рѣшенія 1869 г. № 913 выведено слѣдующее положеніе: «168 ст. угол. суд. Постановленіе апелляціонною инстанціею приговора не только на основаніи апелляціонной жалобы, но и словесныхъ объясненій противной стороны, необжаловавшей приговоръ, не составляетъ нарушенія формъ судопроизводства и даже обязательно для суда въ силу 150 и 158 ст. уст. угол. суд.» При этомъ замѣчено: «срав. противоположный взглядъ въ кассац. рѣш. 1867 г. № 315 и 1868 г. № 313.» Замѣчаніе это мы считаемъ неосновательнымъ; противорѣчія въ означенныхъ рѣшеніяхъ сената нисколько неоказывается; такъ какъ въ рѣшеніи 1868 г. № 913 (мы пропускаемъ № 315, 1867 г. какъ неимѣющее отношенія къ указанному противорѣчію) говорится опредѣленно, что съѣздъ не вправѣ увеличивать наказаніе подсудимому на основаніи письменнаго объясненія обвинителя; въ рѣшеніи же 1869 г. № 913 сказано лишь о совмѣстномъ съ отзывомъ обвинителя разсмотрѣніи объясненія обвиняемаго, поданнаго противъ апелляціоннаго отзыва. Что отзывъ апеллятора долженъ быть разсмотрѣнъ совмѣстно со всѣми объясненіями противной стороны, это не подлежитъ спору; совершенно другое дѣло—на основаніи не отзыва, а объясненія, письменнаго или словеснаго измѣнять приговоръ мироваго судьи, необжалованный стороною, представившею это объясненіе. Разсмотримъ еще одинъ случай сюда относящійся. Мировой судья своимъ приговоромъ оправдалъ подсудимаго, непризнавъ обвиненія его въ проступкѣ недобросовѣстнымъ; по отзыву обвинителя дѣло переносится въ съѣздъ. Обвиняемый въ своемъ объясненіи противъ отзыва заявилъ требованіе о признаніи обвиненія недобросовѣстнымъ, доказывая справедливость своего требованія различными дово-

дами и соображеніями. Имѣетъ ли съѣздъ право, если найдетъ эти доводы и соображенія уважительными, удовлетворить просьбу оправданнаго подсудимаго и признать въ своемъ приговорѣ обвиненіе его въ проступкѣ недобросовѣстнымъ? По нашему мнѣнію, не имѣетъ; такъ какъ признаніе обвиненія недобросовѣстнымъ, въ данномъ случаѣ, будетъ все-таки измѣненіемъ приговора мироваго судьи. Съѣздъ, при разсмотрѣніи поступающихъ на его разрѣшеніе дѣлъ, обязанъ строго держаться началъ апелляціоннаго порядка; въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ сената, разъясняющихъ 168 ст. есть положительныя на то указанія. Подсудимый долженъ не иначе, какъ въ апелляціонномъ порядкѣ, т.-е. чрезъ отзывъ, обжаловать оправдывающій его приговоръ судьи въ отношеніи непризнанія обвиненія противъ него недобросовѣстнымъ. Здѣсь возможно только одно исключеніе, а именно, когда оправданный подсудимый приведетъ въ своемъ объясненіи уважительныя причины, по которымъ представляемыя съѣзду доказательства недобросовѣстности обвиненія онъ не могъ указать мировому судьѣ при первоначальномъ разборѣ дѣла.

Такъ какъ судъ обязанъ давать классификацію разсматриваемому проступку согласно закону и на основаніи обстоятельствъ дѣла, имѣвшихся въ виду при заявленіи жалобы или обнаруженныхъ при разбирательствѣ, совершенно независимо, какъ мы уже замѣтили выше, отъ того юридическаго опредѣленія, какое дается самимъ обвинителемъ, то вслѣдствіе этого, судъ, оправдывая подсудимаго отъ обвиненія во взводимомъ на него обвинителемъ проступкѣ, не вправѣ оставлять его безъ взысканія за тотъ проступокъ, который судомъ усматривается изъ обстоятельствъ дѣла и предоставлять обвинителю вновь начинать обвиненіе противъ подсудимаго по указаніямъ его, суда. Сказанное относится къ обѣимъ инстанціямъ мироваго суда. Къ соблюденію этого правила съѣздъ, кромѣ того, обязывается прямымъ смысломъ 168 ст., а потому будетъ нарушеніемъ 168 ст., если съѣздъ, отмѣнивъ приговоръ мироваго судьи, по неправильному опредѣленію обвинителемъ свойства преступленія не постановитъ при этомъ новаго приговора въ предѣлахъ отзыва и предоставитъ обвинителю вновь начать обвиненіе противъ подсудимаго, согласно признанному съѣздомъ свойству подвергавшагося обвиненію проступка. Кассац. рѣшен. 1870 г. № 580: «Мировой съѣздъ, разсмотрѣвъ въ апелляціонномъ по-

рядкѣ дѣло о кражѣ поселяниномъ Легурою 8 копенъ сѣна съ земли, арендуемой помѣщикомъ Яковлевымъ, отмѣнилъ приговоръ мироваго судьи, коимъ Легура признанъ оправданнымъ въ этомъ преступленіи, и предоставилъ Яковлеву, на основ. 142 ст. уст. о нак., начать въ первой инстанціи обвиненіе Легуры въ самоуправствѣ и гражданскій искъ о возвращеніи сѣна и вознагражденіи за убытки. Правительствующій Сенатъ нашелъ что по точному смыслу 168 ст. уст. угол. судопр., мировой съѣздъ, въ порядкѣ апелляціоннаго производства, не вправѣ отмѣнить приговоръ мироваго судьи, не постановивъ новаго въ предѣлахъ отзыва. Въ настоящемъ дѣлѣ мировой съѣздъ явно нарушилъ приведенный законъ, отмѣнивъ приговоръ судьи и не постановивъ своего приговора, что во всякомъ случаѣ онъ обязанъ былъ исполнить и въ чемъ онъ вовсе не былъ стѣсненъ, даже въ томъ случаѣ если находилъ что свойство преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый, неправильно было опредѣлено мировымъ судьей.»

Содержащееся въ 168 ст. правило о разсмотрѣніи дѣла въ предѣлахъ апелляціоннаго отзыва надо понимать въ строгомъ смыслѣ этого выраженія, а потому нельзя ставить въ вину съѣзду, если онъ не принялъ во вниманіе какого-либо довода, который могъ послужить въ пользу подсудимаго, но о которомъ послѣдній не заявлялъ ни мировому судьѣ, ни въ апелляціонномъ отзывѣ. Кассац. рѣш. 1871 г. № 147: Правительствующій Сенатъ разсмотрѣвъ кассаціонную жалобу крестьянина Волкова на приговоръ мироваго съѣзда, присудившій его къ аресту за самоуправство (состоящее въ томъ, что Волковъ самовольно задержалъ нѣсколько возовъ дровъ), нашелъ: «что на основ. примѣчанія къ 690 ст. X т. ч. 1, охраненіе своего имущества силою несчитается самоуправствомъ только въ томъ случаѣ, когда охранявшій оное находится въ состояніи необходимой обороны (101 ст. улож. о нак.), чего Волковымъ ни у мироваго судьи, ни въ апелляціонномъ отзывѣ съѣзду заявлено не было, безъ каковаго заявленія съѣздъ не имѣлъ даже и права, за силою 168 и 104 ст. уст. угол. судопр., входить въ разсмотрѣніе вопроса: былъ ли обвиняемый въ состояніи необходимой обороны, и что затѣмъ къ признанному съѣздомъ, на основаніи собственнаго сознанія подсудимаго, дѣянію его, состоявшему въ самовольномъ задержаніи нѣсколькихъ возовъ дровъ, принадлежащихъ титулярному совѣтнику Волкову, подъ предлогомъ ихъ принад-

лежности ему, подсудимому Волкову, совершенно правильно примѣнена 142 ст. уст. о наказ.» Здѣсь представляется интересный вопросъ: обязанъ ли съѣздъ обсуживать доводы, о которыхъ участвующія въ дѣлѣ лица упоминаютъ въ своихъ отзывахъ въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ напр., что мировой судья не разсмотрѣлъ, не принялъ во вниманіе доводовъ приведенныхъ апелляторомъ при разборѣ у него дѣла. По нашему мнѣнію, какъ скоро сторона дѣлаетъ въ отзывѣ какія либо указанія, по которымъ съѣзду можно составить понятіе о содержаніи и сущности довода въ ея пользу, съѣздъ обязывается войти въ разсмотрѣніе этого довода. Въ противномъ случаѣ, правое дѣло можетъ быть проиграно въ судѣ потому только, что сторона не умѣла вести дѣла своей защиты или необладала достаточною діалектикою въ развитіи доказательствъ ея правоты. Съ другой стороны, таже 168 ст. предоставляетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ «полное право представлять во второй инстанціи новыя доказательства, не бывшія въ разсмотрѣніи суда первой степени, а съѣздъ обязанъ войти въ оцѣнку этихъ доказательствъ и принимать ихъ въ соображеніе при постановленіи приговора.» Кассац. рѣш. 1871 г. № 226. Изъ кассаціоннаго рѣшенія того же года № 266 видно, что съѣздъ долженъ разсматривать вновь приведенныя стороною въ отзывѣ доводы, хотя бы они находились въ противорѣчіи съ тѣмъ, что признано ею при разборѣ дѣла у мироваго судьи. Если сторона заявитъ не въ отзывѣ, а уже при слушаніи дѣла въ съѣздѣ просьбу о произведеніи дослѣдованія для разъясненія обстоятельствъ дѣла, т.-е. будетъ просить съѣздъ совершить какое либо особое дѣйствіе, требующее особыхъ распоряженій, напр. осмотръ, сличеніе почерковъ и т. п., то съѣздъ вправѣ отказать сторонѣ въ просьбѣ, какъ не вошедшей въ составъ поданнаго апелляціоннаго отзыва (кассац. рѣшен. 1871 года № 339); но ссылка стороны при разбирательствѣ на какое-либо имѣющееся въ виду у съѣзда обстоятельство, для оправданія по дѣлу, должна быть принята съѣздомъ во вниманіе несмотря на то, что въ отзывѣ не дѣлалось указанія на это обстоятельство; напр. ссылка обвиняемаго въ нанесеніи обиды другому на то, что обвинитель самъ нанесъ ему равную или большую обиду, ссылка подтверждающаяся показаніями спрашиваемыхъ въ съѣздѣ свидѣтелей. Кассац.

рѣш. 1871 года № 362: «Марія Кауме принесла на приговоръ съѣзда по дѣлу о нанесеніи ей Шварцомъ и Агацъ обиды словами и дѣйствіемъ, кассаціонную жалобу, въ которой объяснила: «что съѣздъ, вопреки 168 ст. угол. судопр., вошелъ въ разсмотрѣніе словесной обиды, нанесенной будто бы ею Шварцу, тогда какъ Шварцъ въ апелляціонномъ отзывѣ опровергалъ только примѣненіе 135 ст. уст. о наказ.» Правительствующій Сенатъ нашолъ, «что жалоба Кауме на нарушеніе 168 ст. уст. угол. судопр. не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ Шварцъ и Агацъ присужденные мировымъ судьею къ наказанію по 135 ст. уст. о нак., противу примѣненія только оной и могли въ своихъ апелляціонныхъ отзывахъ возражать; при ссылкѣ же ихъ въ судебномъ засѣданіи на нанесенную имъ словесную обиду, съѣздъ обязанъ былъ войти въ разсмотрѣніе этого обстоятельства, какъ могущаго по 138 ст. уст. о наказ. (о взаимности обидъ) служить основаніемъ къ освобожденію обвиняемыхъ отъ наказанія.»

Относительно подачи участвующими въ дѣлѣ сторонами отзывовъ на приговоръ мироваго судьи, можетъ возникать вопросъ, слѣдуетъ ли дозволять сторонамъ подачу дополнительныхъ къ отзывамъ жалобъ, или другими словами, имѣетъ ли каждая сторона право подавать болѣе одного отзыва по одному и тому же дѣлу? Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи своемъ 1870 года № 551, на означенный вопросъ далъ отвѣтъ положительный, указавъ только при этомъ на необходимость соблюденія сторонами правилъ, установленныхъ въ отношеніи срока и порядка подачи отзывовъ. Въ рѣшеніи по сему поводу сказано такъ: «Ни изъ 145, ни изъ 158 ст. уст. угол. судопр. не видно, чтобы на приговоръ мироваго судьи каждою стороною могъ быть поданъ только одинъ отзывъ; практикой уголовнаго кассаціоннаго департамента признано, что дополнительныя жалобы вообще могутъ быть подаваемы и должны быть разсматриваемы подъ условіемъ соблюденія правилъ, установленныхъ въ отношеніи срока и порядка подачи ихъ.» Съ своей стороны замѣтимъ что дополнительный отзывъ можетъ подаваться лишь съ двумя цѣлями: 1) къ прежде заявленнымъ требованіямъ присоединить еще новыя, или 2) измѣнить требованія, заявленныя въ первоначальномъ отзывѣ. Такъ напр., обвинитель просилъ сначала только объ увеличеніи наказанія обвиняемому, а потомъ

заявляетъ просьбу о присужденіи ему вознагражденія за убытки въ большемъ противъ назначеннаго мировымъ судьею размѣрѣ; или обвинитель требовалъ въ первомъ отзывѣ увеличенія наказанія подсудимому, во второмъ отзывѣ отказывается отъ этого требованія, ограничиваясь просьбою о взысканіи не присужденнаго ему мировымъ судьею вознагражденія за убытки. Въ послѣднемъ случаѣ съѣздъ, въ виду отказа обвинителя недолженъ увеличивать наказанія подсудимому, еслибы даже находилъ основаніе къ увеличенію мѣры наказанія. Въ приведенномъ кассаціонномъ рѣшеніи разсматривался особый случай подачи двухъ отзывовъ самимъ подсудимымъ и его повѣреннымъ; сенатъ призналъ что съѣздомъ оставленъ отзывъ повѣреннаго безъ разсмотрѣнія неправильно, въ виду того соображенія, что всѣ дѣйствія повѣреннаго, совершенныя въ предѣлахъ довѣренности, считаются дѣйствительными и немогутъ быть оспариваемы довѣрителемъ, если довѣренность симъ послѣднимъ не была уничтожена. При этомъ остается, впрочемъ, неразрѣшеннымъ вопросъ какъ поступать съѣзду, если отзывы повѣреннаго и довѣрителя его будутъ противорѣчить одинъ другому; напр. въ позднѣйшемъ отзывѣ повѣреннаго будетъ заключаться отказъ отъ требованій заявленныхъ въ прежде поданномъ довѣрителемъ его отзывѣ?—Слѣдуетъ ли признавать этотъ отказъ дѣйствительнымъ? По нашему мнѣнію, слѣдуетъ.

Въ апелляціонномъ отзывѣ должно быть означено: «приносится ли жалоба на весь приговоръ или на извѣстную его часть, чѣмъ опровергается приговоръ и чего именно проситъ лицо, подающее отзывъ.» Безъ соблюденія этого правила отзывъ обращается въ простое изъявленіе неудовольствія на приговоръ мироваго судьи и не долженъ быть принимаемъ съѣздомъ къ разсмотрѣнію, такъ какъ онъ лишаетъ сей послѣдній возможности постановлять, согласно 168 ст., приговоръ въ предѣлахъ отзыва. Рѣшен. 1867 г. № 277, Если бы даже апелляторъ, подавшій подобный отзывъ заявилъ что онъ лично объяснитъ съѣзду причины, по которымъ считаетъ обжалованный имъ приговоръ неправильнымъ, то и тогда съѣздъ обязанъ не приступать къ разсмотрѣнію дѣла по его отзыву, потому что словесныя объясненія въ такомъ случаѣ не могли бы замѣнить письменнаго отзыва, изложеннаго согласно требованію закона. Рѣшеніе 1868 г. № 818: «Правительствующій Сенатъ принялъ на

видъ, что мировой съѣздъ не имѣлъ никакого права освобождать отъ взысканія подсудимаго Саидова, такъ какъ онъ не подалъ апелляціоннаго отзыва въ установленномъ порядкѣ; ибо одно изъявленіе неудовольствія на приговоръ мироваго судьи безъ означенія основаній, по какимъ онъ считалъ этотъ приговоръ неправильнымъ, не можетъ почитаться отзывомъ (рѣш. 1867 г. іюля 3 дня № 277). По сему нельзя не признать, что въ настоящемъ приговорѣ мироваго съѣзда нарушенъ точный смыслъ 168 ст. уст. угол. судопр. и рѣшеній правительствующаго сената 1867 г. за №№ 315 и 410.» Если отзывъ написанъ такъ сбивчиво и невразумительно, что нельзя понять, въ чемъ онъ состоитъ, какія въ немъ заключаются требованія и на какомъ основаніи считается приговоръ мироваго судьи неправильнымъ, то съѣздъ вправѣ оставить такой отзывъ безъ послѣдствій. Рѣшеніе 1867 г. № 37. Хотя въ этомъ рѣшеніи говорится о кассаціонной жалобѣ невразумительно написанной, но сказанное слѣдуетъ примѣнить также и къ апелляціоннымъ отзывамъ; въ уставѣ нѣтъ нигдѣ указаній, чтобы письменные отзывы могли пополняться и исправляться словесными объясненіями.

Если мировой судья неправильно объявилъ постановленный имъ приговоръ, вмѣсто апелляціоннаго, въ кассаціонномъ порядкѣ (напр. оправдательный приговоръ, который долженъ быть всегда объявляемъ въ апелляціонномъ порядкѣ, согласно кассац. рѣш. 1868 г. № 275) и если недовольная имъ сторона принесетъ съѣзду жалобу на оный въ кассаціонномъ же порядкѣ, объясняя при этомъ, что мировой судья неправильно постановилъ по дѣлу окончательный приговоръ, то съѣздъ, въ случаѣ признанія правильнымъ сдѣланнаго стороною указанія, обязанъ какъ обжалованный приговоръ, такъ и жалобу на него разсмотрѣть по существу. Кассац. рѣш. 1869 г. № 670. «Мировой судья признавъ приговоръ постановленный имъ по сему дѣлу окончательнымъ, объявилъ его въ порядкѣ кассаціоннымъ; вслѣдствіе сего Ярославское Управленіе Государственныхъ Имуществъ, жалуясь на означенный приговоръ въ кассаціонномъ порядкѣ, объяснило между прочимъ, что мировой судья неправильно постановилъ по этому дѣлу окончательный приговоръ и что этотъ приговоръ долженъ считаться неокончательнымъ; рыбинскій же мировой съѣздъ, признавая и съ своей стороны,

что приговоръ постановленный по сему дѣлу мировымъ судьею долженъ почитаться неокончательнымъ, оставилъ его однако безъ разсмотрѣнія, а жалобу Управленія Государственныхъ Имуществъ—безъ послѣдствій. Признавая такое противорѣчащее самому себѣ рѣшеніе рыбинскаго мироваго съѣзда неимѣющимъ надлежащаго основанія, ибо сочтя приговоръ мироваго судьи неокончательнымъ, каковымъ находило его и Управленіе Государственныхъ Имуществъ, мировой съѣздъ въ виду того, что симъ Управленіемъ принесена на этотъ приговоръ жалоба кассаціонная собственно потому, что онъ объявленъ въ порядкѣ кассаціонномъ, не могъ уже оставлять означенный приговоръ и жалобу на него безъ разсмотрѣнія, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: отмѣнить приговоръ съѣзда.»

Пополнимъ нашъ разборъ 168 ст. двумя небольшими выписками изъ «Руководства для Мировыхъ Судей» г. Неклюдова: «Ежели мировой судья призналъ подсудимаго невиннымъ въ похищеніи вещи опредѣленной стоимости, то разумѣется, что мировой съѣздъ можетъ, признавъ обвиняемаго виновнымъ, подвергнуть его взысканію цѣны похищеннаго. Напротивъ того, ежели подсудимый оправданъ и вслѣдствіе этого вопросъ о количествѣ убытковъ, долженствовавшій подлежать особому разбору и оцѣнкѣ, не былъ имъ разсмотрѣнъ, то съѣздъ признавъ обвиняемаго виновнымъ не можетъ самъ разрѣшить и вопроса объ убыткахъ, а обязанъ предоставить на это право иска обиженному; ибо вопросъ объ убыткахъ есть искъ гражданскій, а на основаніи ст. 12 уст. гражд. судопр. «судебное дѣло не подлежитъ разсмотрѣнію по существу въ высшей степени суда, если оно не было рѣшено въ низшей.» (стр. 247). «Съѣздъ можетъ увеличить наказаніе подсудимому въ томъ случаѣ, когда обвинитель, оставшись доволенъ приговоромъ, осудившимъ обвиняемаго за одинъ проступокъ, принесъ съѣзду отзывъ по поводу неправильнаго оправданія его въ другомъ проступкѣ. Въ этомъ случаѣ подсудимому, признанному съѣздомъ виновнымъ и въ другомъ проступкѣ, наказаніе не только можетъ, но и должно быть увеличено въ силу ст. 16 уст. о наказаніяхъ, по которой «совокупность проступковъ составляетъ во всякомъ случаѣ обстоятельство, увеличивающее вину.» Увеличеніемъ наказанія въ данномъ примѣрѣ съѣздъ не выйдетъ ни мало изъ предѣловъ отзыва: напротивъ того, онъ вышелъ бы изъ его

предѣловъ, ежели-бы признавъ подсудимаго виновнымъ, оставилъ бы ему тоже самое наказаніе.» (стр. 249)

Въ заключеніе упомянемъ, что съѣздъ не вправѣ отказываться отъ разсмотрѣнія жалобы на неокончательный приговоръ мироваго судьи на томъ только основаніи, что она названа по ошибкѣ кассаціонною, а не апеляціонною. Рѣшеніе 1868 года № 729.

П. Хохряковъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Московскаго Окружнаго Суда.

Судебныя пошлины, представленныя отвѣтчикомъ, предъявившимъ встрѣчный искъ, не подлежатъ возврату и въ томъ случаѣ, когда искъ этотъ предъявленъ условно, на случай признанія судомъ отвода, сдѣланнаго отвѣтчикомъ, на основаніи 3 п. 571 ст. уст. гражд. судопр., неуважительнымъ и когда по просьбѣ истца же, встрѣчный его искъ второю судебною инстанціею оставленъ безъ разсмотрѣнія, а опредѣленіе суда первой степени о признаніи отвода неуважительнымъ—отмѣнено.

1871 года августа 19 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ по IV отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи открытомъ подъ предсѣдательствомъ члена Суда М. И. Коваленскаго, въ составѣ членовъ: Г. г. Н. Н. Загоскина и П. А. Дружинина, слушалъ дѣло по прошенію присяжнаго повѣреннаго Тольхъ, по довѣренности уполномоченнаго правленія Англійскаго Общества освѣщенія г. Москвы текучимъ газомъ, великобританскаго подданнаго Фридерика Лесли,—о возвращеніи ему представленныхъ имъ въ Окружный Судъ судебныхъ пошлинъ въ количествѣ 3711 р. сер. Обстоятельства дѣла слѣдующія: При производствѣ дѣла о взысканіи голландскимъ подданнымъ Жаномъ Маринусомъ Ванъ-деръ-Маде съ уполномоченнаго означеннаго общества Фридерика Лесли по контракту 161,902 р., за постройку газоваго завода въ Москвѣ,—повѣренный отвѣтчика Лесли, присяжный повѣренный Тольхъ, въ судебномъ засѣданіи по этому дѣлу 24 іюля 1869 года предъ

явилъ отводъ объ отношеніи иска во всей цѣлости къ торговому дому Смитъ, Найтъ и К°, добавивъ при этомъ, что въ случаѣ признанія Судомъ отвода его неосновательнымъ, онъ имѣетъ заявить отъ имени довѣрителя своего, встрѣчный искъ къ истцу Ванъ-деръ-Маде. Въ томъ-же засѣданіи Окружный Судъ постановилъ: заявленный отводъ разсмотрѣть вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ дѣла по существу,—допустить предъявленіе встрѣчнаго иска и предоставить повѣренному Лесли, Тольху, въ теченіи семидневнаго срока представить письменное изложеніе его иска. Согласно этого постановленія, 1-го іюля 1869 года Тольхъ подалъ въ Окружный Судъ встрѣчное исковое прошеніе о взысканіи съ Ванъ-деръ-Маде за непроизведенныя и неудовлетворительно произведенныя работы, съ неустойкой, всего 369,100 р. сер.,—представивъ въ тоже время въ кассу Суда 1855 руб. 50 коп. судебныхъ пошлинъ. Затѣмъ, разсмотрѣвъ означенныя взаимныя претензіи Ванъ-деръ-Маде и Лесли—Окружный Судъ рѣшеніемъ, состоявшимся 28 ноября 1870 года, постановилъ: на удовлетвореніе Ванъ-деръ-Маде взыскать съ общества освѣщенія г. Москвы текучимъ газомъ за строительныя работы, по договору 101,973 руб. 3 коп. сер., во встрѣчномъ же искѣ повѣренному Лесли, Тольху, отказать. На это рѣшеніе повѣренные тяжущихся истца Ванъ-деръ-Маде, присяжный повѣренный Вицынъ и титулярный совѣтникъ Новосельскій, и отвѣтчика Лесли, присяжный повѣренный Тольхъ, принесли Московской Судебной Палатѣ апелляціонныя жалобы. При этомъ г. Тольхъ, представляя 4-го февраля 1871 года, въ Окружный Судъ апелляціонную жалобу, взнесъ въ кассу Суда апелляціонныхъ пошлинъ 2,356 руб. сер. Потомъ, разсматривая это дѣло по означеннымъ жалобамъ Московская Судебная Палата остановилась на обсужденіи заявленнаго повѣреннымъ отвѣтчика Лесли Тольхомъ отвода объ отношеніи прямаго иска Ванъ-деръ-Маде къ другому отвѣтчику, именно къ торговому дому Смитъ, Найтъ и К°, и признала этотъ отводъ уважительнымъ, находя же вмѣстѣ съ тѣмъ, что встрѣчный искъ предъявленъ былъ повѣреннымъ отвѣтчика лишь условно, на случай признанія неуважительности заявленнаго Тольхомъ отвода, который въ Судебной Палатѣ подтвердилъ свой отказъ отъ онаго при положительномъ разрѣшеніи отвода, опредѣленіемъ 12 іюля текущаго года отмѣнила рѣшеніе Окружнаго Суда 28-го ноября, признала искъ Ванъ-деръ-Маде неотносящимся къ газовому обществу, а встрѣчный искъ повѣрен-

наго послѣдняго оставила безъ разсмотрѣнія. Послѣ сего 26-го іюля повѣренный Тольхъ подалъ въ Окружный Судъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что по производившемуся въ Окружномъ Судѣ означенному дѣлу о взысканіи Ванъ-деръ-Маде съ Англійскаго Общества освѣщенія Москвы текучимъ газомъ, за работы по контракту 21,587 фунт. стерлинговъ (269,826 р. 25 коп. сер.), а за отдѣленіемъ иска о деньгахъ за сверхъ-контрактныя работы, остальныхъ 188,174 руб. 43 коп., объявленъ былъ споръ противъ заявленныхъ истцомъ Ванъ-деръ-Маде къ газовому обществу правъ по контракту общества съ Смитъ, Найтъ и К°, дошедшему будто бы къ истцу по передачѣ и лишь на случай признанія тѣхъ правъ, онъ, Тольхъ, предъявилъ встрѣчный искъ по тому освоенному имъ Ванъ-деръ-Маде, контракту 1 іюля 1869 года, при чемъ приложилъ псковыхъ пошлинъ 1855 руб. 50 коп. а затѣмъ при обжалованіи въ апелляціонномъ порядкѣ рѣшенія Окружнаго Суда, 4-го февраля 1871 г. онъ внесъ въ числѣ 2,356 руб., съ суммы того встрѣчнаго иска еще разъ 1855 руб. 50 коп. А такъ какъ встрѣчный искъ предъявилъ онъ условно и Судебная Палата, не признавъ тѣхъ условій предъявленія встрѣчнаго иска, оставила оный безъ разсмотрѣнія, то онъ, почитая, что судебныя пошлины съ суммы встрѣчнаго иска, оставленнаго безъ разсмотрѣнія, должны быть его довѣрителю возвращены,—проситъ Окружный Судъ постановить опредѣленіе о возвратѣ Англійскому Обществу показанныхъ псковыхъ пошлинъ 3711 руб., которыя выдать ему Тольху. Въ судебномъ засѣданіи по этому дѣлу повѣренный Тольхъ подтвердилъ свое ходатайство, изложенное въ его прошеніи. Товарищъ прокурора въ своемъ заключеніи полагалъ: просьбу присяжнаго повѣреннаго Тольхъ, за силою ст. 848 уст. гр. суд. оставить безъ послѣдствій. Обращаясь къ разсмотрѣнію ходатайства повѣреннаго Тольха и соображая его съ законами, Окружный Судъ находитъ, что встрѣчные иски, на основаніи ст. 848 уст. гр. суд., подлежатъ платежу такой же судебной пошлины, какая установлена для псковыхъ прошеній, прошеній третьихъ лицъ, отзывовъ на заочныя рѣшенія и апелляціонныхъ жалобъ. Составляя налогъ въ пользу казны, эти пошлины по ст. 874 устава, обращаются въ государственный доходъ По силѣ ст. 852 того же устава, судебныя пошлины должны быть приложены къ самому встрѣчному прошенію, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ этой статьѣ закона; но и въ этихъ

послѣднихъ дѣлахъ, судебныя пошлины взыскиваются, опредѣляясь Судомъ, при постановленіи рѣшенія, въ установленномъ ст. 849 устава размѣрѣ. Что пошлины должны быть внесены въ Судъ при самой подачѣ встрѣчнаго прошенія, это явствуетъ изъ содержанія ст. 263 п. 4 уст. гр. суд., въ противномъ же случаѣ, такое прошеніе, на основаніи ст. 269 п. 5, оставляется безъ движенія—оно неподлежитъ вовсе производству и Судъ не вправѣ сдѣлать по оному никакого распоряженія до уплаты судебныхъ пошлинъ. И напротивъ, по ст. 270 устава, истцу назначается семидневный срокъ, съ поверстнымъ, для доставленія судебной пошлины и, затѣмъ, при неисполненіи тяжущимся требованія предсѣдателя объ уплатѣ судебной пошлины, прошеніе его, по точному смыслу той же статьи устава, возвращается просителю, и дѣло можетъ быть возобновлено не иначе, какъ подачею вновь псковаго прошенія. Примѣняя эти общія положенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Окружный Судъ усматриваетъ, что, за оставленіемъ безъ послѣдствій предъявленнаго повѣреннымъ Тольхомъ, по 571 ст. уст. гр. суд., отвода, повѣренный отвѣтчика Тольхъ воспользовался правомъ, предоставляемымъ ст. 340 устава, при чемъ онъ исполнилъ обязанность закономъ налагаемую на тяжущагося, предъявляющаго встрѣчный искъ (848 ст. уст.), внеся установленную этою статьею устава судебную пошлину. При несоблюденіи этого правила, встрѣчное исковое прошеніе Тольха не могло подлежать производству и разсмотрѣнію его Судомъ. Такимъ образомъ, Окружный Судъ, прежде разрѣшенія встрѣчныхъ исковыхъ требованій Тольха, имѣлъ по закону обязанность потребовать отъ него представленія судебныхъ пошлинъ, причемъ Окружный Судъ руководствовался ст. 848 и 852 уст. гр. суд., опредѣляющими порядокъ уплаты пошлинъ. За разсмотрѣніемъ же исковыхъ требованій Тольха, очевидно непредставляется никакихъ законныхъ основаній къ возврату ему тѣхъ пошлинъ. Объясненіе это, что встрѣчный искъ заявленъ былъ имъ условно, на случай непринятія отвода, несомнѣнно неимѣетъ существеннаго значенія для настоящаго дѣла, потому что постановленное Тольхомъ условіе нельзя признать за основаніе къ освобожденію его отъ платежа судебной пошлины. Очевидно также, что выраженное въ приведенныхъ статьяхъ устава (848 и 852) основное положеніе сохраняетъ свою силу и при послѣдовавшей отмѣнѣ опредѣленія Суда Судебною Палатой, такъ какъ противное сему

толкованію разъясненіе означенныхъ статей закона было бы несогласно съ буквальнымъ и точнымъ смысломъ ст. 123 и 124 осн. пол. гр. суд. и съ разсужденіями, на коихъ основаны ст. 263 п. 4, 269 п. 5, 270, 848 и 852 (Изд. Госуд. Канц.). Условіе вчиненія встрѣчнаго иска, на которое Тольхъ ссылается, не можетъ быть отнесено къ числу поименованныхъ въ ст. 853, 879 и 880 уст. граж. суд., изъясненій, по которымъ тяжущіеся освобождаются отъ платежа судебныхъ пошлинъ. Изложенныя соображенія въ равной мѣрѣ имѣютъ примѣненіе и въ отношеніи требованія Тольха о возвратѣ ему судебныхъ пошлинъ, представленныхъ въ Судъ при подачѣ апелляціонной жалобы на рѣшеніе Суда 28 ноября 1870 года, коимъ разрѣшенъ былъ встрѣчный искъ Тольха, такъ какъ, по точному смыслу ст. 756 п. 2, 848 и 852 уст. гр. суд. въ случаѣ несоблюденія имъ при подачѣ апелляціонной жалобы установленнаго этими статьями правила, жалоба его немогла быть признана дѣйствительною и получить надлежащій ходъ прежде исправленія имъ сдѣланнаго упущенія. Признавая по сему: 1) что взносомъ судебныхъ пошлинъ, при предъявленіи встрѣчнаго иска, повѣренный Тольхъ исполнилъ лишь общую обязанность, установленную для тяжущихся ст. 848 и 852 уст. гр. суд.; 2) что, за разрѣшеніемъ его встрѣчныхъ исковыхъ требованій судебнымъ опредѣленіемъ, внесенныя Тольхомъ пошлины не могутъ подлежать возврату; 3) что отмѣна Судебною Палатою рѣшенія Окружного Суда, за признаніемъ отвода Тольха правильнымъ, и оставленіе Палатой, согласно просьбѣ Тольха, встрѣчнаго иска его безъ разсмотрѣнія, не могутъ быть приняты за основаніе къ освобожденію его отъ платежа установленной закономъ пошлины, и находя ходатайство его неосновательнымъ и неимѣющимъ подтвержденія въ законѣ, по которому проситель Тольхъ имѣлъ бы право на возвращеніе ему внесенныхъ имъ въ кассу Суда пошлинъ, или, что тоже, на освобожденіе его отъ уплаты судебныхъ пошлинъ при подачѣ встрѣчнаго иска и апелляціонной жалобы, Окружный Судъ, согласно съ заключеніемъ товарища прокурора, постановляетъ: повѣренному Тольху въ просьбѣ о возвращеніи судебныхъ пошлинъ 3,711 рублей отказать.

Московской судебной палаты.

I.

Договоръ о перевозкѣ кладей между отправителемъ и Управленіемъ желѣзной дороги (Московско-Рязанской) считается заключеннымъ—съ момента врученія отправителемъ накладной за его подписью, а управленіемъ дороги квитанціи въ пріемѣ клади, за подписью начальника станціи, или кассира.

1822 года февраля 4-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата по 2-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента Е. Е. Люминарскаго, въ составѣ членовъ: А. И. Вейденгамера и М. Н. Лопатина, разсматривала дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго купца Михаила Ивановича Котова, великобританскаго подданнаго Друри, на рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда объ отказѣ довѣрителю его въ искѣ съ Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги 809 руб. 15 коп. Обстоятельства дѣла: повѣренный купца Котова, великобританскій поданный Ѳома Друри, въ исковомъ прошеніи, поданномъ въ Московскій Окружный Судъ 21-го мая 1871 года, объяснилъ, что довѣритель его Котовъ 10-го іюля 1870 года доставилъ на станцію Московско-Рязанской желѣзной дороги для отправки на станцію Вороново три мѣста сукна и трико на сумму, по счету Баркова и Кузнецова, 809 руб. 15 коп., что товаръ этотъ, какъ видно изъ напечатаннаго полицейскаго дознанія, былъ увезенъ неизвѣстными лицами со станціи желѣзной дороги и до сего времени неотысканъ, что похищеніе это было слѣдствіемъ упущенія служащихъ Общества, выдавшихъ товаръ двумъ неизвѣст-

нымъ лицамъ на основаніи росписки, писанной карандашемъ, безъ всякой подписи. Вслѣдствіе чего Друри просилъ постановить рѣшеніе о взысканіи съ Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги въ пользу Котова 809 руб. 15 коп., съ судебными издержками и за веденіе дѣла. При прошеніи представлено: 1) вырѣзка изъ № Полицейскаго листка, гдѣ напечатано полицейское дознаніе о похищеніи товара Котова, согласно съ изложеннымъ въ исковомъ прошеніи и 2) счетъ отъ торговаго дома Баркова и Кузнецова на имя Михаила Котова за отпущенный ему товаръ 10-го іюля 1870 года, пропавшій на станціи Рязанской желѣзной дороги, по которому 809 руб. 45 коп. получены Кузнецовымъ сполна. На судебномъ засѣданіи Окружнаго Суда, 10-го іюня 1871 года, повѣренный правленія Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги Гурбатовъ, указавъ вкратцѣ на тотъ порядокъ, который соблюдается при сдачѣ товаровъ для отправки по желѣзнымъ дорогамъ, объяснилъ, что за непредставленіемъ истцомъ *ни ордера на принятіе товара, ни квитанціи въ принятіи онаго,* настоящій искъ вовсе бездоказателенъ, такъ какъ наблюденіе за цѣлостью товара до его сдачи лежитъ по уставу Общества Московско-Рязанской дороги на обязанности самаго отправителя, что Общество отвѣчаетъ за цѣлость товара и до его сдачи въ томъ лишь случаѣ, если таковой отправителемъ застрахованъ и что наконецъ самая цифра иска ни чѣмъ не доказана, такъ какъ на основаніи тарифа Общество желѣзной дороги обязано заплатить отправителю за каждый пудъ утраченной, незастрахованной клади по 5 руб., а между тѣмъ истцомъ непредставлено никакихъ доказательствъ того, сколько именно пудовъ вѣсила утраченная по винѣ самого Котова кладь. Представивъ за тѣмъ Суду тарифъ и уставъ Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги и конвенцію, заключенную между желѣзными дорогами, Гурбатовъ, на основаніи вышеизложеннаго, просилъ въ искѣ Котову отказать. На это Друри возразилъ, что изъ напечатаннаго въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ заявленія начальника товарной станціи Московско-Рязанской желѣзной дороги ясно видно, что товаръ былъ Котовымъ доставленъ на станцію желѣзной дороги и что таковой былъ увезенъ *вслѣдствіе разрѣшенія лицъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ,* что наблюдать за цѣлостью товара довѣритель его вовсе не имѣлъ надобности, въ виду того, что привезенная на товарную станцію желѣзной дороги кладь,

на основаніи устава дороги, не можетъ быть вывезена безъ особаго на то разрѣшенія лицъ, служащихъ на дорогѣ, и сославшись на 1-й, 11-й и 12-й §§ приложеній № 4-й къ тарифу Московско-Рязанской желѣзной дороги и 58-й § того же тарифа, Друри просилъ объ удовлетвореніи псковыхъ его требованій. Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла Московскій Окружный Судъ нашелъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго устава Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги (§ 13) предъ открытіемъ дороги для общаго употребленія долженъ быть утвержденъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями тарифъ. На основаніи этого тарифа, имѣющаго обязательную силу какъ для правленія Общества, такъ и для товаро-отправителей, товары записываются въ перевозкѣ на главныхъ станціяхъ у начальниковъ сихъ станцій (42 п.); по записке товара въ очередную книгу, выдается товаро-отправителю ордеръ на пріемку отъ него товара. Товары, въ перевозкѣ записанные, доставляются на станціи (44 п.). По повѣркѣ и пріемкѣ товара отправитель получаетъ квитанціи (49 п.). Договоръ о перевозкѣ кладей между отправителемъ и управленіемъ дороги заключается обмѣномъ слѣдующихъ документовъ: со стороны отправителя—накладной за его подписью (46 п.), а со стороны дороги—квитанціи (49 п.), за подписью начальника станціи или кассира; съ этого времени, въ виду договорныхъ отношеній товаро-отправителя и правленія дороги, сіе послѣднее обязано сдать перевезенные товары, а въ случаѣ потери оныхъ отвѣчаетъ за незастрахованные товары по 5 руб. за пудъ. Правила, тарифомъ установленныя, предвидятъ тотъ случай, когда товаро-отправитель, получивъ по 42-му п. квитанцію, пожелаетъ взять товаръ свой обратно, въ такомъ случаѣ ст. 55-ю получателемъ признается всякое лицо, предъявляющее означенную квитанцію. Но что должно дѣлать управленіе дороги, когда лицо, неполучившее квитанціи, установленной 42 ст., беретъ свой товаръ обратно; этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, что такъ какъ только съ запискою товара, по 42 ст., у начальника станціи возникаютъ юридическія отношенія между товаро-отправителемъ и управленіемъ дороги, то до записки товара управленію дороги, *какъ лицу юридическому*, до этого товара нѣтъ никакого дѣла и за потерю сего товара или кражу онаго оно отвѣчать не должно. Ясно, что это не освобождаетъ каждое отдѣльное лицо, служащее въ управленіи дороги, виновное въ

противозаконныхъ дѣйствіяхъ, причинившихъ убытки товаро-отправителю, отвѣчать передъ нимъ за эти убытки, но тогда искъ долженъ быть предъявленъ къ этому лицу, но никакъ не къ правленію или обществу желѣзной дороги. Прилагая эти соображенія къ обстоятельствамъ дѣла и имѣя въ виду: 1-е) что товаро-отправитель Котовъ оставилъ свой товаръ на станціи Московско-Рязанской желѣзной дороги и не получилъ въ томъ росписку начальника станціи, требуемую ст. 42 тарифа, 2) что искъ свой за пропавшій товаръ Котовъ обращаетъ на общество желѣзной дороги, а не на отдѣльное какое-либо лицо, виновное въ причиненіи ему вреда и убытковъ, и руководствуясь 366, 867 и 868 ст. уст. гражд. суд., Московскій Окружный Судъ опредѣлилъ: въ искѣ Котову отказать, взыскавъ съ него въ пользу отвѣтчика за веденіе дѣла 50 руб. 60 коп. На сіе рѣшеніе Друри принесъ Московской Судебной Палатѣ апелляціонную жалобу въ которой объясняетъ, что рѣшеніе постановлено Окружнымъ Судомъ вопреки 1, 11, 12 и 32-го § прилож. № 4 къ тарифу Московско-Рязанской желѣзной дороги и 58 § того же тарифа, а равно 569, 570 и 1536 ст. X. т. 1 ч. и рѣшенія Сената (журн. Министерства Юстиціи 1866 года № 4); почему и проситъ Судебную Палату рѣшеніе Окружнаго Суда отмѣнить и опредѣлить ко взысканію съ Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги въ пользу Котова 809 руб. 15 коп., съ возложеніемъ на то общество судебныхъ издержекъ и за веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ. Въ отзывѣ на апелляціонную жалобу повѣренный правленія Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги, Гурбатовъ, объясняетъ: 1) что приведенныя въ жалобѣ Друри §§ 1, 11, 12 и 32-й приложенія 4-го къ тарифу Московско-Рязанской желѣзной дороги, какъ видно изъ самаго заглавія 4-го приложенія, относятся къ отвѣтственности дороги за багажъ и товары къ перевозкѣ принятые; 2) что по ст. 51 и 52 тарифа договоръ между товаро-отправителемъ и управленіемъ дороги считается совершившимся съ того момента, въ который отправитель уплатилъ деньги за перевозку, а управленіе дороги выдало ему квитанцію, какъ въ пріемѣ товара, такъ и въ полученіи провозной платы; 3) что изъ представленнаго повѣреннымъ Котова въ Окружный Судъ полицейскаго дознанія (Моск. Полиц. Вѣдом. № 160, 1870 г.) видно, что товаръ Котова, привезенный на платформу товарной станціи 10 іюля 1870 года, сданъ управленію дороги не былъ, а оставался на платформѣ въ ожиданіи

сдатчика и 4) что приведенная Друри ст. 58 тарифа къ дѣлу не относится, такъ какъ эта статья говоритъ о порядкѣ выдачи перевезенныхъ товаровъ получателю, который потерялъ бы квитанцію Управленія дороги въ пріемѣ товара; товаръ же Котова не только не былъ перевезенъ, но и не былъ принятъ къ перевозкѣ, онъ оставался въ ожиданіи сдатчика, т. е. лица, которое сдало бы управленію дороги этотъ товаръ къ перевозкѣ; что приведенныя отвѣтчикомъ ст. 569, 570 и 1536 т. X. ч. 1 къ дѣлу Котова съ обществомъ дороги примѣнены быть не могутъ, потому что договора на перевозку товара Котовымъ съ управленіемъ дороги не было заключено, а потому не даютъ ему права требовать вознагражденія за пропавшій его товаръ, оставшійся на открытой платформѣ, по винѣ Котова, безъ всякаго присмотра. На судебномъ засѣданіи Палаты повѣренный истца Друри, въ дополненіе къ изложенному въ апелляціонной жалобѣ, объяснилъ, что моментомъ, съ котораго управленіе желѣзной дороги принимаетъ на себя отвѣтственность за сохранность привезеннаго для отправки по желѣзной дорогѣ товара, должна быть признана выдача конторою дороги отправителю клади ордера для пропуска товара на станцію, такъ какъ безъ этаго ордера товаръ на станцію не принимается и по принятіи его также не можетъ быть взятъ обратно со станціи безъ другаго ордера, что купцу Котову былъ выданъ означенный ордеръ о пропускѣ товара на станцію, что не отрицаетъ и противная сторона, а слѣдовательно товаръ его былъ принятъ конторою дороги къ отправкѣ, что товаръ этотъ, какъ видно изъ дѣла, не былъ свѣшанъ въ день привоза на станцію за позднимъ временемъ, а на другой день онъ оказался выданнымъ неизвѣстнымъ лицамъ, что при выдачѣ этаго товара контора желѣзной дороги не соблюла правилъ, установленныхъ на этотъ предметъ въ § 58 тарифа Московско-Рязанской желѣзной дороги, что указаніе противной стороны на то, будто бы правленіе дороги отвѣчаетъ только за принятый на сохраненіе и застрахованный товаръ, опровергается § 1, 4-го приложенія къ тарифу Московско-Рязанской желѣзной дороги, что цѣнность пропавшаго товара опредѣлена истцомъ на основаніи фактуры согласно § 12, 4-го приложенія къ тарифу, такъ какъ вѣсъ товара остался неопредѣленнымъ не по винѣ Котова и что наконецъ искъ этотъ предъявленъ по истеченіи срока, указаннаго въ § 11 того же приложенія къ тарифу и слѣдовательно преждевременнымъ приз-

нанъ быть не можетъ. На это повѣренный управленія желѣзной дороги, Гурбатовъ, объяснилъ, что по 50 § тарифа договоръ о перевозкѣ кладей между отправителемъ и управленіемъ дороги заключается выдачею управленіемъ дороги отправителю квитанціи и въ полученіи отъ него накладной, что обмѣна этого въ настоящемъ дѣлѣ не было, а потому управленіе дороги, какъ не вступившее еще съ Котовымъ въ договоръ о перевозкѣ его товара, не можетъ быть признано отвѣтственнымъ за утрату онаго. На вопросъ предсѣдателя былъ ли выданъ ордеръ объ обратномъ взятіи со станціи желѣзной дороги товара Котова, повѣренный отвѣтчика объяснилъ, что контора дороги выдаетъ только записки о пропускѣ товара на станцію, для обратнаго же взятія со станціи непринятаго товара никакихъ записокъ не требуется. Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, Судебная Палата находитъ: повѣренный купца Котова, Друри, основываетъ искъ 809 руб. 15 коп. съ правленія Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги за увезенный неизвѣстными лицами со станціи той дороги товаръ, на 1, 11, 12 и 32-мъ § приложенія 4-го къ тарифу Московско-Рязанской желѣзной дороги и 58 § того же тарифа, доказывая, что управленіе желѣзной дороги принимаетъ на себя отвѣтственность за сохранность привезеннаго на станцію товара, со времени выдачи конторою дороги отправителю клади ордера для пропуска товара. Соображая правила, установленныя въ тарифѣ Московско-Рязанской желѣзной дороги, обязательныя для правленія Общества той дороги и для товаро-отправителей, съ доводами, которые приводитъ повѣренный истца въ подтвержденіе правильности предъявленнаго Котовымъ иска, Судебная Палата находитъ, что §§ 1, 11, 12 и 32-й прилож. 4-го къ тарифу Московско-Рязанской желѣзной дороги, на которые ссылается Друри, къ настоящему случаю примѣненія имѣть не могутъ, такъ какъ 4 приложеніе къ тарифу опредѣляетъ правила къ отвѣтственности управленія дороги за багажъ и товары къ перевозкѣ принятые; товаръ же привезенный Котовымъ на станцію желѣзной дороги, не былъ принятъ управленіемъ дороги, ибо товаръ этотъ не былъ сданъ къ перевозкѣ при накладной за подписью отправителя, какъ установлено въ 46-мъ § тарифа, и кромѣ того не было повѣрки и пріемки товара и вноса, по 49 § того же тарифа, слѣдующаго обществу платежа, равно полученія отправителемъ квитанціи въ пріемѣ товара, а за симъ согласно 50 § и самый договоръ о

перевозкѣ клади, заключающійся въ обмѣнѣ со стороны отправителя накладной за его подписью, а со стороны дороги квитанціи за подписью начальника станціи или кассира, слѣдуетъ признать между Котовымъ и Управленіемъ дороги не состоявшимся. На этомъ основаніи объясненіе Друри о томъ, что управленіе желѣзной дороги принимаетъ на себя отвѣтственность за сохранность товара со времени выдачи отправителю клади ордера для пропуска товара на станцію, какъ несогласное съ правилами тарифа, установленными для пріема товара къ перевозкѣ представляется неуважительнымъ. Что же касается приведеннаго апелляторомъ 58 § тарифа, то въ немъ содержатся правила, установленныя при утратѣ получателемъ квитанціи каковой утраты изъ настоящаго дѣла не усматривается. Признавая по вышеизложеннымъ доводамъ домогательство Котова о привлеченіи къ платежу Правленія Общества Московско-Рязанской желѣзной дороги за пропавшую со станціи кладь, непринятую къ перевозкѣ, не подлежащимъ удовлетворенію и рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда объ отказѣ Котову въ искѣ съ Правленія 809 руб. 15 коп., правильнымъ, Судебная Палата постановляетъ: утвердить рѣшеніе Окружнаго Суда, отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ возложить на Котова и копію съ сего рѣшенія препроводить при указѣ въ Московскій Окружный Судъ, вчѣстѣ съ производствомъ того Суда.

II.

1468 Ст. улож. о наказ. не распространяется на случай, когда причиненіе кому либо смерти, было послѣдствіемъ собственной неосторожности лица, сдѣлавшагося жертвою несчастнаго событія.

1872 года декабря 15 дня, Московская Судебная Палата, по уголовному департаменту, въ публичномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента П. Г. Извольскаго, слушала доложенное членомъ Палаты В. С. Панафидинымъ дѣло, по апелляціонному отзыву повѣреннаго купца Николая Шибаева, присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго на приговоръ Московскаго Окружнаго Суда, по обвиненію Шибаева въ неосторожности при складѣ лѣса, послѣдствіемъ которой была смерть мальчика Гаврилова. Изъ дѣла видно: Серпуховской купецъ Николай Игнатовъ Шибаевъ преданъ суду Московскаго Окружнаго Суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ совершеніи преступленія предусмотрѣннаго 1468 ст. ул. о нак. Окружный Судъ по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, нашелъ: что при складѣ около г. Серпухова купцомъ Шибаевымъ лѣса, для присмотра за нимъ сторожа во время дня не имѣлось и что группы круглаго лѣса, весьма толстаго, ничѣмъ не ограживались и не были подперты, даже непмѣли и кольевъ, которые бы могли удерживать ихъ отъ раската, тогда какъ такія предохранительныя мѣры были необходимы, потому что лѣсъ складывался на покатой горѣ, вслѣдствіе чего бревна эти помимо прикосновенія къ нимъ людей, могли скатываться съ быстротою внизъ даже и сами по себѣ, отъ сотрясенія проѣзжающихъ или вслучаѣ сильнаго вѣтра, отъ чего и можно было съ вѣроятностію ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, что доказы-

вается и тѣмъ, что даже малосильный 10 лѣтній мальчикъ Гавриловъ могъ легко сдвигать рычагомъ тяжеловѣсныя бревна, имѣвшія въ отрубѣ по 10 вершковъ чему именно и могла способствовать покатость горы, на которой лежали бревна, ничѣмъ неукрѣпленныя. По этому для охраненія личной безопасности и предстояла необходимость въ предохранительныхъ мѣрахъ, подобно тому какъ это обыкновенно дѣлается всегда при производствѣ построекъ въ городахъ; но на это, какъ видно, со стороны купца Шибаева не было обращено никакого вниманія; наконецъ даже самый случай шалости мальчика, погибшаго при содѣйствіи вредной его забавы, неможетъ служить оправданіемъ для купца Шибаева, ибо если бы бревна были огорожены барьеромъ, или укрѣплены кольями по сторонамъ и въ особенности къ нижнему склону горы, то небыло-бы и мѣста для шалости въ скатываніи бревенъ; а потому судъ и приходитъ къ совершенному убѣжденію, что въ дѣйствіяхъ купца Шибаева при складѣ лѣса подъ Серпуховымъ на покатой поверхности, была допущена явная неосторожность, отъ которой могли быть вредныя послѣдствія и которой былъ жертвою мальчикъ Гавриловъ, лишившійся жизни единственно отъ скатившагося по немъ бревна, небывшаго укрѣпленнымъ, въ каковой неосторожности онъ купецъ Шибаевъ и долженъ быть признанъ виновнымъ. По силѣ же статьи 1468 улож. если отъ дѣянія закономъ не воспрещеннаго, но однакоже явно неосторожнаго, причинится кому либо смерть, то виновный въ непринятіи мѣръ предосторожности подвергается за сіе, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или заключенію въ тюрьмѣ навремя отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, или аресту на время отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ, или же строгому выговору въ присутствіи суда, съ преданіемъ во всякомъ случаѣ церковному покаянію. Но принимая во вниманіе, что умершій мальчикъ Гавриловъ былъ отчасти самъ причиною смерти по шалости своей, сдвигая бревна рычагомъ, Судъ, на основаніи 149 и 135 ст. улож. признаетъ справедливымъ примѣнить къ винѣ купца Шибаева второй родъ наказанія въ ст. 1468 улож. опредѣленнаго, именно арестъ по второй степени 39 ст. улож., на срокъ въ нисшей мѣрѣ (ст. 148 улож.), съ преданіемъ его сверхъ того церковному покаянію. Переходя за симъ къ обсужденію заявленнаго повѣреннымъ гражданскаго истца иска о вознагражденіи отца убитаго мальчика за воспитаніе сына до 200 р., Судъ усматривая, что воспитаніе дѣтей по праву естественному

и по закону (ст. 172 ч. I т. X. Св. Зак. гражд.) лежитъ исключительно на попеченіи самихъ родителей, и что къ ихъ же обязанности относится и надзоръ за дѣтьми въ нравственномъ отношеніи и за безвредностію ихъ забавы, по этому отецъ Гаврилова долженъ былъ отклонять сына своего отъ такихъ шалостей, которыя могли быть для него пагубны, между тѣмъ, какъ по настоящему дѣлу обнаружено, что сынъ его шалилъ около склада лѣса Шибаева, чѣмъ и доказывается, что за нимъ должнаго присмотра не имѣлось. Наконецъ по смыслу ст. 657, 658 и 659 ч. I т. X. Св. Зак. гражд. обязательное вознагражденіе для родителей могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда бы умершій сынъ, собственными трудами содержалъ своихъ родителей, или когда родители употребляли свои средства на его лѣченіе; но по настоящему дѣлу убитый мальчикъ былъ еще малолѣтенъ и на его леленіе никакихъ расходовъ не требовалось, такъ какъ онъ убитъ былъ на мѣстѣ, а по всему этому, Судъ приходитъ къ полному убѣжденію, что, при настоящемъ положеніи дѣла, ходатайство повѣреннаго гражданскаго истца о вознагражденіи отца убитаго, не можетъ подлежать удовлетворенію. По симъ основаніямъ Московскій Окружный Судъ 27 октября 1872 г. опредѣлилъ: 1) Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Николая Игнатьева Шибаева, признавъ виновнымъ въ непринятіи предосторожности при складываніи лѣса, послѣдствіемъ чего былъ задавленъ скатившимся бревномъ 10 лѣтній мальчикъ, сынъ писаря Викулъ Николаевъ Гавриловъ, — на основ. ст. 1468 и 56 улож. подвергнуть аресту *на семь дней*, съ содержаніемъ въ тюрьмѣ и сверхъ того предать его церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства, и 2) Ходатайство повѣреннаго гражданскаго истца о взысканіи съ обвиняемаго Шибаева вознагражденія въ пользу отца убитаго мальчика 200 р., за силою ст. 657, 658 и 659 ч. 1. т. X. свода зак. гражд. оставить безъ уваженія. Въ апелляціонномъ отзывѣ, данномъ на означенный приговоръ суда, повѣренный купца Шибаева, присяжный повѣренный Фальковскій объяснилъ, что въ составѣ проступка, предусмотрѣннаго 1468 ст. улож. о нак. разумѣется дѣяніе закономъ не воспрещенное и притомъ такое, во время совершенія котораго, субъектъ хотя и не могъ навѣрно ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ при надлежащей осмотрительности, предвидѣть возможность ихъ.—Юридически неосторожность начинается тамъ, гдѣ

субъектъ дѣянія могъ предвидѣть вредныя отъ него послѣдствія. Но очевидно, что требованія законодателя, въ этомъ случаѣ не могутъ идти далѣе понятія той предусмотрительности, которая вытекаетъ изъ обыденнаго житейскаго опыта. Предѣлы *между виною неосторожною и невинностію, въ которой зло происходящее изъ дѣянія является дѣломъ непредвидимаго случая*, трудно разграничиваются и въ наукѣ и въ положительномъ законодательствѣ. Отсюда понятно, что въ этого рода дѣлахъ многое зависитъ отъ милостиваго усмотрѣнія суда, которому и по 1468 ст. улож. открытъ просторъ и въ опредѣленіи наказанія болѣе или менѣе строгаго, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Но окружный судъ въ приговорѣ своемъ о Шибаевѣ, недостаточно уважилъ отсутствіе обвиняемаго въ г. Серпуховѣ, во время случившагося несчастія съ мальчикомъ Гавриловымъ; не оцѣнилъ какъ слѣдовало бы показанія полицейскаго служителя о томъ, что у Шибаева былъ присмотръ за лѣсомъ и что дѣйствія мальчика Гаврилова, главнымъ образомъ, были причиною того, что бревно скатилось. Соображенія суда о покатости мѣстности, о возможности ската бревенъ отъ сотрясенія земли или сильнаго вѣтра, не вытекаютъ ни изъ данныхъ предварительнаго, ни изъ судебнаго слѣдствій. По законамъ же механики дѣйствіе рычага громадно, при употребленіи даже небольшой силы; почему мальчикъ Гавриловъ дѣйствіемъ рычага могъ легко сдвинуть бревно значительной величины, даже и въ томъ случаѣ, если оно и твердо лежало на землѣ. Итакъ несчастное событіе было дѣломъ непредвиднмаго случая.—Мѣсто, гдѣ сложенъ былъ лѣсъ, принадлежавшій Шибаеву, отъ дороги отстоитъ не менѣе 40 саж.; слѣдовательно и невозможно было предвидѣть несчастій, тѣмъ болѣе, что при складываніи лѣса, пока нижнее бревно не утверждено и самая дальнѣйшая складка немыслима. Наконецъ Шибаевъ лично укладкою бревенъ не занимался; законъ же (ст. 1468 улож.) говоря *о дѣяніи* не можетъ подразумѣвать *нерадѣнія или упущенія* со стороны хозяина, который могъ бы подлежать только гражданской отвѣтственности за дѣйствія своихъ слугъ при исполненіи его порученій сообразно съ его приказаніями (ст. 687 т. X. ч. 1. свод. зак. гражд.). Уголовную же отвѣтственность несетъ всякій только самъ за себя (ст. 15 уст. граж. суд.). На основаніи вышеизложеннаго проситъ Судебную Палату, отмѣнивъ означенный приговоръ Окружнаго Суда признать Шибаева невиновнымъ въ явной неосто-

рожности и по суду оправданнымъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Судебная Палата находитъ, что купецъ Шибаевъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ томъ преступленіи, за которое онъ преданъ суду по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Хотя изъ акта произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ осмотра и обнаружено, что мѣстность на которой лежали бревна, принадлежавшія купцу Шибаеву, имѣла покатость, но при этомъ нельзя придти къ положительному заключенію, чтобы бревна эти хотя ничѣмъ неукрѣпленныя, могли скатываться отъ сотрясенія при ѣздѣ, или отъ сильнаго вѣтра, и что затѣмъ слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы бревна, сложенныя Шибаевымъ скатывались сами собою; 2) что смерть Гаврилову послѣдовала *по собственной его винѣ*, такъ какъ изъ показанія мальчика Якова видно, что Гавриловъ взялъ колъ, вбѣжалъ на бревна и тронулъ ихъ коломъ, отчего они покатились и его, Гаврилова, задавили. Поэтому признавать купца Шибаева виновнымъ въ непринятіи мѣръ предосторожности въ отношеніи укладки бревенъ не представляется достаточныхъ основаній. Вслѣдствіе сего Судебная Палата руководствуясь 766 ст. уст. угол. суд. опредѣляетъ: признавъ купца Шибаева невиновнымъ въ возведенномъ на него обвиненіи, на основаніи 1 пун. 771 ст. уст. угол. суд. считать его по суду оправданнымъ и приговоръ Московскаго окружнаго суда отмѣнить.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ

РАЗРѢШЕННЫЕ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.

(Продолженіе).

LXXIX.

Какимъ закономъ предусмотрѣно дѣяніе подсудимаго, который уговорилъ малограмотное лицо подписать одинъ документъ вмѣсто другаго?

Губернскій секретарь Ф., воспользовавшись малограмотностью крестьянина П., у котораго занимался веденіемъ дѣлъ, предложилъ ему подъ видомъ довѣренности подписать бумагу, оказавшуюся затѣмъ росписью въ занятыхъ имъ у него деньгахъ. Прокурорскій надзоръ по аналогіи примѣнилъ къ данному случаю 1693 ст. улож. о нак., находящуюся въ отдѣлѣ о подлогахъ. За немногими исключеніями можно признать, что подлогъ заключается въ составленіи актовъ или употребленіи ихъ однимъ лицомъ за другое. Изъ этого общаго правила, замѣчаемаго почти во всѣхъ статьяхъ уложенія, сдѣлано исключеніе въ 1693 ст. т.-е. когда слѣпому даютъ для подписи иную бумагу вмѣсто слѣдовавшей согласно съ его желаніемъ. Поэтому законъ этотъ, какъ исключительный, по рѣшенію сената 1871 года № 1759, не долженъ быть распространенъ на случаи, прямо въ немъ не предусмотрѣнные. Распространительное толкованіе здѣсь не можетъ имѣть мѣста. Дѣяніе подсудимаго направлено къ обманчивому измѣненію формы и содержанія подписанной крестьяниномъ П. бумаги для введенія сего послѣдняго въ заблужденіе относительно настоящаго достоинства оной. Цѣль та, чтобы

выдать подписанную бумагу за полученную имъ отъ П. по взаимному съ нимъ условію, а для достиженія этой цѣли употребляются обманъ и ложныя увѣренія. Такое искаженіе истины составляетъ существенный признакъ мошенничества. Здѣсь обманъ служитъ орудіемъ чтобы выманить чужія деньги чрезъ предварительное возбужденіе въ обманутомъ лицѣ недоумѣнія въ совершаемыхъ передъ нимъ дѣйствіяхъ. При обращеніи на изложенное вниманія оказывается, что дѣяніе подсудимаго слѣдуетъ признать не подлогомъ, а мошенничествомъ съ особыми приготовленіями, къ каковымъ должно быть отнесено выманиваніе подписи у П., лживое его увѣреніе и наконецъ представленіе того документа въ судъ ко взысканію (изъ доклада 4-го октября 1872 года).

LXXV.

Какимъ закономъ предусмотрѣно дѣяніе женщины, которая ложно выдаетъ чужаго ребенка за рожденнаго ею въ законномъ бракѣ?

Графиня М. обвинялась въ томъ, что рожденнаго горничною ея ребенка она взяла себѣ и устроивъ обстановку, похожую на только-что происшедшія роды, выдала его за рожденнаго ею отъ мужа, который поэтому, не подозрѣвая обмана, просилъ священника окрестить и записать ребенка въ метрическую книгу въ числѣ законорожденныхъ. Дѣяніе это не можетъ быть отнесено къ предусмотрѣнному въ 1407 ст. улож. о наказ., преслѣдующей подмѣнъ младенцевъ, потому-что: 1) въ данномъ случаѣ одинъ младенецъ подмѣненъ другимъ не былъ; и 2) подмѣнъ былъ произведенъ здѣсь для сообщенія подмѣненному младенцу правъ состоянія, коихъ онъ по своему рожденію не имѣлъ, тогда какъ приведенная статья преслѣдуетъ подмѣнъ, соединенный съ лишеніемъ правъ состоянія, какъ это можно заключить изъ нахожденія той статьи въ I главѣ IX раздѣла уложенія. Скорѣе, дѣяніе подсудимой есть подлогъ въ документахъ. Признаніе виновнымъ въ подлогѣ не должно ограничиваться тѣми только лицами, кои собственными руками составляли актъ подложный. Если кто, не составляя самъ подлога, употребилъ для составленія онаго другое лицо, вовсе незнавшее и неподозрѣвавшее совершаемаго преступленія, то это дѣйствіе и по

цѣли своей и послѣдствіямъ должно признаваться подлогомъ и въ немъ виновенъ тотъ, по внушенію и распоряженію котораго оно учинено (Сборн. Высочайше утв. мнѣній госуд. совѣта стр. 161 дѣло Нарбута). Отсюда ясно, что подсудимая хотя не составляла сама непосредственно подлога, но по ея удостовѣренію и вслѣдствіе умышленно принятыхъ ею мѣръ, чужой младенецъ былъ записанъ въ приходскую метрическую книгу за происшедшаго отъ законнаго брака съ ея мужемъ. Подлогъ этотъ нельзя подводить подъ дѣйствіе 1414 улож. о нак., какъ полагаетъ прокурорскій надзоръ, ибо она преслѣдуетъ вообще составленіе всякихъ документовъ для доставленія кому-либо способа присвоить непринадлежащія права состоянія или званія, но долженъ быть отнесенъ къ спеціальному законоположенію, коимъ преслѣдуется составленіе подложныхъ актовъ о рожденіи (ст. 1441 улож. о нак.), къ каковымъ актамъ безъ сомнѣнія относится и приходская метрическая книга, служащая однимъ изъ доказательствъ законности рожденія и происходящихъ отсюда гражданскихъ послѣдствій для дѣтей родившихся въ бракѣ (119 ст. и друг. X т. зак. гражд.). По симъ соображеніямъ подсудимая графиня М. была предана суду по 1441 ст. ул. о нак. съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (изъ доклада 5-го сентября 1872 года).

LXXVI.

Возможно-ли примѣненіе 27 ст. уст. угол. суд. по дѣлу о спорѣ законности рожденія въ тѣхъ случаяхъ, когда отрицается самое рожденіе отъ извѣстной матери?

Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе жалобы подсудимой графини М. о томъ, что она неправильно привлечена къ уголовной отвѣтственности по предъидущему дѣлу (№ LXXV). Неправильность эту она усматриваетъ въ начатіи дѣла по заявленію наслѣдника ея мужа спустя болѣе двухъ лѣтъ послѣ смерти сего послѣдняго, который (мужъ) при жизни своей не предъявлялъ никакого спора о законности рожденнаго ею въ бракѣ ребенка. По уставу гражданскаго судопроизводства законность младенца родившагося въ законномъ бракѣ оспаривать можетъ только мужъ его матери (ст. 119 и 125 ст. X т. I ч. зак. гражд.), при чемъ право это ограничивается, смотря по обстоятельствамъ, годо-

вымъ, или двухъ годовымъ срокомъ съ того времени, какъ онъ узналъ о рожденіи ребенка (1348—1351 ст. уст. гражд. суд.). Право отца переходитъ къ его наслѣдникамъ въ такомъ случаѣ, когда онъ умеръ прежде истеченія означеннаго срока и если не объявлялъ при жизни своей, что признаетъ ребенка законнымъ. Но и наслѣдники сохраняютъ такое право иска лишь въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, считая со дня смерти мужа матери младенца, или же со дня рожденія сего младенца (1352—1353 ст. уст. гражд. суд.). Съ перваго взгляда кажется, что при существованіи сроковъ для начатія иска о законности рожденія, опредѣленіе преступности приписываемаго подсудимой дѣянія зависитъ отъ опредѣленія въ установленномъ порядкѣ законности оспариваемаго рожденія (27 ст. уст. уг. суд.). Но по соображеніи означенныхъ правилъ (соч. Побѣд. ч. 2 стр. 113) нельзя не придти къ другому заключенію: всѣ они разумѣютъ споръ о законности рожденія при несомнѣнномъ существованіи самаго рожденія, но если отрицается фактъ рожденія отъ извѣстной матери, то на этотъ случай не можетъ простираться дѣйствіе сроковъ и условій спора, постановленныхъ въ указанныхъ выше случаяхъ,—ибо иначе сроки эти поставлены были бы въ зависимость отъ событія никогда не существовавшаго. Поэтому примѣненіе 27 ст. уст. уг. суд., къ данному дѣлу признано палатою неумѣстнымъ, ибо суду гражданскому пришлось бы постановлять опредѣленіе о правильности возникновенія иска о законности рожденія при отсутствіи сего послѣдняго (изъ доклада 5-го сентября 1872 года).

LXXVII.

Препятствіемъ къ преданію суду можетъ-ли быть признано заявленіе частнаго обвинителя о томъ, что онъ не желаетъ подвергать подсудимаго слѣдующему по закону наказанію, а проситъ лишь оштрафовать его деньгами?

Частный обвинитель, принеся жалобу на причиненіе ему тяжкихъ побоевъ крестьяниномъ А. и доказавъ оную свидѣтельскими показаніями,—просилъ между прочимъ, что подсудимаго А. онъ желаетъ подвергнуть не опредѣленной въ 1533 ст. ул. о нак. отвѣтственности, а только штрафу по 134 ст. уст. о нак. По закону частнымъ обвинителямъ предоставляется исклю-

чительное право лишь на изобличеніе подсудимыхъ предъ судомъ (5 ст. уст. уг. суд.). Значитъ, задача ихъ состоитъ въ представленіи доказательствъ виновности лица, на которое направлено обвиненіе. Опредѣленіе же разсматриваемаго дѣянія и обусловливаемая этимъ опредѣленіемъ мѣра наказанія, зависитъ отъ суда. Въ семъ отношеніи онъ постановляетъ свой приговоръ руководствуясь закономъ, а не указаніемъ частнаго обвинителя, который не можетъ поэтому просить назначить то наказаніе, которое ему желательно, а не то, которому подсудимый подлежитъ по закону. Здѣсь наказаніе вполнѣ зависитъ отъ суда и не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ требованія обвинителя (рѣш. угол. кассац. деп. 1869 г. № 315 и 1870 г. № 796). Этотъ взглядъ на права частнаго обвинителя въ судѣ, разсматривающемъ дѣло по существу, одинаково долженъ быть проводимъ и въ обвинительной камерѣ при разсмотрѣніи достаточности поводовъ къ преданію суду, подсудимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, ибо въ томъ и другомъ случаѣ частный обвинитель имѣетъ одно лишь право изобличенія. Поэтому обвинительная камера не можетъ останавливаться въ преданіи суду заявленіемъ обвинителя о не желаніи подвергать подсудимаго законной отвѣтственности, когда съ другой стороны подсудимый этотъ представляется по дѣлу изобличеннымъ въ преступленіи (изъ того же доклада).

LXXVIII.

Могутъ-ли быть обжалованы опредѣленія Окружнаго Суда свидѣтелями, въ пользу которыхъ взыскиваются судебныя издержки?

Окружный судъ представилъ жалобу свидѣтеля на неправильный разсчетъ слѣдующихъ ему судебныхъ издержекъ и просилъ приговоръ по сему предмету Окружнаго Суда отмѣнить. Но судебная палата на основаніи 995 ст. уст. угол. суд. признала, что подобныя жалобы могутъ быть приносимы только лицами съ коихъ требуется возмѣщеніе судебныхъ издержекъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что опредѣленіе суда о судебныхъ издержкахъ объявляется подсудимымъ; а не лицамъ, коимъ присуждаются оныя, ибо симъ послѣднимъ и не предоставлено права обжалованія подобныхъ опредѣленій (изъ доклада 18 сентября).

LXXIX.

Невѣрное донесеніе начальству, сдѣланное подсудимымъ во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ, есть-ли ложный доносъ, предусмотрѣнный 940 ст. ул. о нак. и какому суду подлежитъ онъ за это дѣяніе?

Командовавшій ротою подпоручикъ С., въ двухъ рапортахъ къ своему начальству изложилъ неподтвердившіяся дознаніемъ обстоятельства о томъ, что сослуживцы его пользуются казенными вещами. Военно-прокурорскій надзоръ призналъ въ дѣяніи С. признаки ложнаго доноса, несоединеннаго съ нарушеніемъ военной дисциплины, а потому передалъ дѣло въ гражданское вѣдомство, такъ какъ въ настоящее время подсудимый С. находится въ отставкѣ. Возникающій отсюда вопросъ (изъ доклада 4-го октября) какому суду подлежитъ уволенный въ отставку поручикъ С. за преступленіе, учиненное имъ во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ, разрѣшается 220 ст. уст. уг. суд. и соотвѣтствующею этой статьѣ 249 ст. военно-судебнаго устава (кн. XXIV Св. воен. постан. изд. 1869 года), на основаніи коихъ воинскіе чины находящіеся въ отставкѣ, предаются суду гражданскому только за такія преступленія, учиненныя ими во время состоянія на службѣ, которыя не соединены съ нарушеніемъ дисциплины и обязаностей военной службы. Слѣдовательно, вопросъ о подсудности поручика С. зависитъ отъ опредѣленія того, было-ли дѣяніе его соединено съ нарушеніемъ обязанностей военной службы. Въ этомъ отношеніи изъ дѣла видно, что С. обвинялся въ невѣрномъ донесеніи начальству, что служившіе съ нимъ въ одномъ полку подполковникъ Е. и маіоръ С. пользовались будто казенными вещами. Такое донесеніе, будетъ-ли оно заключать въ себѣ невѣрное изложеніе обстоятельствъ или же завѣдомо ложную на начальство жалобу, во всякомъ случаѣ показываетъ нарушеніе С: порядка, установленнаго въ отправленіи должности, которую тогда занималъ онъ по званію командующаго ротою. Дозволивъ себѣ подобное дѣяніе, безусловно соединенное съ нарушеніемъ обязанностей военной дисциплины, С. eo ipso совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное VIII главою воинскаго устава о наказ. (175—178), а не доносъ, какъ полагаетъ военно-

прокурорскій надзоръ. Обвиненіе въ доносѣ навлекалъ бы на себя С. лишь въ томъ случаѣ, если бы обвиняемыя имъ лица непринадлежали къ числу его начальства, а состояли-бы съ нимъ внѣ всякой служебной зависимости. Изъ дѣла же напротивъ усматривается, что послѣдніе были командующими баталіонами, а С. командующимъ ротою. Признавая вслѣдствіе сего дѣло это подсуднымъ суду военному (220 ст. уст. уг. суд.), и останавливая затѣмъ вниманіе на утвержденномъ военнымъ начальствомъ заключеніи военно-прокурорскаго надзора о направленіи дѣла сего въ гражданское вѣдомство (612 и 616 ст. военно-судеб. уст.), оказывается, что возникающее отсюда прекаціе, на основаніи 237 ст. уст. уг. суд, должно быть разрѣшено общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената.

LXXX.

Нанесеніе полѣсовщику легкихъ побоевъ порубщиками—выводитъ-ли дѣло изъ подсудности мироваго судьи?

Крестьянинъ А., задержанный на порубкѣ казеннаго лѣса полѣсовщикомъ П., нанесъ послѣднему легкіе побои. Въ обвинительномъ актѣ къ дѣянію крестьянина А. примѣненъ былъ 2 отд. 823 ст. улож. о нак., по которому преслѣдуется нанесеніе лѣсной стражѣ побоевъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. По уложенію побои раздѣляются на тяжкіе, подвергающіе жизнь опасности, на тяжкіе, непмѣющіе этого свойства, и на легкіе. Первые означены въ ст. 1489 и 1490, а вторые въ 1533. Тѣ и другіе подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ, по роду слѣдующаго за нихъ наказанія (201 ст. уст. уг. суд.). Что же касается до послѣдней категоріи побоевъ, то они относятся къ обидѣ дѣйствіемъ (рѣш. уг. кас. деп. 1871 г. № 274) и составляя предметъ 133 и 142 ст. уст. о наказ., подсудны мировымъ установленіямъ. Хотя въ 823 ст. ул. о нак. говорится вообще о нанесеніи лѣсной стражѣ побоевъ, но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы сюда относились побои всѣхъ трехъ родовъ; изъ сдѣланной въ ней ссылки на 1489 ст. видно, что законъ разсматриваетъ здѣсь только побои, подвергающіе жизнь опасности, относительно-же побоевъ легкихъ, — относящихся къ оскорбленію лѣсной стражи дѣйствіемъ, и предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказ., не упоминается. Изъ сего явствуетъ, что

нанесеніе порубщикомъ простыхъ побоевъ полѣсовщику можетъ быть подведено подъ дѣйствіе не 823 ст. ул. о нак., а 31 ст. уст. о нак. и относится къ вѣдомству мировыхъ учрежденій. (Изъ доклада 9-го октября 1872 года). Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что существуетъ мнѣніе, что если легкіе побои причислять къ оскорбленію дѣйствіемъ, то виновные въ семъ порубщики, должны отвѣтствовать все-таки въ общихъ судахъ по 285 ст., на которую въ 823 ст. сдѣлана ссылка. Но съ этимъ очевидно согласиться нельзя потому, что 285 ст. преслѣдуетъ виновныхъ за оскорбленіе чиновниковъ, къ каковымъ можно отнести только лѣсныхъ чиновъ, а не полѣсовщиковъ, составляющихъ лѣсную стражу.

LXXXI.

Возвращеніе растраченнаго уничтожаетъ-ли самое преступленіе растраты и можетъ-ли служить законнымъ основаніемъ къ прекращенію дѣла?

Кассиръ желѣзной дороги, мѣщанинъ В., обвиняемый въ растратѣ полученныхъ за провозъ товара денегъ, освобождался прокурорскимъ надзоромъ отъ уголовнаго преслѣдованія, по неимѣнію въ дѣяніи его признаковъ преступленія, такъ какъ во время предварительнаго слѣдствія онъ внесъ сполна всѣ растраченныя деньги. Но судебная палата нашла, что возвращеніе при слѣдствіи В-мъ растраченныхъ денегъ, не погашаетъ взведеннаго на него обвиненія въ растратѣ, а можетъ считаться лишь обстоятельствомъ, которое отстраняетъ только гражданскій искъ о вознагражденіи (рѣш. кас. деп. 1371 г. № 1356). Что наказуемость растраты не находится въ зависимости отъ возвращенія растраченнаго, достаточно видно изъ того, что растрата преслѣдуется не въ порядкѣ частнаго, а прокурорскаго обвиненія, наравнѣ, въ процессуальномъ отношеніи, съ кражею и мошенничествомъ, возвращеніе же похищеннаго имущества въ этихъ преступленіяхъ не уничтожаетъ преступленія, а только вліяетъ на уменьшеніе подсудимому мѣры наказанія (1663 и 1674 ст. ул. о нак.). Посему постановленный вопросъ разрѣшенъ былъ въ смыслѣ отрицательномъ. (Изъ доклада 29-го сентября 1872 года).

Краткій отчетъ о диссертаціяхъ защищенныхъ въ Юридическомъ Факультетѣ Московскаго Университета съ января по апрѣль 1872 года.

1) «*О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и пресѣченія ему способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда*» В. Миклашевскаго, профессора Варшавскаго Университета, т. I Варшава 1872. Сочиненіе написано для полученія степени доктора уголовнаго права.

Очевидно въ этомъ сочиненіи идетъ дѣло о лицѣ обвиняемомъ въ преступленіи и о судѣ, или объ отношеніи обвиняемаго къ суду,—объ отношеніи, по которому обвиняемый имѣетъ право требовать суда и обязанность явиться въ судъ, который въ свою очередь имѣетъ право требовать обвиняемаго къ своему производству и обязанность дать судъ обвиняемому. Отношенія вообще говоря, весьма простыя, весьма ясныя и точныя, опредѣляемыя закономъ и законами, такъ что и у обвиняемаго и у суда оказываются отношенія юридическія, или права и обязанности, но, разумѣется, съ перевѣсомъ правъ на сторонѣ суда, имѣющаго власть, тогда какъ у подсудимаго больше обязанностей и подчиненія. Подсудимый находится подъ властію суда, потому что онъ подсудимый, хотя подъ властію, опредѣляемою закономъ, подъ законною властію. Но во всякомъ случаѣ, здѣсь немыслимо искать, или даже предполагать равновѣсія между положеніемъ подсудимаго и положеніемъ суда; напротивъ тутъ дѣйствуетъ хоть частію противоположеніе, существующее между преступленіемъ и правосудіемъ. Нелѣпо было бы говорить, или разсуждать о средствахъ обвиняемаго принудить судъ къ отправленію правосудія, или о мѣрахъ пресѣ-

ченія суду уклоняться отъ исполненія его обязанностей и т. п. Не забудемъ сверхъ того, что, если рѣчь идетъ о представленіи обвиняемаго въ судъ и о мѣрахъ пресѣчь для него всякое уклоненіе отъ суда, то здѣсь изъ массы обвиняемыхъ, естественно, выдѣляются всѣ желающіе, всѣ ищущіе суда, вопросъ ограничивается только такими обвиняемыми, которыхъ должно представлять въ судъ помимо ихъ воли, а иногда и противъ ихъ воли, а потому еще разъ здѣсь немыслимо уравнивать положеніе такого обвиняемаго съ положеніемъ суда, или искать равновѣсія въ этихъ положеніяхъ столь различныхъ объектовъ. Таково общее впечатлѣніе, производимое на читателя заглавіемъ разбираемаго труда г. Микляшевскаго.

Переходимъ къ его «предисловію», въ которомъ встрѣчаемъ разныя положенія. На V стран. авторъ говоритъ: «задача современной науки—согласить и по возможности уравновѣсить два начала общественнаго быта, т.-е. начало индивидуальной свободы съ началомъ общественнаго порядка.» «Эта задача находитъ пока еще слабое осуществленіе въ уголовномъ производствѣ.» «Особенно мало обезпеченій, (т.-е. для свободы) въ ученіи о явкѣ въ судъ.» Не говоритъ при этомъ авторъ о томъ, какая наука имѣетъ задачею согласить или уравновѣсить свободу съ порядкомъ; не опредѣляетъ онъ ни своего понятія о свободѣ, ни своего воззрѣнія на порядокъ; молчитъ о томъ, не можетъ ли свобода сама или ужиться съ порядкомъ, или даже устроить его, равно какъ о томъ, дѣйствительно ли общественный порядокъ противорѣчитъ и необходимо стѣсняетъ свободу; не останавливается авторъ даже на томъ, идетъ ли въ уголовномъ производствѣ рѣчь о свободѣ вообще и о всѣхъ свободныхъ, или только о подсудимыхъ да обвиняемыхъ, и при томъ стремящихся нарушить законъ и власть суда, уклоняясь отъ его дѣйствія. По мысли автора въ вопросѣ о представленіи обвиняемаго въ судъ, дѣло идетъ о свободѣ и порядкѣ, а не о преступленіи и правосудіи. Такъ предисловіе далеко отъ задачи, высказанной въ заглавіи.

Предлежащее сочиненіе г. Микляшевскаго составляетъ только часть предпринятаго профессоромъ труда, и именно I-й томъ, излагающій ту группу средствъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, которая относится къ обвиняемому находящемуся въ извѣстномъ суду мѣстѣ, и которая основана на мѣрахъ, не ограничивающихъ личной свободы.

Объ этихъ послѣднихъ будетъ говориться во второмъ томѣ, тогда какъ третій посвящается изложенію средствъ пресѣченія относительно подсудимаго, котораго мѣстожительство неизвѣстно. Какія же мѣры относятся къ первой группѣ, подлежащей разсмотрѣнію перваго тома, и притомъ не ограничивающей личной свободы? Судя по темѣ, заданной авторомъ первыми строками предисловія, и состоящей повидимому, въ щекотливѣйшемъ отстояніи свободы обвиняемыхъ, трудно предъугадать рѣшеніе, и невозможно согласиться съ воззрѣніемъ, будто бы относимыя сюда авторомъ мѣры можно назвать не ограничивающими личной свободы. Неужели напр. подписка о явкѣ въ судъ въ извѣстное время и въ данномъ мѣстѣ не стѣсняетъ свободы лица, или подписка о неотлучкѣ изъ мѣста жительства не принуждаетъ обвиняемаго къ покою вмѣсто движенія? А отобраніе вида на жительство, или отдача подъ надзоръ полиціи, поручителя и т. д.? Мы думаемъ, что и въ этихъ случаяхъ свобода обвиняемаго стѣсняется и весьма стѣсняется; но что же дѣлать имѣя въ виду начало справедливости и правосудія?

Далѣе въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что для рѣшенія подлежащихъ его обсужденію вопросовъ, онъ употребляетъ: 1) методъ сравнительный; 2) теоретическій, или философскій; 3) догматическій, и 4) какъ то видно изъ введенія, историческій. Стало - быть, сочиненіе вооружено хорошо противъ всѣхъ трудностей. Но каково состояніе этого оружія? Авторъ пользуется напр. методомъ сравнительнымъ, для повѣрки по его словамъ, различныхъ положеній по ихъ результатамъ, по фактамъ. Но эти различныя положенія составляютъ положенія законовъ и права; а можно ли оцѣнивать право и права, или начала справедливости по результатамъ и фактамъ? Съ другой стороны, авторъ думаетъ путемъ теоретическимъ достигнуть обезпеченія правъ обвиняемаго *на сколько то дозволитъ начало порядка*, и потому излагаетъ ученіе догматически, такъ что толкуетъ всякій законъ въ теоретическомъ направленіи, *но безъ натяжекъ*. Кажется, что въ этихъ обоихъ случаяхъ авторъ ставитъ дѣятельное начало порядка выше теоретическаго требованія, а законъ положительный, въ его буквальномъ смыслѣ, выше личнаго своего толкованія, такъ что въ дѣлѣ ничего не измѣняется при такомъ примѣненіи такой теоріи и такой догматики. Историческій методъ свой авторъ характеризуетъ тезисомъ, по которому средства пресѣченія обвиняемому уклоняться

отъ суда совпадаютъ въ исторіи съ развитіемъ понятій о государственной власти, о преступленіи, и о системѣ производства слѣдственнаго или обвинительнаго. И затѣмъ открывается «Введеніе.»

Стр. IX,X, введ. «Уголовное судопроизводство *можетъ* основываться *или* на личной свободѣ, *или* на порядкѣ, *или* на возможномъ уравновѣшеніи свободы и порядка». Можетъ, или должно? Кажется наука, состоя изъ началъ и принциповъ, можетъ говорить только о томъ, что должно быть и что требуется справедливостью и правомъ. И вѣрно ли указаны основанія для судопроизводства въ этомъ перечисленіи? Для этого продолжимъ изложеніе сочиненія, держась буквально книги и обращаясь съ авторомъ къ явленіямъ исторіи. «Въ исторіи каждаго народа, въ первоначальный періодъ его развитія, преобладаетъ начало индивидуальной свободы. Отдѣльная личность еще не потеряла своей самостоятельности; на ней лежали всѣ заботы о поддержаніи и возстановленіи своихъ правъ. Ея права въ это время до того обширны, что она сама рѣшала вопросъ: совершено ли противъ нея преступленіе, и сама возстановляетъ нарушенный порядокъ, въ формѣ кровавой мести,» и т. д. «Отдѣльная личность рѣдко въ состояніи исполнить дѣло возстановленія права совершенно безпристрастно,—откуда происходитъ самоуправство, которое сверхъ того не обезпечиваетъ общественаго порядка» и т. д. Посему «является *власть*, которая ограничиваетъ излишнюю индивидуальную свободу и обезпечиваетъ возстановленіе нарушенныхъ правъ, равно какъ поддерживаетъ общественный порядокъ.» По нашему, если *власть* дѣйствительно имѣетъ назначеніе и дѣйствіе, приписываемыя ей авторомъ въ послѣднихъ строкахъ выписки, то слѣдуетъ признать все то неосновательнымъ, что сказано выше о свободѣ индивидуальной, будто она и внѣ общества имѣла какія то права, ихъ поддерживала и возстановляла. Такого историческаго положенія, или періода развитія народа о которомъ тутъ распространяется авторъ, никто не наблюдалъ, не могъ наблюдать, и не могъ внести въ исторію народа, начинающуюся съ общества, а стало быть съ порядка, съ общественнаго порядка, съ власти. Пора бы уже юристамъ отстать отъ тривіальнаго воззрѣнія разныхъ писателей прошедшаго вѣка на естественное состояніе, откровенно объявивъ это состояніе безправнымъ и даже невозможнымъ и держаться одного взгляда установлен-

наго наукою права, по которому и свобода и порядокъ одинаково созидаются и обезпечиваются государствомъ и властію, въ формѣ и при посредствѣ права. То, что нѣкоторымъ угодно называть свободою внѣ общества, до появленія общества, внѣ закона и помимо права—никогда не было свободой, а произволомъ съ одной, и господствомъ силы съ другой стороны. И такова была въ дѣйствительности Аркадія поэтовъ, и таково было дѣйствительное положеніе аркадскихъ пастушковъ. Разсказъ нашего автора про первый періодъ судопроизводства есть изображеніе не суда, а самосуда, или какъ самъ онъ выражается самоуправства. Судъ и судопроизводство начинаются только съ власти,—этого момента порядка, права и государства.

Съ властію, по тезису автора, измѣняется между прочимъ понятіе о преступленіи, которое съ своей стороны должно имѣть вліяніе на средства пресѣченія обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда (стр. VII). «Усиливающаяся государственная власть ощущаетъ, что она представитель особаго субъекта, котораго права могутъ быть нарушены и отсюда преступленія бунта, измѣны». Но неужели понятія преступленія, или преступности дѣйствія и злой воли измѣняется отъ ихъ количества, или отъ привхожденія новыхъ дѣйствій къ старымъ? Неужели въ то время, когда бунтъ и измѣна вошли въ законы страны понятія о кражѣ, разбоѣ, поджогѣ измѣнились? Субъекты и объекты преступленія могутъ умножаться, разнообразиться до безконечности, не измѣняя нисколько понятія о преступленіи. Совершенно другое имѣетъ въ виду авторъ, говоря на XIII стр., что государственная власть по тому или другому измѣняетъ свой взглядъ на преступленіе, т. е. не понятіе преступленія здѣсь измѣняется, а взглядъ на него. Это и возможно и дѣйствительно бывало и бываетъ. Согласны, что «съ полнымъ развитіемъ государственной власти, общественный интересъ въ преслѣдованіи преступленій вытѣсняетъ изъ этой области права частныхъ лицъ.» «Преслѣдованіе преступленій считается достояніемъ государственной власти, права же потерпѣвшаго гражданина остаются на второмъ планѣ.» Но допустивши все это, мы не можемъ допустить съ авторомъ, будто здѣсь все основано на неопредѣленномъ началѣ «общественнаго порядка.» Дѣло тутъ идетъ вовсе не о порядкѣ, а о правѣ, которое рѣшается не властію, не властію вообще, а законами и судебною властію.

Итакъ однимъ словомъ, въ ученіи о судопроизводствѣ понятія

столь сбивчивыя, столь общія, какъ свобода и порядокъ, не должны играть никакой роли, и все должно основать на началахъ права и вывести изъ началъ права. Недаромъ самъ авторъ, на XVII стр. сдѣлалъ такой выводъ изъ своего изложенія: «равновѣсіе началъ, т.-е. свободы и порядка, недостижимо,—согласованіе же видно въ томъ, что на основаніи общественнаго порядка, теорія запрещаетъ употребленіе такихъ средствъ пресѣченія уклоняться отъ суда, которыя уничтожаютъ права личности.» Только мы бы иначе выразили мысль этого вывода: немыслимо искать равновѣсія между обвиняемымъ и судомъ; у суда находится власть, которой долженъ подчиняться всякій и каждый. Теорія же, запрещая употребленіе противъ обвиняемаго средствъ, уничтожающихъ права личности, дѣйствовала не на основаніи начала порядка, а несомнѣнно на основаніи самаго простаго здраваго смысла. И кто когда провозглашалъ, узаконялъ, или присуждалъ мѣры, уничтожавшія права личности? Если только этого малаго добивается теорія, то она сама малаго стоитъ.

Изъ нашего изложенія одно становится очевиднымъ, что авторъ сочиненія, весьма разумно, основательно и учено составленнаго и написаннаго, допустилъ важную ошибку, опустивъ изъ виду, что онъ имѣетъ дѣло съ обвиняемымъ и съ судомъ, а не вообще съ свободой и порядкомъ. Судъ не только осуждаетъ, но и оправдываетъ невинныхъ и вообще охраняетъ и обезпечиваетъ наши права. И самъ авторъ повсюду въ своемъ сочиненіи суду предоставляетъ рѣшеніе по всѣмъ затруднительнымъ вопросамъ своего изслѣдованія. Такъ говоря о гарантіяхъ для обвиняемаго, на стр. 9 сочиненія онъ упоминаетъ о судѣ, говоря объ оцѣнкѣ мотивовъ на стр. 26, по которымъ призывъ къ суду достаточенъ или недостаточенъ, онъ предоставляетъ оцѣнку суду,—говоря объ установленіи понятія объ основательности подозрѣнія, стр. 78—80, и о подобныхъ обстоятельствахъ онъ опять ссылается на судъ, не довѣряя ни теоріи, ни возможности порѣшить дѣло законами, и т. д. Судъ есть явленіе судебной, самостоятельной, верховной власти и особенно въ наше время неумѣстно толковать только о порядкѣ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ право и судъ.

Слѣдующія диссертаціи написаны для полученія степени магистра.

2) Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей, И. Ворошилова, проф. Яросл. Юрид. Лицея, Ярославль, 1872.

Г. Ворошиловъ начинаетъ свое сочиненіе также противоположеніемъ между свободой и властію въ государствѣ, основываясь, конечно, на избитомъ предположеніи, что люди до государственнаго быта существовали въ естественномъ, гдѣ были вполнѣ и неограниченно свободны, потерявъ часть своей свободы именно вслѣдствіе своего вступленія въ государство, которое стѣсняетъ ихъ естественную свободу и закономъ и властію. Совершенно вѣрное изображеніе воззрѣній XVIII вѣка и одного изъ главныхъ представителей вѣка Монтескье, съ его «духомъ законовъ», въ которомъ античная формула правительствъ — divide et impera обращается на правительства съ требованіемъ, во имя свободы, раздѣленія власти, какъ бы divide et libera. Нашъ авторъ въ первыхъ же строкахъ своего сочиненія заявляетъ, что «теорія раздѣленія властей почитается многими, въ настоящее время, уже оставленной въ наукѣ», разумѣется, по причинѣ господства въ ней ученія о недробимости, или нераздѣльности верховной власти; но въ тоже время онъ признаетъ за теоріею раздѣленія важныя заслуги, оказанныя «разработкѣ ученія о государственной власти,» равно какъ «вопросу о свободѣ гражданъ.» Принимая эти положенія автора, читатель ожидаетъ найти въ сочиненіи указанія на заслуги теоріи раздѣленія, не больше и не меньше. Между тѣмъ авторъ молчитъ о заслугахъ теоріи, а силится доказать ея разумность, или пригодность даже для нашего времени, исправивъ ея положенія, по своему усмотрѣнію, на основаніи изученія разныхъ мнѣній о предметѣ, и собственныхъ усилій, или какъ онъ выражается, «открывъ отношеніе совершившагося къ совершающемуся и отсюда указавъ, хотя смутно, на ближайшую цѣль предстоящей дѣятельности.»

«Извѣстность Монтескье основывается, по автору, (стр. 39) на введеніи физическаго элемента страны въ изслѣдованія объ ея политической жизни.» Положеніе совершенно вѣрное, особенно если припомнимъ опредѣленіе законовъ, данное авторомъ духа законовъ,— опредѣленіе, по которому «законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей,» а не изъ человѣческой разумности, воли и свободы, признаваемыхъ нами за источникъ человѣческихъ законовъ, въ противоположность съ законами физической природы. Извѣстность Монтескье основывается далѣе на XI кн. его «духа законовъ», продолжаетъ авторъ и главнымъ образомъ на его разборѣ англійской конституціи и

на выводѣ оттуда теоріи раздѣленія властей.» Но «извѣстность» еще не авторитетъ въ наукѣ, и въ ученомъ трудѣ своемъ авторъ могъ бы отнестись къ положеніямъ Монтескье болѣе строго, болѣе критически, для назиданія современниковъ. Говоритъ же авторъ, стр. 57, что Монтескье своею теоріею подалъ поводъ къ воззрѣнію на государство, какъ на механизмъ,—что стремленіе къ механизму вытекало изъ сущности его теоріи раздѣленія властей, и что эта теорія сама была выведена изъ ложно, или даже произвольно понятой англійской конституціи. Другими словами Монтескье положилъ въ основу ложное начало и сдѣлалъ оттуда ложный выводъ.

Исходнымъ пунктомъ для теоріи Монтескье, продолжаетъ авторъ, служила свобода, которую онъ пытается опредѣлить то «правомъ дѣлать то, чего должны желать», то «правомъ дѣлать дозволенное закономъ», то «спокойствіемъ духа, при убѣжденіи въ безопасности,» опредѣленія, какъ видятъ читатели и какъ говоритъ авторъ, неточныя, сбивчивыя, между тѣмъ ведущія Монтескье къ требованію раздѣленія властей, для охраны и для обезпеченія такой сбивчивой, неопредѣленной идеи. Нѣтъ свободы, по Монтескье, если въ одномъ и томъ же лицѣ власть законодательная соединится съ исполнительною, или съ судебною, равно какъ нѣтъ свободы если исполнительная соединится съ судебной, потому что тутъ власть законодательная можетъ, издавъ тираническіе законы, исполнить ихъ тираннически, и распорядиться жизнію и свободою гражданъ тираническими приговорами. Итакъ необходимо раздѣлить власти. Вотъ формула, въ которую можно заключить теорію Монтескье, и поставленная такъ, она повидимому не подлежитъ спору, но также точно, какъ не подлежитъ спору и то, что раздѣливъ власти на равныя, самостоятельныя части или элементы, мы вовсе уничтожимъ власть, которая невозможна, если ея функція исполнительная не будетъ слушаться законодательной, или судебная станетъ дѣйствовать помимо законовъ, произвольно. Очевидно, тутъ предстанетъ дилемма въ видѣ журавля, котораго хвостъ или головка вязнутъ въ болотѣ. И не ясно ли, что такая дилемма предстаетъ нашему воображенію потому, что мы покидаемъ твердую почву права, и бросаемся въ неопредѣленную область политики, съ ея шаткими идеями свободы, порядка, власти помимо опредѣляющаго начала права? По крайней мѣрѣ, теперь бы пора уже подвергать разныя такія теоріи

юридической оцѣнкѣ, и тѣмъ заявлять, что мы пережили XVIII вѣкъ и живемъ въ XIX.

Послѣ изложенія теоріи Монтескье у нашего автора слѣдуетъ разборъ, какъ теоріи, такъ и разнообразныхъ мнѣній объ этомъ раздѣленіи властей, въ заключеніе чего авторъ, на стр. 426, говоритъ: «все видимое разнообразіе мнѣній о раздѣленіи властей можно подвести подъ три группы писателей, принимающихъ раздѣленіе вполнѣ, принимающихъ подъ условіемъ сохраненія единства и писателей вполнѣ отрицающихъ теорію раздѣленія. Впрочемъ авторъ тутъ же прибавляетъ, что «писателей вполнѣ принимающихъ теорію раздѣленія, собственно нѣтъ, не исключая самого Монтескье, а что касается до писателей вполнѣ отрицающихъ теорію раздѣленія властей, то авторъ признаетъ ихъ неопровержимыми, если раздѣленіе принимать въ смыслѣ дробленія власти на равныя самостоятельныя части. Стало быть раздѣленіе властей будетъ разумнымъ въ томъ случаѣ, когда эти власти подчинятся одной, и когда раздѣленіе совершится при единствѣ дѣлимаго.—Любопытная задача.

«Необходимость связи между властями, говоритъ нашъ авторъ, стр. 430, вытекаетъ изъ того, что всѣ онѣ преслѣдуютъ одну цѣль—народное благо, откуда вытекаетъ также господство между ними одной власти, дающей остальнымъ надлежащее направленіе, а именно господство законодательной». Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, на стр. 450, «раздѣленіе власти не есть раздробленіе.» Итакъ получается результатъ отрицательный, которымъ и заключается книга г. Ворошилова.

Мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе относительно цѣли, указанной авторомъ для дѣятельности государственной власти, или государства. Во первыхъ едвали возможно безошибочно указать цѣль для бытія и дѣятельности такого существа, какъ государство, если юристы до сихъ поръ затрудняются установленіемъ цѣли даже для семьи, для общины и т. п. Во вторыхъ признавать цѣлію государства народное благо, какъ дѣлаетъ нашъ авторъ, значитъ ничего не говорить, или утверждать весьма проблемматическую мысль. Если подъ словомъ: народное благо разумѣть все, что можетъ носить такое названіе—и бытіе народа и его безопасность и его свободу и его вѣру и мораль и просвѣщеніе и богатство и вообще цивилизацію; то выйдетъ, что государство приметъ на себя всѣ жизненныя отправленія народа, какъ будто вмѣсто народа. Если же слову:

народное благо прибавить какое-нибудь спеціальное, опредѣленное значеніе, то кажется, что государству должно предоставить исключительно область правды и права, оставляя за народомъ его религіозную, моральную, образовательную, экономическую жизнь, или его благо. Стоя такъ за свободу и самоуправленіе, должно бы стоять за предоставленіе блага народнаго народу, какъ всего Божіяго Богу и всего Кесарева Кесарю! И въ самомъ дѣлѣ, возможна ли вѣра и мораль, вынуждаемыя судомъ и расправою? Будетъ ли благомъ истина предписанная закономъ, — красота установленнля указомъ, — промышленная дѣятельность изъ-подъ-палки старосты, старшины, исправника и т. д? И для чего же будутъ находиться въ государствѣ общество вѣрующихъ, или церковь и земское, съ его самоуправленіемъ?

3) О значеніи давности въ уголовномъ правѣ, В. Саблера, штатн. доцента при моск. университетѣ, Москва 1872.

Авторъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи: 1) историческій очеркъ развитія института давности въ уголовномъ правѣ: 2) значеніе давности въ современныхъ законодательствахъ: 3) изслѣдованіе тѣхъ началъ, на которыхъ покоится давность, съ указаніемъ на теоріи самаго разнообразнаго содержанія: 4) собственную теорію автора: 5) ученіе о давности, погашающей уголовное преслѣдованіе, и 6) ученіе о давности, погашающей наказаніе. Очевидно, что относительно полноты изложенія ничего не остается пожелать; не думаю также, что бы авторъ не выказалъ силы въ дѣлѣ критики различныхъ мнѣній. По мнѣ, нашъ авторъ основательно опровергаетъ мнѣніе, будто бы давность основана на возможномъ исправленіи преступника, со времени совершеннаго имъ преступленія, равно какъ и то мнѣніе, по которому предполагается, что преступникъ уже понесъ наказаніе, скрываясь отъ суда въ теченіи давностнаго срока, или то которое хочетъ объяснить давность уголовную гражданскою и т. д. и т. д. Мы думаемъ, что авторъ правъ, говоря на стр. 150, что изъ разсмотрѣнныхъ имъ воззрѣній одни оказываются непримѣнительными въ дѣйствительности, а другіе фразами, лишенными содержанія. Итакъ намъ остается здѣсь познакомить читателя съ воззрѣніемъ нашего автора на давность въ уголовномъ правѣ. Приступая къ этой трудной задачѣ, оговаривается авторъ, мы должны замѣтить, что давность, погашающая уголовное преслѣдованіе и давность погашающая приговоръ, покоятся на

разныхъ началахъ и что та и другая изъ этихъ различныхъ давностей подраздѣляется на давность съ долгими сроками и съ короткими.»

А. Долгосрочная давность уголовнаго преслѣдованія находитъ, по автору, свое полное оправданіе въ идеѣ справедливости, вытекая изъ основнаго начала, въ силу котораго приговоръ считается справедливымъ только въ томъ случаѣ, когда вопросъ о преступности подсудимаго не будетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но ясно, что по истеченіи десяти, двадцати лѣтъ послѣ совершенія преступленія обстоятельства его не будутъ воспроизведены въ ихъ истинномъ свѣтѣ, и судья будетъ поставленъ въ необходимость довольствоваться крайне недостаточнымъ матеріаломъ, и въ невозможность постановить несомнѣнно справедливый приговоръ.»

Б. «Давность краткосрочная, до 5 лѣтъ включительно, покоится на требованіяхъ уголовной политики и это не должно казаться произвольнымъ, говоритъ авторъ, принимая во вниманіе характеръ тѣхъ преступленій, къ которымъ краткосрочная давность относится, а именно: 1) низкую степень ихъ преступности, равно какъ 2) то, что они возмущаютъ общественный порядокъ лишь во время непосредственно слѣдующее за совершеніемъ.»

В. «Давность долгосрочная погашающая наказаніе находитъ, по автору, стр. 163, полное оправданіе въ принципѣ справедливости и именно въ обстоятельствѣ, что наказаніе законно и справедливо только до тѣхъ поръ, пока не превышаетъ мѣры страданій, имѣвшихся въ виду при установленіи закона. Наказаніе же, примѣненное къ преступнику чрезъ 20, 30 лѣтъ послѣ произнесеннаго приговора, падаетъ на преступника съ несравненно большею тяжестію.»

Г. «Давность краткосрочная погашающая наказаніе, по автору, стр. 168, имѣетъ много общаго съ краткосрочною давностью преступленія, т.-е. основывается на уголовной политикѣ.»

Конечно, читатель едвали согласится съ авторомъ, который пріискиваетъ для давности, для одного института, для нераздѣльнаго понятія, два различныхъ и даже противоположныхъ основанія—справедливость, въ одномъ и политику, въ другомъ случаѣ. Если давность—справедливое учрежденіе, то политика можетъ играть тутъ роль только въ установленіи сроковъ; если же политика опредѣляетъ разумность давности краткосрочной, то несомнѣнно она создаетъ и долгосрочную. Вообще не вы-

держиваетъ критику теорія давности, предложенная г. Саблеромъ. Дѣло стало быть не рѣшено, вопросъ считается открытымъ и я соображая богатыя данныя, почерпаемыя изъ книги г. Саблера, рѣшаюсь сдѣлать еще одну попытку къ открытію общаго основанія для оправданія давности въ уголовномъ правѣ.

Всякое право является въ значеніи субъективномъ и объективномъ, такъ что повсюду въ правѣ можно найти римскія юридическія понятія—animus et corpus. Въ уголовномъ правѣ постоянно отличаютъ въ преступленіи субъективную и объективную сторону, относя къ субъективной—намѣреніе, волю умысель и т. д., а къ объективной—проявленіе этого намѣренія, этого умысла во внѣшнемъ мірѣ, въ формѣ ли покушенія, приготовленія, или оконченнаго дѣйствія. Это преступное дѣйствіе должно быть направлено на человѣка, а не на внѣшнюю природу, потому что даже повѣшеніе собаки не называется убійствомъ и обираніе меду у пчелъ не есть похищеніе, или взломъ. Направляясь же противъ человѣка, преступное дѣйствіе, напр. кража, побои, насиліе, въ противоположность явленіямъ природы, производящимъ бѣды, возбуждаютъ въ жертвѣ особое чувство униженія, оскорбленія обиды, выражаясь языкомъ Рус. Правды, или современнаго, русскаго народа, или injuria Римлянъ—чувство, требующее смытія, удовлетворенія, мести, или какъ это совершается въ государствѣ, наказанія виновнаго. Очевидно, что и въ наказаніи должно отличать сторону субъективную—удовлетвореніе оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства и затѣмъ объективную, состоящую въ возмѣщеніи ущербовъ, убытковъ и т. п. Все, что мы называемъ субъективнымъ, непремѣнно лично, а личное временно, преходящее, какъ сами лица. Бывшіе дѣтьми въ моментъ преступленія, послѣ того вырастаютъ, развиваются; бывшіе взрослыми, развитыми въ минуту преступленія, послѣ того старѣютъ, слабѣютъ, болѣютъ. Другими словами, міръ субъективный и личный мѣняется со временемъ у преступника, и не одинъ физическій возрастъ имѣетъ вліяніе на вмѣненіе, а разнообразныя обстоятельства, которыя всѣ мѣняются съ теченіемъ времени. Но также точно мѣняется отъ времени личный, субъективный міръ того, кто нѣкогда подвергся дѣйствію преступленія, такъ что оскорбленіе, нанесенное извѣстному лицу въ его дѣтствѣ, конечно, будетъ имъ ощущаемо, или сознаваемо совершенно иначе, при

дальнѣйшемъ его возрастѣ и развитіи. Очевидно, что требованіе мести, или наказанія преступнику со стороны жертвы будетъ совершенно различно въ силѣ и настойчивости, смотря по различію времени, когда это требованіе предъявляется. Однимъ словомъ, время несомнѣнно дѣйствуетъ на субъективную сторону, какъ преступленія, такъ и наказанія и съ теченіемъ времени тамъ и здѣсь ослабляется, гаснетъ и потухаетъ нѣкогда живое чувство и энергическая воля. Откуда, кажется, можно бы вывести справедливость какъ давности преступленія, такъ и давности наказанія. Недаромъ въ Римѣ, по автору стр. 10, давность уголовная появляется только къ концу республики, когда въ преступленіи стали искать субъективнаго элемента и недаромъ тамъ впервые отнесли давность къ плотскимъ преступленіямъ, наиболѣе личнымъ, такъ сказать субъективнымъ. Недаромъ каноническое право приняло на себя уголовную давность и недаромъ въ Европѣ давность уголовная развивается почти пропорціонально съ возрастаніемъ субъективнаго воззрѣнія на преступленіе. Что касается до сроковъ той и другой давности, нельзя не согласиться съ авторомъ, что здѣсь все рѣшаетъ уголовная политика, или благоразуміе.

4) Договоръ найма имуществъ по римскому праву и новѣйшимъ иностраннымъ законодательствамъ, В. Умова, штатнаго доцента московскаго университета, Москва 1872.

Нашъ молодой ученый цивилистъ начинаетъ свой трудъ старымъ пріемомъ, восхваленіемъ предмета, избраннаго имъ для изслѣдованія, конечно частію по примѣру ученыхъ французовъ. Авторъ открываетъ свою книгу словами Тролона: «наемъ въ новѣйшее время является договоромъ наиболѣе вліяющимъ на общественное благосостояніе,—онъ двигатель земледѣлія,—вербуетъ промышленную милицію, которая дѣлаетъ плодоносными наши поля, прокармливаетъ и умиротворяетъ грозную армію, трудящуюся въ мануфактурахъ,» и т. д. «Договоръ найма любитъ свѣтъ цивилизаціи» и т. п. Тутъ же авторъ приводитъ слова Колумелы, который доказываетъ, что всякое поле становится лучше при работѣ свободныхъ, чѣмъ при работѣ рабовъ. Но, кажется, что слова того и другаго изъ приведенныхъ писателей относятся къ найму личному, а не къ найму имуществъ, о которомъ говоритъ нашъ авторъ. И если бы нужно было говорить объ относительной важности договоровъ, то въ наше время, въ эпоху господства движимаго, должно было бы первое мѣсто

отвести договору займа, въ формѣ кредита, которымъ совершается все грандіозное нашего вѣка.

Переходя къ вопросу о значеніи найма для Россіи, авторъ опять упомпнаетъ о переворотѣ въ судьбахъ труда, по случаю эманципаціи, слѣд. опять о личномъ наймѣ и между тѣмъ продолжаетъ такъ: «что значатъ 18 статьей свода о наймѣ имуществъ въ сравненіи съ 70 статьями французскаго и 350 параграфами прусскаго законодательства.» Но дѣйствительно ли въ сводѣ только 18 статей, говорящихъ о наймѣ имуществъ? Не говоря о томъ, что указанныя авторомъ 18 стат. X т. относятся къ имуществамъ частнымъ и оставляютъ въ силѣ много другихъ статей того же X т. опредѣляющихъ наемъ земель казенныхъ, общественныхъ; въ другихъ томахъ свода мы можемъ указать также на много статей, касающихся напр. найма рѣчныхъ и морскихъ судовъ и т. д. И потомъ, мнѣ кажется, что слишкомъ много статей закона, относительно договоровъ, едвали не подлежитъ порицанію, имѣя видъ правительственной опеки и регламентаціи. Не должно ли поддерживать принципъ полной свободы, хоть въ области частнаго договорнаго права? Говоря о Россіи же въ заключеніе своего введенія, ученый цивилистъ между прочимъ утверждаетъ, что у насъ институтъ аренды есть новое явленіе и что встарь у насъ замѣняло его половничество, хотя извѣстно, что половниками у насъ были работники, а не наниматели земель, или арендаторы.

Послѣ этого введенія, авторъ переходитъ къ изложенію дѣла посвятивъ ему болѣе 350 страницъ, и представивъ здѣсь читателю только ученіе о наймѣ имуществъ, или первую часть труда, долженствующаго впослѣдствіи обнять ученіе о личномъ наймѣ, въ его двоякой формѣ,—собственно личнаго найма, operarum и порядка operis, по заявленію автора стр. 8. Судя по изданному первому тому, можно надѣяться, что г. Умовъ подаритъ русскую юридическую литературу всестороннимъ и основательнымъ сочиненіемъ, по договору о наймѣ и тѣмъ подастъ примѣръ къ достойной разработкѣ другихъ вопросовъ и частей гражданскаго, равно какъ торговаго, вексельнаго и т. п. правъ. Книга г. Умова требуетъ и стоитъ самаго тщательнаго изученія. Что до насъ въ этомъ мѣстѣ, мы можемъ указать только на то другое положеніе, съ которымъ кажется можно не согласиться

Напримѣръ, многихъ занимаетъ вопросъ, разсматриваемый авторомъ на стр. 8—198, о существѣ найма, конечно, не въ

смыслѣ договора и обязательства, которые безспорно личны, а въ значеніи особаго отношенія нанимателя къ чужой вещи, которое, повидимому, можетъ имѣть сходство и сродство со всякимъ вещнымъ правомъ въ чужомъ имуществѣ. Римское право смотрѣло на наемъ, какъ на обязательство, говоритъ авторъ, стр. 19 и между тѣмъ приводитъ слова Гаія, о томъ, что наемъ всего ближе подходитъ къ куплѣ и опредѣляется тѣми же правилами и самъ утверждаетъ на 65 стр., что бываютъ случаи, когда не легко сказать, какой изъ договоровъ на дѣлѣ существуетъ, купля—продажа, или наемъ. Припомнимъ русскую поговорку: нанялся, продался, а потому кто нанялъ, тотъ какъ бы купилъ. Авторъ помѣстилъ цѣлую статью о сродствѣ договора найма съ куплей, узуфруктомъ, эмфитезисомъ и суперфиціей, между тѣмъ вооружается всѣми силами противъ признанія найма на вещное право. Такъ показавши, что нѣкоторыя изъ современныхъ писателей и законодательствъ, какъ бы готовы сообщить найму имуществъ значеніе вещнаго права, авторъ полемизируетъ противъ и доходитъ до того, что какъ бы отрицаетъ даже буквальный смыслъ прусскаго закона, *объявляющаго наемъ вещнымъ правомъ*, 11—37. Нѣтъ ли тутъ увлеченія, ведущаго иногда къ нетерпимости мнѣній? Нѣтъ ли увлеченія пандектическимъ правомъ, при общемъ признаніи недостатковъ въ разработкѣ русскаго, отечественнаго права? Будемъ надѣяться лучшаго.

5) Право, мораль и государство, по ученію Іоанна Фридриха Гербарта и его школы, П. Карасевича, профессора Ярослав. Юрид. Лицея, Москва, 1872.

Начавши біографіей Гербарта, авторъ изложилъ его систему и заключилъ книгу критическимъ очеркомъ, какъ онъ скромно выражается о своей самостоятельной работѣ. Этотъ критическій очеркъ занимаетъ большую часть книги, подвергая разбору слѣд. положенія Гербарта: 1) этика основывается на эстетическихъ сужденіяхъ; 2) практическая философія отдѣляется отъ теоретической; 3) философія права есть часть этики; 4) право есть соглашеніе воль, мыслимое какъ норма для предупрежденія спора; 5) всякое право положительно; 6) идея справедливости отдѣляется отъ идеи права; 7) ученіе о государствѣ находится въ тѣсной связи съ ученіемъ объ обществѣ; 8) государство возникаетъ посредствомъ договора, и 9) нельзя установить абсолютно лучшей государственной формы. Ученые, конечно знаютъ

какого труда требовалось отъ нашего автора для одного того, чтобы изъ сочиненій Гербарта и его учениковъ и адептовъ извлечь эти положенія, характеризующія систему Гербартьянцевъ, неговоря объ усиліяхъ, употребленныхъ г. Карасевѣчемъ на ихъ объясненіе, или опроверженіе. Чтеніе подобныхъ книгъ равно изученію предмета, въ нихъ разсматриваемаго.

Мы попросимъ читателя остановиться на двухъ тезисахъ Гербарта, на 7 и 8, разбираемыхъ у нашего автора на стр. 200—217. «У Гербарта ученіе о государствѣ имѣетъ исходнымъ пунктомъ—ученіе объ обществѣ. Если бы послѣдовавшіе за Гербартомъ мыслители держались его пути, государственныя науки въ Германіи стояли бы на высшей ступени.» «Таковъ отзывъ автора, который упоминаетъ, что по мнѣнію Р. Моля, къ числу заслугъ Гербарта относится то, что онъ призналъ общество, и понялъ его близко къ истинѣ, находя для него основу въ соединенной волѣ; но что Гербартъ отклоняется отъ пути, требуя для общества принуждающую власть извнѣ общества, и смѣшивая переходящія соприкосновенія лицъ съ единствомъ народной жизни.» Поэтому поводу, или по случаю этихъ выраженій Р. Моля нашъ авторъ, сказавшій выше много сочувственнаго къ воззрѣніямъ Гербарта на общество, вступаетъ въ полемику съ Р. Молемъ доказывая, что напр. «нельзя утверждать вмѣст съ Молемъ, что наука объ обществѣ должна быть отдѣлена отъ науки о государствѣ». «Общества нельзя не признавать, какъ сферу жизни, отличающуюся отъ жизни отдѣльнаго лица и государства, но науку объ обществѣ не слѣдуетъ отдѣлять отъ науки о государствѣ». Далѣе авторъ говоритъ о тѣхъ отличіяхъ, которыя существуютъ по его мнѣнію, между обществомъ и государствомъ. Но скажемъ мы, если общество дѣйствительно такъ важно въ самомъ ученіи о государствѣ; если можно общество понимать правильно и неправильно, по воззрѣнію на Гербарта, или по ученію Моля и т. д,, если наконецъ общество имѣетъ свою особую сферу по автору, отличающуюся отъ частной и государственной: не будетъ ли странно отрицать возможность и разумность особой, спеціальной науки объ обществѣ, для лучшаго его изслѣдованія, для основательнѣйшаго его изученія? И кто это порѣшаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ быть той другой наукѣ права? Ужъ конечно, не юристъ, который долженъ знать, что во всякомъ христіанскомъ государствѣ есть особое общество вѣрующихъ, или церковь, съ неприкоспо-

венными для всякой посторонней власти догматами. Ужъ конечно, не юристъ, который долженъ знать, что такія кардинальныя положенія, какъ свобода науки, свобода искусства, свобода промышленности составляютъ основу для самостоятельности и самоуправленія гражданскаго, свѣтскаго, или земскаго общества. Ужъ конечно, не юристъ, знающій теперь, что пресловутое противоположеніе между свободою и властію замиряется и уничтожается не политикою, не раздѣленіемъ властей, а признаніемъ правъ общества на самостоятельность и семоуправленіе.

Такъ для юриста положительно порѣшается другой вопросъ, поднимаемый авторомъ о томъ, можно ли допустить особое, самостоятельное общественное право. При этомъ нашъ авторъ опять же полемизируетъ противъ Р. Моля, говорящаго въ пользу самостоятельнаго общественнаго права; нашъ авторъ, какъ бы забываетъ, что отрицаніе самостоятельнаго общественнаго права теперь вовлекаетъ его въ полемику не съ однимъ Р. Молемъ, но сомногими, напр. съ фонъ-Гербаромъ, столь логически строгимъ юристомъ,— съ Герм. Реслеромъ и другими, которые допуская особую общественную сферу, логически допускаютъ особый ея центръ—субъектъ и особый кругъ права и управленія—особую систему права общественнаго.

Наконецъ, нельзя замѣтить, что только путемъ идеи общества можно отдѣлаться отъ теоріи государственнаго договора. Читая объ этомъ у автора страницы 211—217, читатель много встрѣчаетъ аргументовъ противъ положенія, будто государство возникло, или дѣйствуетъ на основаніи договора, а все не убѣждается, если государство представляется въ видѣ массы недѣлимыхъ, которыхъ соединить можетъ только взаимное соглашеніе, что то въ родѣ договора. Но стоитъ начать съ ученія объ обществѣ и обществахъ, каковы бракъ и семья, общины сельскія и городскія, земства и народъ, чтобы вопросъ о договорѣ оказался совершенно лишнимъ, немыслимымъ. Пора бросить рутину.

В. Н. Лешковъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Московской судебной палаты.

Домашняя долговая росписка, которою должникъ, въ обезпеченіе платежа на срокъ, предоставляетъ кредитору въ залогъ движимое имущество съ правомъ, на случай неисполненія обязательства, *поступить съ закладомъ какъ съ своею собственностью*, не даетъ кредитору залоговаго права (т. X. зак. гражд. ч. 1. ст. 1673). Тѣмъ не менѣе распоряженіе кредитора заложеннымъ ему имуществомъ, хотя основанное на неформальномъ актѣ и самовольное, *не составляетъ присвоенія чужаго движимаго имущества.* Обязательство должника данное для удовлетворенія, за его счетъ, третьяго лица—не считается *безденежнымъ*. Свобода произвола и согласія не нарушается *вліяніемъ или убѣжденіемъ*, когда при этомъ не было принужденія или подлога. (Т. X. зак. гражд. ч. 1. ст. 701 и 2017). Оцѣнка домашняго акта, неоспореннаго въ подлинности, зависитъ отъ усмотрѣнія суда. (Ст. 459 уст. гражд. суд.

1872 года ноября 23 дня. По указу Его Императорскаго Величества Московская судебная палата по 1 гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ Н. А. Слѣпцова, въ составѣ членовъ: И. П. Аристова и С. М. Гулькевичъ, разсматривала дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго дочери полковника Сулима, титулярнаго совѣтника Милова, на рѣшеніе Московскаго окружнаго суда, объ отказѣ довѣрительницѣ его въ ходатайствѣ объ истребованіи отъ купчихи Епанеш-

никовой двухъ квитанцій Московской ссудной казны. Обстоятельства дѣла: Дочь полковника, дѣвица Анна Сулима въ исковомъ прошеніи, поданномъ 7 августа 1871 г., въ Московскій окружной судъ, объяснила, что губернскій секретарь константинъ Тарбѣевъ, предложивъ ей и братьямъ ея совершить раздѣльный актъ на наслѣдственное ихъ имѣніе, выдалъ ей, 8 октября 1866 г., росписку *безъ полученія по ней денегъ*, въ томъ, что будто бы взято имъ Тарбѣевымъ, у ней Сулимы, 1000 руб. на предметъ означеннаго раздѣльнаго акта. Между тѣмъ бывшимъ ея, Сулимы, попечителемъ, надворнымъ совѣтникомъ Лодухинымъ были заложены въ Московской ссудной казнѣ брилліантовыя ея вещи за 1100 р. с. и полученныя на оныя двѣ квитанціи ссудной казны имъ же Лодухинымъ, были заложены коллежскому секретарю Адамовичу, за заемъ у послѣдняго 400 р. Эти квитанціи получены отъ Адамовича 20 декабря 1866 г. Тарбѣевымъ, который, не возвратилъ оныхъ ей, Сулима, поступилъ такимъ образомъ, что уговоривъ ее принять на свой счетъ уплаченные имъ, Адамовичу какъ 464 р. с. за заемъ Ладухина подъ тѣ квитанціи, такъ и 265 р. с. за долгъ Адамовичу по векселю брата ея, Сулима, Николая, предложилъ подписать составленныя имъ, Тарбѣевымъ, обязательства, которыя она, Сулима, бывъ несовершеннолѣтнею, подписала. Обязательства эти впослѣдствіи оказались: одно росписку на имя купчихи Аграфаны Епанешниковой въ 2168 р. с. съ залогомъ въ обезпеченіе исправнаго платежа вышеозначенныхъ квитанцій ссудной казны на бриллiантовыя вещи, а другое росписку на имя Тарбѣева въ полученіи отъ него тѣхъ квитанцій въ свое распоряженіе. Послѣ того Тарбѣевъ, пользуясь тѣмъ, что при ней, Сулима, состоялъ попечителемъ родственникъ его Вознесенскій, заручился надписью послѣдняго на объясненныхъ двухъ роспискахъ. По сему и ссылаясь на подтвержденіе справедливости всего вышеизложеннаго на документы, имѣющіеся при слѣдственномъ дѣлѣ о губернскомъ секрѣтарѣ Тарбѣевѣ, надворномъ совѣтникѣ Вознесенекомъ и купчихѣ Епанешниковой, находящемся у прокурора Московскаго окружнаго суда, истица Сулима просила, выдавъ ей свидѣтельство на пересылку отъ прокурора вышеозначеннаго слѣдственнаго производства, постановить рѣшеніе объ отобраніи отъ Московской купеческой жены Епанешниковой удерживаемыхъ ею у себя неправильно по безденежному обязательству двухъ залоговыхъ квитанцій. Мо-

сковской ссудной казны за №№ 13,994 и 13,995 и о возвращеніи Тарбѣеву выданной имъ ей, Сулима, безденежной росписки въ 1000 р., съ уничтоженіемъ взятой имъ на имя Епанешниковой въ 2168 р., каковую обязать послѣднюю представить къ дѣлу вмѣстѣ съ залоговыми квитанціями; судебныя по дѣлу издержки возложить на Епанешникову. Въ засѣданіи суда по прочтеніи всѣхъ указанныхъ въ исковомъ прошеніи документовъ, находящихся въ слѣдственномъ дѣлѣ, пересланномъ отъ прокурора въ окружной судъ, повѣренный истицы, Титулярный совѣтникъ Миловъ ходатайствовалъ объ удовлетвореніи исковыхъ требованій, изложенныхъ въ исковомъ прошеніи его довѣрительницы. Повѣренный отвѣтчиковъ Епанешниковой и Тарбѣева, присяжный повѣренный Щелканъ, противъ этого возразилъ, что искъ Сулима объ истребованіи отъ Епанешниковой квитанціи ссудной казны удовлетворенъ быть не можетъ, такъ какъ Епанешниковою по квитанціямъ тѣмъ получены еще въ 1868 г. вещи изъ ссудной казны, которыя согласно условіямъ выданной истицею росписки отъ 20 декабря 1866 года и обращены Епанешниковою въ свою собственность, въ удовлетвореніе долга ей, Сулимы по той росписке. При этомъ повѣренный Щелканъ представилъ росписку Сулимы на имя Епанешниковой, выданную 20 декабря 1866 г., изъ содержанія которой видно, что Сулима заняла у Епанешниковой 2168 р. сер. срокомъ по 1 марта 1867 г., съ обезпеченіемъ этого займа принадлежащими ей двумя билетами Московской ссудной казны на заложенныя бриліантовыя вещи 10 октября 1866 г. за № 19,402 и 19,899, съ тѣмъ условіемъ, что если Сулима занятыхъ денегъ въ срокъ не заплатитъ, то предоставляетъ Епанешниковой право распорядиться билетами ея, Сулима, какъ своею собственностью безъ возврата и безъ отчета. На росписке этой имѣется подпись попечителя Сулимы, Вознесенскаго, въ томъ, что на заемъ и на залогъ билетовъ на вещи онъ изъявляетъ согласіе. Повѣренный истицы Миловъ, объясняя съ своей стороны, что по его мнѣнію, Епанешникова оказывается виновною въ разстратѣ чужаго имущества просилъ настоящее дѣло передать прокурору суда для производства слѣдствія. Обращаясь къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Московскій окружной судъ нашелъ, что искъ дочери полковника Анны Сулима предъявленъ къ двумъ отвѣтчикамъ Епанешниковой и Тарбѣеву и заключается по отношенію къ первой въ ходатайствѣ объ истребованіи отъ нея двухъ

квитанцій Московской ссудной казны на заложенныя въ оной бриліантовыя вещи истицы Сулимы, съ уничтоженіемъ долговой росписки, выданной ею Епанешниковой 20 декабря 1866 г., въ суммѣ 2168 р. с., а въ отношеніи втораго—въ ходатайствѣ о возвращеніи ему, Тарбѣеву, выданнаго имъ безденежнаго обязательства на имя истицы отъ 8 октября 1866 г. въ 1000 руб. По заявленію повѣреннаго Епанешниковой, Щелкана у довѣрительницы его въ настоящее время не находится требуемыхъ истицею квитанцій ссудной казны, такъ какъ Епанешникова получила по онымъ въ собственность вещи, въ силу условій займа, выраженныхъ въ росписке Сулимы отъ 20 декабря 1866 г. и полученіемъ означенныхъ вещей считаетъ себя удовлетворенною въ долгѣ Сулимѣ по той росписке. Въ виду такого объясненія, требованіе истицы Сулимы о возвращеніи ей отъ Епанешниковой двухъ вышеозначенныхъ квитанцій, представляется неподлежащимъ удовлетворенію, такъ какъ квитанцій тѣхъ у отвѣтчицы не находится и оныя за полученіемъ по нимъ изъ ссудной казны вещей не имѣютъ уже никакого значенія; ходатайство же Сулимы объ уничтоженіи росписки, выданной Епанешниковой въ суммѣ 2168 р. с. отъ 20 декабря 1866 г. не требуется разрѣшенія за полученіемъ Епанешниковою удовлетворенія по той росписке обращеніемъ въ свою пользу вещей, полученныхъ изъ ссудной казны по квитанціямъ, которыя были отданы въ обезпеченіе займа по той росписке. Затѣмъ искъ Сулимы къ Тарбѣеву о возвращеніи къ послѣднему выданнаго имъ истицѣ безденежнаго обязательства, отъ 8 октября 1866 г. въ 1000 р., не требуетъ судебнаго разрѣшенія, какъ не заключающій въ себѣ ходатайства о возстановленіи какого-либо нарушеннаго гражданскаго права ея, Сулимы. Что же касается ходатайства повѣреннаго Сулимы, Милова, о передачѣ настоящаго дѣла прокурору, на томъ основаніи, что по его мнѣнію, за изложеннымъ объясненіемъ повѣреннаго Епанешниковой послѣдняя оказывается виновною *въ растратѣ чужаго имущества*, то это ходатайство не подлежитъ удовлетворенію при настоящемъ положеніи дѣла, такъ какъ Епанешникова получила вещи, на основаніи условій займа выраженныхъ въ росписке отъ 20 декабря 1866 года сила и значеніе каковой росписки по содержанію заявленныхъ истицею исковыхъ требованій, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, не подлежатъ разсмотрѣнію суда. По сему окружной судъ опредѣлилъ: дочери

полковника Аннѣ Сулимѣ отказать въ искѣ объ истребованіи отъ Епанешниковой двухъ залоговыхъ квитанцій Московской ссудной казны, вслѣдствіе удостовѣренія повѣреннаго Епанешниковой, что по тѣмъ квитанціямъ получены уже вещи; прочія же требованія, какъ не требующія разрѣшенія, оставить безъ послѣдствій. Судебныя по дѣлу издержки, по 868 ст. уст. гр. суд., возложить на истицу Сулиму. Въ принесенной на это рѣшеніе апелляціонной жалобѣ, повѣренный истицы Сулимы, титулярный совѣтникъ Миловъ объясняетъ, что искъ довѣрительницы его совмѣщалъ въ себѣ два требованія, одно о признаніи за ней права на возвращеніе залоговаго движимаго имущества изъ неправильнаго владѣнія отвѣтчика, а другое—объ освобожденіи ея отъ уплаты денегъ 2168 р., по домашнему обязательству, обезпеченному тою движимостью, *по его безденежности*, какъ образовавшемуся изъ фиктивныхъ сдѣлокъ съ г. Тарбѣевымъ, подъ вліяніемъ ложныхъ увѣреній, принявшихъ видъ уголовнаго обмана, предусмотрѣннаго статьею 1638 улож. о нак. уголов. 1866 г. Оба эти требованія неразрывно связаны и не могли быть раздѣлены, въ виду условій, требуемыхъ статьею 1676 т. X. ч. 1. зак. гр., при возвращеніи залоговыхъ вещей отъ залогодержателей. По этому судъ обязанъ былъ обсудить оба требованія на основаніи тѣхъ же законовъ, которыми нарушенное право охранялось и при томъ, не прежде какъ по выслушаніи заключенія господина прокурора въ особенности, послѣ сдѣланнаго повѣреннымъ отвѣтчиковъ, въ судебномъ засѣданіи, сознанія о самовольномъ распоряженіи залогодержательницею объэктомъ искового права. А такъ какъ иски, подобные настоящему, дозволяется доказывать не одними только формальными актами, но и свидѣтельскими показаніями, то на обязанности суда лежало провѣрить и опредѣлить силу и доказательность тѣхъ данныхъ, на которые было указано истицею въ исковомъ ея прошеніи, и если бы судъ коснулся обсужденія фактовъ и данныхъ, по существу исковыхъ требованій, представленныхъ въ доказательсво безденежности росписки на имя Епанешниковой, то не нарушая справедливости, долженъ былъ бы признать доказаннымъ нижеслѣдующія положенія: что займа и ссуды, фактически не существовало; что личныхъ соглашеній Анны Сулимы съ Епанешниковою, требуемыхъ ст. 699,700 и 1528, т. X. ч. 1. зак. гр., для юридическихъ сдѣлокъ, не происходило, а всѣ дѣйствія совершены были чрезъ посред-

ство и участіе родственниковъ ея, Тарбѣева и Вознесенскаго, въ качествѣ попечителей во время несовершеннолѣтія Анны Сулимы, какъ обнаружено слѣдствіемъ. Изъ слѣдственнаго производства видно, что въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 г. Тарбѣевъ, имѣя въ своихъ рукахъ вексель въ 2400 р. выданный братьями Анны Сулимы, Александромъ и Михаиломъ, на имя его попечителя Ладухина, за поручительствомъ дяди ихъ, Дмитрія Сулимы, предъявлялъ его въ Московскую управу благочинія и подвергнувъ личному задержанію должника попечителя, предложилъ несовершеннолѣтнимъ избрать себя вмѣсто дяди, увѣряя въ письмѣ на имя его и ихъ поручителя, что цѣль его поступленія въ это званіе—есть единственная, чтобъ спасти свои деньги и что для достиженія этой корыстной и несовмѣстной съ обязанностями опекуновъ цѣли, были употреблены подобныя же средства, выразившіяся въ послѣдующей за тѣмъ дѣятельности. Указывая на эту дѣятельность, Миловъ объясняетъ, что попечителями Сулимы, Тарбѣемымъ и Вознесенскимъ предъявленъ былъ искъ у Арбатскаго мироваго судьи объ отобраніи въ пользу Сулимы отъ Адамовича квитанцій ссудной казны, для полученія по нимъ самыхъ вещей, согласно устава банковъ; но мировымъ судьею искъ ихъ былъ признанъ не подсуднымъ. Затѣмъ Тарбѣевъ, отстранивъ Вознесенскаго отъ участія, извѣщалъ Дмитрія и Анну Сулиму, письмами (л. д. 21, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40 41 и 39) о ходѣ дѣла, склоняя Анну Сулиму къ окончанію онаго миромъ, представляя неизбѣжность уплатить Адамовичу за Ладухина по векселю ея брата, деньги до 800 р. и изъявляя готовность ввести таковыя, если только они позаботятся обезпечить какъ искъ Епанешниковой (въ 2400 р. по векселю), такъ и его расходы, 21 декабря 1866 г., безъ участія попечителя Анны Сулимы, состоялась сдѣлка Тарбѣева съ Адамовичемъ и Ладухинымъ, вслѣдствіе которой уплачены Торбѣевымъ свои деньги Адамовичу, за долги Ладухина и брата Анны Сулимы, съ оставленіемъ права взысканія по оной съ гг. Сулима, но только не съ Анны, не учавствовавшей въ оной, 21 же получаются самые искомые билеты и остаются въ распоряженіи Тарбѣева, а 27 декабря, въ письмѣ (л. д, 42 и 43) Анна Сулима извѣщается, что будто бы дѣло не двигается потому, что Михаилъ Николаевичъ братъ ея не пріѣзжалъ къ нему, Тарбѣеву. Такъ какъ вещами Анна Сулима дорожила какъ своею памятью послѣ матери, то спѣшила къ г. Тарбѣеву, для перего-

воровъ и прибывъ 28 декабря съ своимъ дядею и прислугою Глобовою, въ свою квартиру подъ разными благовидными предлогами и увѣреніями убѣждена была имъ написать еще росписку о полученіи тѣхъ вещей отъ него, безъ бытности также попечителя, каковая росписка, бывъ представлена Тарбѣевымъ въ подтвержденіе факта возвращенія полученныхъ имъ, 21 декабря по мировой сдѣлкѣ, вещей была заподозрѣна какъ въ подлинности подписи, сдѣланной на ней Вознесенскимъ, такъ и въ подлогѣ числа, поправленнаго безъ вѣдома Сулимы, изъ 28 на 20, на основаніи показанія свидѣтельницы Глобовой (л. д. 109) и акта осмотра судебнаго слѣдователя, произведеннаго чрезъ экспертовъ. Такимъ образомъ. и въ виду указанія, сдѣланнаго въ исковомъ прошеніи по сему предмету, суду предстояло соблюсти въ точности порядокъ, установленный ст. 545—565 суд. уст. и въ виду непредставленія Тарбѣевымъ заподозрѣннаго акта вопреки исковаго требованія, слѣдовало признать доказаннымъ тотъ фактъ, что въ день взятія отъ несовершеннолѣтней Сулимы росписки на имя Епанешниковой (20 декабря 1866 г.), спорное имущество находилось въ рукахъ Адамовича, а затѣмъ оставалось у Тарбѣева съ 21 декабря, а слѣдовательно факта залога не существовало и потому росписка та не представлялась уже фиктивною, какъ отобранною отъ Сулимы не вслѣдствіе займа и ссуды, а для обезпеченія дѣятельности Тарбѣева, согласно его желанія, выраженнаго въ письмахъ его, что совершилось подъ вліяніемъ ложныхъ увѣреній, принявшихъ видъ показуемаго обмана. Въ виду сего разрѣшенію суда подлежали слѣдующіе вопросы: а) доказано ли со стороны истицы, что росписка въ 1268 р. на имя Епанешниковой образовалась не вслѣдствіе личнаго займа у нея денегъ, а изъ указанныхъ сдѣлокъ съ Тарбѣевымъ? б) Если доказано, то можетъ ли Анна Сулима, въ виду уплаты Тарбѣевымъ долговъ за попечителя ея, Ладухина и за братьевъ ея, по мировой сдѣлкѣ, не подписанной ни ею, ни попечителемъ Вознесенскимъ и при неисполненіи Тарбѣевымъ своихъ обязанностей, быть признана отвѣтственною въ уплатѣ денегъ Епанешниковой, при требованіи отъ нея залоговаго имущества, удерживаемаго притомъ по такому обязательству, которое не соотвѣтствуетъ законнымъ условіямъ. в) Имѣли ли за симъ отвѣтчики, на основаніи той росписки право распоряжаться объектомъ на правѣ полной собственности и г) сопровождалась ли выдача росписки уголовнымъ обма-

номъ со стороны отвѣтчиковъ, подъ вліяніемъ ложныхъ увѣреній и нравственнаго гнета. Ссылаясь за симъ, что данныя слѣдственнаго производства, какъ признанныя со стороны уголовнаго суда доказанными, требовали обязательнаго обсужденія вопроса о безденежности и убыточности залоговой росписки въ 2168 р., что въ виду нежеланія истицы пользоваться кредиторскими правами по роспискѣ Тарбѣева и въ виду ея сознанія въ полученіи обратно своего обязательства отъ Тарбѣева и представленія таковой въ доказательство безденежности залоговаго обязательства на имя Епанешниковой, слѣдуетъ войти въ обсужденіе значенія ея и силы, какъ необходимое условіе, при требованіи заложеннаго имущества, повѣренный Миловъ, проситъ, отмѣнивъ рѣшеніе Московскаго окружнаго суда, признать отвѣтчиковъ Епанешникову и Тарбѣева обязанными возвратить искомое движимое имущество натурою, въ формѣ ли билетовъ ссудной казны или бриліантовыхъ вещей, съ освобожденіемъ отъ отвѣтственности Анны Сулима въ уплатѣ денегъ 2168 р. по роспискѣ залогодержательницы Епанешниковой, назначивъ предварительно судебный осмотръ для удостовѣренія въ тождествѣ искомаго объекта, въ случаѣ же его измѣненія, или утраты, предоставить право на возмѣщеніе цѣнности въ порядкѣ исполнительномъ, возложивъ на отвѣтчиковъ и судебныя по сему дѣлу издержки, съ направленіемъ дѣла къ г. прокурору, согласно 5 и 8 ст. суд. уст. гр. суд. Изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла судебная палата усматриваетъ, что исковое требованіе Анны Сулимы въ томъ видѣ, какъ оно было заявлено въ исковомъ ея прошеніи, заключалось по отношенію къ отвѣтчицѣ Епанешниковой въ признаніи безденежнымъ долговаго обязательства, выданнаго ею, Епанешниковой 20 декабря 1866 г. въ суммѣ 2168 р. и въ истребованіи отъ нея двухъ квитанцій Московской ссудной казны на заложенныя въ иной принадлежащія ей, Сулимѣ, бриліантовыя вещи, а по отношенію къ отвѣтчику Тарбѣеву въ возвращеніи ему находящейся у истицы безденежной долговой росписки его отъ 8 октября 1866 г. въ 1000 р. Въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе окружнаго суда, повѣренный Сулимы Миловъ, оставляя безъ обжалованія отказъ суда въ удовлетвореніи ходатайства довѣрительницы его о возвращеніи Тарбѣеву долговой росписки послѣдняго, поддерживаетъ требованіе Сулимы объ освобожденіи ее отъ отвѣтственности въ уплатѣ Епанешниковой 2168 р. по

долговому обязательству, отъ 20 декабря 1866 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствуетъ о признаніи Епанешникову и Тарбѣева обязанными возвратить истицѣ бриліантовыя ея вещи, бывшія въ залогѣ Московской ссудной казны по двумъ квитанціямъ, находившимся въ залогѣ у Епанешниковой, а въ случаѣ утраты этихъ вещей предоставить ей, Сулимѣ, стоимость оныхъ доказывать въ исполнительномъ порядкѣ. Это послѣднее ходатайство предъявлено апелляторомъ въ виду объясненія повѣреннаго Епанешниковой о томъ, что требуемыхъ истицею квитанцій ссудной казны у довѣрительницы его не имѣется, такъ какъ она, согласно условію долговаго обязательства Сулимы отъ 20 декабря 1866 г., получила по нимъ вещи изъ ссудной казны и обратила ихъ въ свою собственность на удовлетвореніе долга по тому обязательству. Такимъ образомъ хотя повѣренный Миловъ домогается въ настоящее время возвращенія довѣрительницѣ его, вмѣсто квитанцій ссудной казны, заложенныхъ по онымъ вещей, но домогательство это не составляетъ указываемаго противною стороною нарушенія 332 ст. уст. гр. суд., какъ потому, что измѣненіе исковаго требованія произошло не по произволу истицы, а напротивъ того вслѣдствіе дѣйствія самой отвѣтчицы Епанешниковой, которая полученіемъ вещей изъ ссудной казны по сказаннымъ квитанціямъ поставила Сулиму въ невозможность отыскивать эти квитанціи, такъ и потому, что требованіе вещей, бывшихъ въ залогѣ въ ссудой казнѣ, вытекаетъ изъ заявленнаго въ исковомъ прошеніи требованія самыхъ квитанцій, правило же 332 ст. уст. гр. суд. воспрещаетъ предъявлять только такія новыя требованія, которыя не вытекаютъ непосредственно изъ предъявленныхъ въ исковомъ прошеніи. Что же касается требованія истицы въ случаѣ утраты отыскиваемыхъ ею вещей стоимости оныхъ, то оно, на точномъ основаніи 333 ст. уст. гр., не можетъ быть признано ни увеличеніемъ, ни измѣреніемъ иска. Приступая за симъ къ обсужденію апелляціонной жалобы Милова и останавливаясь прежде всего на разрѣшеніи вопроса о томъ: можетъ ли подлежать удовлетворенію ходатайство истицы объ истребованіи отъ отвѣтчиковъ бриліантовыхъ ея вещей, полученныхъ Епанешниковою по двумъ квитанціямъ изъ ссудной казны, судебная палата находитъ, что Епанешникова право свое на обращеніе означенныхъ вещей въ свою собственность основываетъ на роспискѣ Анны Сулимы, отъ 20 декабря 1866 г., въ силу которой, въ случаѣ неуплаты ею, Суляма, за-

нятыхъ денегъ въ условленный этою роспис憂 срокъ она, Епанешникова, пріобрѣтала право распорядиться билетами ссудной казны на заложенныя вещи какъ своею собственностію. Такой договоръ, представленный повѣреннымъ Епанешниковой въ опроверженіе требованія истицы, представляетъ собою договоръ займа съ закладомъ движимаго имущества. Для совершенія подобнаго рода актовъ закономъ преподаны особыя правила. На основаніи т. X. ч. 1. Св. Зак. гр. договоръ займа съ закладомъ движимаго имущества долженъ быть облеченъ въ письменный актъ по установленной формѣ и удостовѣренъ подписью двухъ свидѣтелей (ст. 1667, 1669 и 1673); закладываемыя вещи предъявляются свидѣтелямъ съ подробною описью и означеніемъ цѣны тѣмъ вещамъ (1070 ст.). Установляя правила о порядкѣ совершенія договоровъ заклада, законодательство опредѣляетъ и послѣдствія нарушенія оныхъ, а также способъ удовлетворенія закладодержателя. По силѣ 1677 и примѣчанія къ 1678 ст. того же тома и части, въ случаѣ неисправности закладчика заимодавецъ пріобрѣтаетъ право получить удовлетвореніе отъ продажи съ публичнаго торга заложеннаго ему имущества. Для осуществленія этого права закладодержатель долженъ не далѣе трехъ мѣсяцевъ, по истеченіи срока договору займа, съ закладомъ движимаго имущества предъявить оный ко взысканію или только для вѣдома нотаріусу (ст. 1077). Продажа заложенныхъ движимыхъ вещей производится съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для взысканія съ движимаго имущества и только при не состоявшихся торгахъ заимодавцу предоставляется право, если пожелаетъ, отданное ему подъ закладъ движимое имущество оставить за собою (ст. 1068 уст. гр. суд.). Изъ приведенныхъ постановленій нашего законодательства относительно договоровъ займа съ закладомъ движимаго имущества нельзя не придти къ несомнѣнному убѣжденію, что закладодержатель при неисправности закладчика получаетъ право на удовлетвореніе изъ находящагося у него въ закладѣ движимаго имущества не иначе какъ въ установленномъ порядкѣ и только въ этомъ случаѣ, если при совершеніи договора заклада соблюдены всѣ предписанныя закономъ правила. Между тѣмъ представленная Епанешниковою сдѣлка, заключенная ею съ истицею Анною Сулима, написана на простой бумагѣ, нигдѣ не явлена и не удостовѣрена свидѣтелями и кромѣ того представляла Епанешниковой право въ случаѣ неуплаты Анною Сулима занятыхъ

ею денегъ, распорядиться какъ своею собственностію двумя билетами ссудной казны за №№ 19,402 и 19,899 на заложенныя бриліантовыя вещи, отданныя ей, Епанешниковой въ обеспеченіе долга, т. е. такое право на распоряженіе закладомъ, которое не признается закономъ за договорами этого рода правильно составленными. По сему, признавая, что при неисправности Анны Сулимы въ уплатѣ долга по сказанной роспискѣ, Епанешникова обязана была обратиться къ законнымъ мѣрамъ взысканія, но не вправѣ была получить удовлетвореніе обращеніемъ въ свою пользу бриліантовыхъ вещей, полученныхъ изъ ссудной казны по квитанціямъ, которыя были отданы ей въ обезпеченіе займа по той роспискѣ и принимая во вниманіе, что по смыслу 457, 458 и 459 ст. уст. гр. суд., *одно сознаніе подлинности документа, представленнаго противною стороною, не можетъ служить полнымъ и безусловнымъ доказательствомъ права сей послѣдней на томъ документѣ ею основываемаго*, судебная палата находитъ, что истица Сулима имѣетъ неотъемлемое право требовать возвращенія своихъ вещей по двумъ билетамъ Московской ссудной казны за №№ 19,402 и 19,889 отданнымъ Епанешниковой въ обезпеченіе долга по роспискѣ 20 декабря 1866 г., а при неоказательствѣ этихъ вещей стоимость оныхъ, сумму которой, въ виду невозможности опредѣлить при настоящемъ положеніи дѣла, слѣдуетъ ей предоставить, согласно 896 ст. уст. доказывать въ исполнительномъ порядкѣ. Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію ходатайства истицы объ освобожденіи ее отъ отвѣтственности въ уплатѣ 2168 р. по долговому обязательству 20 декабря 1866 г., судебная палата находитъ, что повѣренный Миловъ, неотрицая факта выдачи довѣрительницею его означеннаго обязательства на имя Епанешниковой, объясняетъ, что она, будучи несовершеннолѣтнею, была введена при этомъ въ обманъ ложными увѣреніями отвѣтчика Тарбѣева, который уговорилъ ее принять на себя платежъ долга Адамовичу за Лодухина и брата ея Николая и что займа и ссуды фактически не существовало. Но объясненіе это не заслуживаетъ уваженія и не можетъ служить основаніемъ не для признанія долговой росписки Сулимы безденежной, ни для признанія оной выданной съ нарушеніемъ свободы ея согласія и произвола. На основаніи 2017 и 2045 ст. X т. ч. 1, выдача долговыхъ актовъ допускается не только вслѣдствіе займа денегъ, но и по исполненію другихъ денежныхъ обязательствъ вмѣсто

платежа за работу, услуги, товаръ и т. п. Въ сихъ случаяхъ, хотя займа денегъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, не было, но тѣмъ не менѣе долговой актъ признается дѣйствительнымъ и законнымъ, потому что обязательство, изъ котораго оно возникло, соотвѣтствуетъ займу. Въ данномъ случаѣ, по объясненію самаго апеллятора, довѣрительницы его выдала упомянутое долговое обязательство на имя Епанешниковой подъ вліяніемъ убѣжденія отвѣтчика Тарбѣева принять на себя уплату долга Адамовичу за бывшаго ея попечителя и брата, почему ссылка Милова на то, что при выдачѣ обязательства довѣрительница его денегъ не получила, еслибъ она и была доказана, не даетъ законнаго основанія для признанія онаго безденежнымъ, такъ какъ оно возникло *изъ соглашенія истицы относительно удовлетворенія за ея счетъ Адамовича по долгамъ Ладухина и брата ея Николая.* Равнымъ образомъ представляется не основательнымъ и указаніе Милова на то, что при написаніи долговаго обязательства отъ 20 декабря 1866 г. свобода произвола и согласія истицы были нарушены, ибо на основаніи 700 и 701 ст. X т. ч. 1, свобода произвола и согласія при заключеніи договора можетъ быть признана судомъ нарушенною только тогда, когда доказано принужденіе или подлогъ; между тѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ обстоятельства эти не только не подтверждаются данными слѣдственнаго производства, на которыя ссылается апелляторъ, но напротивъ того опровергаются выдачею Анною Сулима росписки съ согласія попечителя ея Вознесенскаго (ст. 220, X т. ч. 1). Что же касается ходатайства повѣреннаго Милова о направленіи настоящаго дѣла, согласно 8 ст. уст. гр. суд., въ виду изобличенія Епанешниковой въ обращеніи въ свою собственность залоговыхъ вещей безъ судебнаго рѣшенія и согласія залогодательницы, то хотя такое дѣйствіе Епанешниковой представляется несогласнымъ съ постановленіемъ гражданскаго права о договорахъ займа съ закладомъ движимаго имущества, *но тѣмъ не менѣе, будучи основано на условіи залоговаго обязательства, оно не заключаетъ въ себѣ признаковъ преступленія присвоенія чужаго имущества* предусмотрѣннаго 1681 и 1682 ст. улож. о нак. и можетъ имѣть лишь послѣдствіемъ имущественную отвѣтственность въ порядкѣ гражданскаго суда. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что Тарбѣевъ не можетъ быть признанъ передъ истицею отвѣтственнымъ лицомъ, на томъ основаніи, что

отыскиваемое ею имущество не находится въ его владѣніи и онъ не состоитъ съ нею ни въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ по роспискѣ отъ 20 декабря 1866 г., составляющей предметъ настоящаго дѣла, судебная палата опредѣляетъ: обжалованную часть рѣшенія Московскаго окружнаго суда отмѣнить, признать купчиху Епанешникову обязанною возвратить Аннѣ Сулимѣ бриліантовыя вещи, бывшія въ залогѣ Московской ссудной казны подъ квитанціями 10 октября 1866 г. за №№ 19,402, и 19,899, а въ случаѣ не оказательства ихъ на лицо, стоимость оныхъ, предоставя Сулимѣ право доказывать сумму стоимости тѣхъ вещей въ порядкѣ исполнительнаго производства—въ требованіи же Сулимы объ освобожденіи ея отъ отвѣтственности въ уплатѣ денегъ 2168 р. с, по роспискѣ отказать; отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ подѣлу издержекъ и вознагражденія за вез деніе дѣла, согласно 870 ст. уст. гр. суд. возложить въ части иска, признанной подлежащею удовлетворенію на отвѣтчицу Епанешникову, а въ остальной части иска на Анну Сулиму.

Рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Взысканіе съ признаннаго несостоятельнымъ несчастнымъ по претензіи не заявленной въ конкурсѣ.

(Толкованіе 1021 ст. т. X ч, 2.).

Извѣстно какой интересъ заключаютъ въ себѣ всѣ указанія могущія служить разъясненіемъ способовъ полученія удовлетворенія съ несостоятельныхъ должниковъ. Надворный совѣтникъ Виноградовъ просилъ столичнаго мироваго судью о взысканіи съ надворнаго совѣтника Новосильцева 300 р. съ процентами, по переданному ему Варенцовымъ заемному письму Новосильцева отъ 28 сентября 1859 г. Новосильцевъ иска правильнымъ не призналъ на томъ основаніи, что въ апрѣлѣ 1860 г. онъ былъ признанъ должникомъ несостоятельнымъ несчастнымъ и всѣ предъявившіе тогда къ нему иски кредиторы были удовлетворены, но былъ ли удовлетворенъ Варенцовъ, онъ не знаетъ. Мировой Судья, руководствуясь 81, 82, 105 и 112 ст. уст. гр. суд., и 1575 и 2020 ст. 1 ч. X т., опредѣлилъ: взыскать съ Новосильцева въ пользу Виноградова 300 р. съ процентами и неустойкою, всего 478 р. 50 к. На это рѣшеніе Матвѣевъ, въ лицѣ Новосильцева принесъ апелляціонную жалобу, при которой, приложивъ копію съ предписанія 3 Департамента Московскаго Надворнаго Суда, отъ 27 марта 1863 г., къ приставу исполнительныхъ дѣлъ Литейной части, изъ которой видно; что Новосильцевъ опредѣленіемъ Сената, изъясненнымъ въ указѣ Московской Палатѣ гражданскаго Суда 12 декабря 1862 г. признанъ несостоятельнымъ—несчастнымъ должникомъ, а затѣмъ ссылаясь на 1008 и 1017 ст. ч. 2

т. X и 1888 и 2000 ст. ч. 2 т. XI уст. торг., просилъ рѣшеніе мироваго судьи отмѣнить и въ искѣ Виноградову отказать. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, мировой съѣздъ нашелъ, что Новосильцевъ признанъ должникомъ несостоятельнымъ несчастнымъ и затѣмъ никакимъ взысканіямъ по обязательствамъ, выданнымъ до его несостоятельности и небывшимъ въ конкурсѣ, подвергаться не можетъ (ст. 1021 ч. 2 X т.), а потому, признавая искъ Виноградова недоказаннымъ по праву и руководствуясь 81 и 129 ст. уст. гр. суд., опредѣлилъ: отмѣнивъ рѣшеніе мироваго судьи, въ искѣ Виноградову съ Новосильцевымъ 489 р. отказать. Это рѣшеніе С.-Петербургскаго Столичнаго Мироваго Съѣзда надворный совѣтникъ Виноградовъ просилъ Правительствующій Сенатъ отмѣнить на томъ основаніи, что съѣздъ неправильно примѣнилъ 1021 ст. т. X ч. 2, ибо по статьѣ сей несчастные должники освобождаются лишь отъ взысканій, налагаемыхъ на должниковъ неосторожныхъ и злостныхъ т. е. отъ ареста и суда, но не отъ платежа тѣхъ долговъ, которые не были въ конкурсѣ, такъ какъ, по 2000 ст. т. XI уст. о торг. несост., съ возстановленіемъ правъ несчастнаго несостоятельнаго, прекращаются съ него требованія тѣхъ только долговъ, которые были въ конкурсѣ; на основаніи же 1017 ст. т. X ч. 2 опредѣляется удовлетвореніе такихъ претензій, которыя не были предъявлены конкурсу и по которымъ не пропущено сроки 10 лѣтней давности. А потому данное Новосильцевымъ обязательство въ 300 р. хотя и не было своевременно предъявлено въ конкурсъ, но на основаніи 1017 ст. т. X ч. 2 и 2000 ст. т. XI, должно подлежать удовлетворенію.

По выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора, принимая во вниманіе, что С.-Петербургскій Столичный Съѣздъ Мировыхъ Судей заключеніе свое о томъ, что должникъ несостоятельный несчастный никакимъ взысканіямъ подвергаться не можетъ по обязательствамъ, выданнымъ до его несостоятельности и небывшимъ въ конкурсѣ, основалъ на 1021 ст. т. X ч. 2, тогда какъ статья сія вовсе не содержитъ въ себѣ правила о порядкѣ и мѣрѣ удовлетворенія тѣхъ долговъ несостоятельнаго несчастнаго должника, кои своевременно не были предъявлены въ конкурсъ, а касается, въ связи съ предыдущими и послѣдующими статьями 3 отдѣл. 12 главы Разд. V т. X ч. 2, лишь опредѣленія свойства несостоятельности и послѣдствій признанія несостоятельнаго должника несчастнымъ, и указываетъ, что

подобный должникъ, по продажѣ и раздѣлѣ на платежъ долговъ всего бывшаго за нимъ имѣнія, никакому болѣе взысканію не подвергается—Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Съѣздъ таковымъ примѣненіемъ къ данному случаю приведенной статьи допустилъ неправильное толкованіе смысла оной, и потому опредѣлилъ: рѣшеніе помянутаго Съѣзда отмѣнить. (Рѣш. гражд. касс. 1870 г. № 48 Сборн. стран. 81). Доказательная сила торговыхъ книгъ въ разъясненіе 470 ст. уст. гражд. суд. Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по содержанію рѣшенія Мироваго Съѣзда и кассаціонной жалобы на оное, разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ вопросъ: правильно ли Съѣздъ, разсмотрѣвъ представленныя по дѣлу торговыя книги купца Киндякова, бывшаго по показанію истцовъ, неоспоренному противною стороною, торговцемъ 2-го разряда, заключилъ, что какъ торговля Киндяковыхъ велась не оптовая, а изъ лавки розничная, то книги эти, безъ росписокъ въ нихъ отвѣтчика, не могутъ быть, по силѣ 470 ст. уст. гр. суд. приняты въ доказательство иска. Это заключеніе Мироваго Съѣзда имѣетъ тотъ смыслъ, какъ о семъ заявлено и въ кассаціонной жалобѣ, что только книги однихъ оптовыхъ торговцевъ могутъ сами по себѣ, безъ росписокъ покупателей, составлять доказательство, а книги всѣхъ прочихъ купцовъ имѣютъ силу доказательства тогда лишь, когда въ нихъ, согласно 470 ст. уст. гр. суд., находятся росписки лицъ, получившихъ значащіеся въ этихъ книгахъ товары или припасы. Но такое примѣненіе 470 ст. не можетъ быть признано правильнымъ, потому что статья эта, при соображеніи оной съ предъидущими 466—469 статьями, очевидно относится къ искамъ противъ лицъ, къ торговому сословію не принадлежащихъ, тогда какъ настоящее дѣло происходило между купцами, и слѣдовательно доказательную силу представленныхъ ими книгъ надлежало опредѣлить не по 470 ст. уст. гр. суд., а по правиламъ устава торговаго. Обращаясь къ этому уставу оказывается, что лица, занимающіяся торговлею, раздѣляются на три разряда: оптовыхъ, розничныхъ и мелочныхъ торговцевъ, и всѣ они должны вести установленныя для каждаго изъ нихъ разрядовъ купеческія (конторскія) книги (ст. 518, 519 и 520). Въ слѣдующей за тѣмъ 529 ст. постановлено, что эти книги, когда они ведены согласно установленнымъ правиламъ, могутъ служить, на основаніи 1620—1630 ст., удостовѣреніемъ и доказательствомъ по дѣламъ, до торгующихъ относящимся. Ука-

занныя же 1620—1630 ст. опредѣляютъ доказательную силу купеческихъ конторскихъ книгъ, т. е. тѣхъ же, о коихъ постановлено въ 519 и 520 ст., и на основаніи 1620—1622, 1625—1629 и 1630 ст. всѣ эти книги, при извѣстныхъ условіяхъ, служатъ доказательствомъ между купцами, при чемъ не сказано, чтобы которыя либо изъ нихъ служили доказательствомъ тогда лишь, когда въ нихъ находятся росписки лицъ, получившихъ товары или припасы. Это послѣднее условіе требуется только въ отношеніи книгъ, содержимыхъ по образцу купеческихъ, а также реестровъ, счетовъ и росписокъ, о которыхъ говорится въ особыхъ, слѣдующихъ за вышеозначенными 1610—1630 ст. отдѣленіяхъ, именно въ 1635—1645 ст. Изъ сего слѣдуетъ, что по уставу торговому въ дѣлахъ между лицами торговаго сословія доказательствомъ могутъ служить сами по себѣ не только книги оптовыхъ торговцевъ, какъ это признано Мировымъ Съѣздомъ по настоящему дѣлу, но и указанныя въ 519 и 520 ст. уст. торг. книги торговцевъ розничныхъ и мелочныхъ, хотя бы въ нихъ и не было росписокъ лицъ, получившихъ товары или припасы, если только книги эти ведены согласно установленному порядку. По симъ соображеніямъ находя, что Каширскій Мировой Съѣздъ, основавъ свое рѣшеніе на 470 ст. уст. гр. суд., и упустивъ изъ виду постановленія устава торговаго о доказательной силѣ купеческихъ книгъ въ дѣлахъ между лицами торговаго сословія, поступилъ несогласно съ точнымъ смысломъ законовъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе сего Съѣзда, по допущенному въ оном нарушеніи 470 ст. уст. гр. суд. отмѣнить. (Рѣш. кас. 1870 г. № 142 стран. сборн. 259). Заборъ товаровъ изъ лавки можетъ быть подтверждаетъ свидѣтельскими показаніями, но не долгъ образовавшійся отъ забора товаровъ. Разъясненіе 409 ст. уст. гр. суд. По выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что во многихъ рѣшеніяхъ Сената объяснено уже, что свидѣтельскія показанія, по силѣ 409 ст. уст. гр. суд. и 710 ст. т. X ч. I, могутъ быть принимаемы за доказательство лишь факта забора товаровъ, но не долга, отъ таковаго забора проистекающаго, такъ какъ долгъ сей, по точной силѣ 2045 ст. т. X ч. I, долженъ быть удостовѣренъ письменнымъ доказательствомъ. Въ настоящемъ дѣлѣ не было спора собственно о фактѣ забора товара, а оспаривался лишь долгъ, отыскиваемый по забору товара, и посему свидѣтельскія показанія не могли быть

допущены въ подтвержденіе иска. Находя такимъ образомъ, что Ржевскій съѣздъ мировыхъ судей въ рѣшеніи по разсмотренному дѣлу нарушилъ 409 ст. уст. гр. суд. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе сіе отмѣнить. (Р. К. 1870 г. № 221 стран. Сборн. 395). Извѣстно насколько биржевая спекуляція ввела въ обыкновеніе сдѣлки о продажѣ бумагъ на сроки, вотъ почему всякое указаніе ни судебное рѣшеніе по поводу таковыхъ сдѣлокъ не лишено интереса. Выслушавъ заключеніе товарища оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ нашелъ объясненіе присяжнаго повѣреннаго Баримецкаго, что С.-Петербургская Судебная Палата, признавъ искъ его довѣрителя съ безсрочно-отпускнаго унтеръ офицера Ѳедорова убытковъ 1,959 р. съ процентами недоказаннымъ, нарушила 416, 418, 569 и 570 ст. 1 ч. X. т. зак. гр., не заслуживающимъ уваженія. Въ виду письменнаго обязательства, которымъ Ѳедоровъ продалъ Казарину 75 билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа по 154 р., съ тѣмъ что билеты сіи должны быть сданы покупщику по его усмотрѣнію въ теченіи времени отъ 3 по 30 марта 1869 г. по вышеозначенной цѣнѣ съ предувѣдомленіемъ продавца Казариннымъ за 5 дней, и при отсутствіи спора со стороны Ѳедорова о неисполненіи имъ принятой на себя обязанности, Судебная Палата признала отвѣтчика Ѳедорова, за силою 684 ст. 1 ч. X т. зак. гр., обязаннымъ вознаградить истца Казарина за вредъ и убытки, причиненные ему таковымъ упущеніемъ. Слѣдовательно, относительно основанія иска Казарина, Палата постановила рѣшеніе, нисколько не противорѣчащее 416 и 418 ст. и вполнѣ согласное съ 569 и 570 ст. 1 ч. X т. зак. гр. Обращаясь затѣмъ, къ количеству понесеннаго Казариннымъ убытка, которое истецъ опредѣлилъ, разницею между условною цѣною (154 р.) и среднею цѣною (180 р.) билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа, стоявшею на С.-Петербургской биржѣ 7 мая 1869 года. Судебная Палата признала дѣйствительность этаго убытка недоказаннаго къ этому послѣднему выводу привела Палату слѣдующія два соображенія: 1) Истецъ не удостовѣрилъ, что онъ по неисполненію Ѳедоровымъ своего обязательства, купилъ билеты внутренняго 5% съ выигрышами займа у кого либо другаго, за высшую цѣну; 2) за необозначеніемъ въ обязательствѣ Ѳедорова ни нумеровъ, ни серій бумагъ, онъ имѣлъ право сдать таковыя безразлично изъ всей массы выпущенныхъ въ обращеніе билетовъ означеннаго выше займа, не исключая и

тѣхъ, которые могли войти при бывшемъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 г. тиражѣ погашенія, и которые, согласно положенію о 2-мъ займѣ 14 февраля 1866 г. уплачиваются три мѣсяца послѣ тиража не болѣе какъ 120 руб.,—цѣна гораздо ниже той, которая условлена была между Казаринымъ и Ѳедоровымъ. Соображенія сіи какъ основанныя на оцѣнкѣ содержанія обязательства Ѳедорова и обстоятельствъ коими сопровождалось его неисполненіе, касаются, очевидно, фактической стороны дѣла, и потому не могутъ, за силой 5 ст. учр. суд. уст., подлежать повѣркѣ кассуціоннаго суда. По симъ основаніямъ, и согласно 186 ст. уст. гр. суд. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу Воронецкаго оставить безъ послѣдствій. (Это рѣшеніе напечатано въ сборн. 1870 г. подъ № 675 стран. 1187).

Переходимъ къ рѣшеніямъ разъясняющимъ смыслъ процессцальныхъ постановленій. Порядокъ представленія доказательствъ разъясненіе 57 ст. уст. гражд. суд. Въ Одоевскомъ мировомъ съѣздѣ разсматривалось дѣло по иску мѣщанки Авдотьи Лѣсновой съ крестьянъ Семена и Александра Серебренниковыхъ 300 руб. по сохранной росписки, а также процентовъ и убытковъ съ перваго изъ нихъ 158 руб. 86 коп. По докладѣ дѣла Лѣснова просила принять отъ нея письменныя доказательства въ подкрѣпленіе ея иска объ убыткахъ, понесенныхъ ею по предшедствовавшему производству, но предсѣдателемъ въ этомъ ей было отказано, такъ какъ письменныя доказательства должны быть представляемы до дня засѣданія, а не въ самый день засѣданія.... Въ рѣшеніи Сената по этому дѣлу находимъ слѣдующее: хотя 57 ст. уст. гр. суд. и обязываетъ истца, основывающаго свои требованія на письменныхъ доказательствахъ представлять ихъ при подачѣ исковой просьбы и во всякомъ случаѣ не позже двухъ часовъ по полудни наканунѣ дня, назначеннаго для явки въ судъ, но эта статья относящаяся только до исковаго прошенія и до тѣхъ письменныхъ доказательствъ, на которыхъ лицо, начинающее искъ, основываетъ свои требованія не лишаетъ тяжущихся права, въ продолженіе всего производства дѣла, представлять новыя всякаго рода доказательства, если, въ виду раскрывающихся предъ судомъ обстоятельствъ дѣла, признаютъ это нужнымъ въ подтвержденіе своихъ требованій или возраженій. Это право тяжущихся вытекаетъ какъ изъ общаго духа устава гражданскаго судопроизводства, по началамъ котораго никто не можетъ быть лишенъ

средствъ судебной защиты, такъ и изъ самыхъ постановленій о письменныхъ доказательствахъ, ибо, по ст. 105, всякаго рода акты принимаются въ соображеніе при рѣшеніи дѣла; по ст. 129, судья принимаетъ въ соображеніе всѣ приведенныя по дѣлу обстоятельства, а на основаніи 456 ст. ни одинъ изъ письменныхъ актовъ, представленныхъ въ судъ, не можетъ быть имъ отвергнутъ безъ разсмотрѣнія. Въ этомъ еще болѣе утверждаетъ статья 331 положительно дозволяющая представленіе новыхъ доказательствъ даже при словесномъ состязаніи сторонъ. Правило это имѣетъ силу въ судахъ не только первой, но и второй инстанціи (ст. 777), и согласно сему, въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената было неоднократно объясняемо о правѣ тяжущихся представлять новыя доказательства и при апелляціонномъ производствѣ (Сборн. рѣш. 1867 г. № 35, 156, 244, 522; 1868 г. № 52; 1869 г. № 412, и др.). По симъ основаніямъ признавая, что Одоевскій мировой съѣздъ, отказавъ въ принятіи письменныхъ доказательствъ Лѣсновой подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ были представлены съ самый день засѣданія, и затѣмъ, признавъ искъ Лѣсновой убытковъ, въ подтвержденіе котораго и были ею представляемы тѣ документы, неподкрѣпленнымъ никакими доказательствами, лишилъ Лѣснову законнаго средства судебной защиты, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе сего съѣзда, по нарушенію 105 и 331 ст. уст. гр. суд. отмѣнить.... (Р. К. 1870 г. № 98. Сборн. стран. 176).

Ст. 584 уст. гражд. суд. содержитъ въ себѣ правило соблюденіе котораго обязательно и для мировыхъ судебныхъ учрежденій. Вотъ что между прочимъ сказано въ рѣшеніи Сената: Нельзя также признать заслуживающею уваженія и жалобу священника Оболенскаго на то, что мировой съѣздъ возбудилъ вопросъ о давности, несмотря на то, что ни истецъ, ни отвѣтчикъ о томъ не заявили, ибо въ искахъ о возстановленіи владѣнія, продолжительностью оспариваемаго владѣнія опредѣляется подсудность дѣла или мировымъ установленіямъ или общимъ судебнымъ мѣстамъ, то есть самые роды сихъ дѣлъ, а по 584 ст. уст. гр. суд. вопросы о подсудности дѣлъ, по роду оныхъ возбуждаются самимъ судомъ, независимо отъ отводовъ со стороны тяжущихся и т. д. (Р. К. 1870 г. № 454 Сборн. стр. 810).

Примѣненіе 246 ст. уст. гр. суд. Вотъ что между прочимъ находимъ въ рѣшеніи сената: Изъ соображенія жалобы Кольцова съ обстоятельствами дѣла и законами оказывается, что

ст. 146 п. 1 уст. гр. суд. воспрещаетъ неграмотнымъ быть повѣренными въ новыхъ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Цѣль сего ограниченія очевидна. Повѣренный, представляя на судѣ своего довѣрителя, обязанъ совершить за него и отъ имени его всѣ судебныя дѣйствія, направленныя къ защитѣ его правъ. Такимъ образомъ на повѣренномъ, какъ на представителѣ своего довѣрителя, лежитъ обязанность не только непрерывно слѣдить за судебнымъ ходомъ дѣла, но подавать прошенія и жалобы, представлять требуемыя судомъ по дѣлу объясненія и словесно состязаться съ противною стороною, словомъ совершать всѣ судопроизводственныя дѣйствія въ пользу лица, ввѣрившаго ему огражденіе своихъ интересовъ. Очевидно, что дѣйствительно полезнымъ представителемъ своего довѣрителя на судѣ, въ виду предоставляемаго состязательнымъ процессомъ непосредственнаго участія самихъ тяжущихся въ ходѣ и направленіи тяжбы, можетъ быть только лицо грамотное, ибо недостатокъ необходимыхъ дѣловыхъ познаній, которыхъ и предполагать невозможно у лица безграмотнаго, можетъ усложнить судебное производство и причинить вредъ самому довѣрителю. Но законъ не стѣсняетъ частныхъ лицъ въ выборѣ повѣреннаго далѣе предѣловъ необходимыхъ для обезпеченія какъ правильнаго хода судебнаго производства, такъ и интересовъ самихъ тяжущихся. Воспрещая неграмотнымъ быть повѣренными въ судебныхъ дѣлахъ, законъ не ограничиваетъ частныхъ лицъ въ выборѣ даже неграмотнаго уполномоченнаго, съ представленіемъ ему права выбрать повѣреннаго, отвѣчающаго всѣмъ условіямъ, требуемымъ закономъ и передать данное ему довѣрителемъ право представительства на судѣ. Ограниченіе частныхъ лицъ въ выборѣ неграмотнаго повѣреннаго съ правомъ передовѣрить свое право лицу, который по закону можетъ быть повѣреннымъ, представляло бы ничѣмъ не оправдываемое стѣсненіе, въ особенности для крестьянскихъ обществъ, живущихъ въ далекомъ разстояніи отъ Окружныхъ Судовъ, которыя, по ст. 27 уст. гр. суд. и ст. 24 примѣч. 1 общаго положенія о крестьян. т. IX по прод. 1863 г., могутъ искать и отвѣчать на судѣ въ лицѣ особаго повѣреннаго уполномоченнаго мірскимъ сходомъ. Естественно, что крестьянскій сходъ на мѣстѣ можетъ только выбрать изъ своей среды лицо, которому они имѣютъ довѣріе и которое знаетъ обстоятельства дѣла, съ правомъ передовѣрить представительство на судѣ другому по его избранію лицу и т. д.... (Р. К. 1870 г. № 900 стран. Сборн. 1520).

Удаленіе мировымъ судьею тяжущагося; примѣненіе 67 ст. учр. суд. устан. Вотъ что между прочимъ находимъ въ рѣшеніи Сената по этому предмету. Обращаясь затѣмъ къ жалобѣ Сенявина на удаленіе его мировымъ судьею изъ присутствія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по 67 ст. учр. суд. устан., всѣ находящіеся при разборѣ дѣлъ мировымъ судьею обязаны соблюдать правила благопристойности, порядокъ и тишину, безпрекословно подчиняясь въ этомъ отношеніи распоряженіямъ мироваго судьи. Въ данномъ случаѣ это предписаніе закона не было Сенявинымъ исполнено, ибо употребленное имъ слово «вретъ» нельзя вообще признать приличнымъ, а произнесенное человѣкомъ его званія *) и въ присутствіи суда оно очевидно нарушаетъ правила благопристойности. Посему мировой судья, совершенно согласно съ приведенной 67 статьею, остановилъ Сенявина напоминаніемъ выражаться умѣреннѣе; но Сенявинъ вмѣсто того чтобы, согласно этой статьѣ, подчиниться безпрекословно сему распоряженію судьи, началъ ему возражать и какъ видно изъ самой жалобы Сенявина, повторялъ свои возраженія неоднократно; въ каковомъ случаѣ, та же 67 ст. давала судьѣ право приговорить Сенявина къ денежному взысканію до 3 руб. и даже удалить его изъ присутствія. Такимъ образомъ удаленіе Сенявина мировымъ судьею не можетъ быть признано превышеніемъ власти, предоставленной судьѣ упомянутою 67 ст., какъ это полагаетъ Сенявинъ. Но при семъ Правительствующій Сенатъ считаетъ нужнымъ предоставить Липецкому мировому съѣзду объяснить мировому судьѣ Бартеневу, что удаленіе изъ присутствія лица, участвующаго въ дѣлѣ, есть такая мѣра, къ которой судья долженъ прибѣгать съ особенною осмотрительностію и лишь въ крайнихъ случаяхъ, такъ какъ этимъ тяжущійся лишается возможности представить судьѣ свои словесныя объясненія, т. е. лишается права судебной защиты. Это видно изъ самой редакціи означенной 67 ст. въ которой сказано, что, за повтореніе, судья можетъ приговорить къ денежному взысканію отъ 25 к. до 3 р. и даже удалить неповинующихся изъ присутствія. Слова: «и даже» показываютъ, что законъ удаленіе изъ присутствія считаетъ самою строгою изъ мѣръ, указанныхъ въ 67 ст., а изъ сего слѣдуетъ, что справедливость требуетъ при-

*) Полковникъ.

бѣгать къ этой мѣрѣ тогда уже, когда другія мѣры окажутся безуспѣшными. Въ этомъ вполнѣ убѣждаютъ относящіяся къ сему предмету правила о предсѣдателяхъ мировыхъ съѣздовъ и общихъ судебныхъ мѣстъ, изложенныя въ 68 и 155—159 ст. учр. суд. устан. на основаніи коихъ, въ случаѣ нарушенія правилъ благопристойности, порядка и тишины постороннимъ лицомъ, предсѣдатель можетъ съ перваго раза удалить его изъ присутствія (ст. 155), но когда это сдѣлано лицомъ участвующимъ въ дѣлѣ или его повѣреннымъ, то предсѣдатель можетъ сперва сдѣлать виновному предостереженіе или выговоръ, предваривъ, что въ случаѣ повторенія сего онъ будетъ удаленъ изъ присутствія и дѣло рѣшится безъ его словесныхъ объясненій; а за тѣмъ уже, при повтореніи тѣхъ же нарушеній, виновный можетъ быть удаленъ изъ присутствія (ст. 157 и 158). Но если въ отношеніи удаленія тяжущихся изъ присутствія, законъ требуетъ такой осторожности отъ предсѣдателя цѣлаго присутствія, то тѣмъ болѣе долженъ быть въ томъ осмотрителенъ мировой судья, замѣняющій своимъ лицомъ присутствіе суда, такъ какъ изъ приведенныхъ выше статей видно, что, по охраненію порядка въ судѣ, законъ предоставляетъ одноличному мировому судьѣ менѣе власти, нежели предсѣдателю. (К. Р. 1870 г. № 490 Сборн. стран. 878).

Переходимъ къ рѣшеніямъ служащимъ разъясненіемъ договорнаго права. Передача заемнаго письма безграмотнымъ можетъ быть совершена безъ участія нотаріальнаго засвидѣтельствованія и при отсутствіи спора со стороны безграмотнаго считается достаточнымъ полицейское удостовѣреніе. Въ разъясненіе 2063 ст. X т. 1 ч. Вышневолоцкій мировой съѣздъ, разсмотрѣвъ по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго мѣщанина Путилова дѣло о взыскиваемыхъ его довѣрителемъ съ подпоручика Аносова 202 р. 30 к. по заемному письму, дошедшему къ нему по передаточной надписи отъ Васильевой, нашелъ, что передаточная надпись на этомъ заемномъ письмѣ, по безграмотству Васильевой, сдѣлана мѣщаниномъ Филатовымъ, которая засвидѣтельствована помощникомъ полицейскаго пристава, но безъ удостовѣренія, что при этомъ находилась Васильева и что по ея просьбѣ сдѣлана передаточная надпись. Между тѣмъ, въ виду ст. 2059 т. X ч. 1, которая требуетъ засвидѣтельствованія передаточной надписи присутственнымъ мѣстомъ или нотаріусомъ, въ виду безграмотности Васильевой, и въ виду данныхъ предъявленныхъ должни-

комъ объ уплатѣ долга, соблюденіе этой формальности представляется необходимымъ. Хотя ст. 2063 т. X ч. 1 допускаетъ взысканіе по обязательствамъ и безъ засвидѣтельствованія передаточной надписи, но это можетъ быть допущено въ томъ случаѣ, когда надпись сдѣлана самимъ заимодавцемъ. По симъ основаніямъ съѣздъ опредѣлилъ: согласно рѣшенію мироваго судьи въ искѣ Путилову отказать. Вотъ что между прочимъ содержится въ рѣшеніи Сената по этому случаю. Передача права по долговымъ обязательствамъ отъ заимодавца другому лицу совершается посредствомъ передаточной надписи на заемномъ письмѣ. Отъ усмотрѣнія и взаимнаго соглашенія, лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ передачи, зависитъ свидѣтельствовать нотаріальнымъ порядкомъ или не свидѣтельствовать передаточную надпись, и соблюденіе или несоблюденіе сего порядка не имѣетъ вліянія на обязательную силу юридической сдѣлки, и только въ случаѣ несостоятельности должника, взысканіе производится по правиламъ, кои постановлены въ отношеніи неявленныхъ долговыхъ заемныхъ писемъ (ст. 2039, 2053 и 2063 т. X ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что въ томъ случаѣ, когда заимодавецъ, уступающій свое право, безграмотенъ, не требуется чтобы подпись лица учинившаго за безграмотнаго, по его довѣрію, передаточную надпись, свидѣтельствовалась нотаріальнымъ порядкомъ. Надпись эта можетъ быть засвидѣтельствована на общемъ основаніи полиціею и чрезъ это не теряетъ своей обязательной силы, если заимодавецъ не возражаетъ, что передаточная надпись учинена, вмѣсто него, безъ его вѣдома и довѣрія (ст. 816 и 919 т. X ч. 1). Такъ и въ предлежащемъ случаѣ заемное письмо Аносова передано, было безграмотною Васильевой по передаточной надписи, учиненной по ея довѣрію Филатовымъ, подпись котораго засвидѣтельствована мѣстною полиціею; Васильева во время производства дѣла, не отрицала дѣйствительности передаточной надписи, учиненной Филатовымъ по ея довѣрію, а потому съѣздъ, отказавъ Путилову въ правѣ на взысканіе денегъ по заемному письму, ему уступленному, на этомъ основаніи, что передаточная надпись незасвидѣтельствована нотаріальнымъ порядкомъ, допустилъ неправильное толкованіе ст. 2063 т. X ч. 1, такъ какъ законъ не требуетъ безусловнаго соблюденія сей формальности для дѣйствительности юридической сдѣлки о переуступкѣ долговыхъ обязательствъ. Вслѣдствіе этого рѣшеніе съѣзда было отмѣнено. (Р. К. 1870 г. № 177 Сборн. стран. 323).

О взысканіи со срочнаго поручителя по заемному письму, въ разъясненіе 1560 ст. X т. ч. 1. Извѣстно что порядокъ обращенія къ срочному поручителю благодаря неполнотѣ закона представлялъ затрудненіе для практиковъ. Вотъ почему рѣшеніе Сената полагающее конецъ подобнымъ недоразумѣніямъ заслуживаетъ большаго вниманія. Вотъ что между прочимъ находимъ въ рѣшеніи Сената.... законы наши допускаютъ два вида поручительства простое и срочное. Различіе между этими двумя видами поручительства состоитъ въ томъ, что простой поручитель въ платежѣ суммы отвѣтствуетъ, только тогда, когда все имущество признаннаго несостоятельнымъ должникомъ будетъ подвергнуто продажѣ, вырученныя за оное деньги распредѣлены будутъ между заимодавцами по установленному въ законѣ порядку и затѣмъ окажется, что суммы сихъ денегъ недостаточно для удовлетворенія долга (ст. 1558 т. X ч. 1. по прод. 1863 г.). Иная отвѣтственность наступаетъ для поручителя въ томъ случаѣ, когда онъ принялъ на себя ручательство въ платежѣ суммы на срокъ. Въ ст. 1560 т. X. ч. 1 постановлено: если поручительство дано на срокъ, то поручитель отвѣтствуетъ во всемъ капиталѣ и слѣдующихъ на оный процентахъ, точно также какъ и самый должникъ, коль скоро сей послѣдній въ срокъ не заплатилъ; но онъ отвѣтствуетъ только тогда, когда обязательство не далѣе, какъ въ мѣсяцъ, представлено будетъ, куда надлежитъ, ко взысканію; въ противномъ случаѣ поручитель освобождается отъ платежа по обязательству какъ процентовъ, такъ и самаго капитала. Буквальный смыслъ сей статьи ясенъ и не допускаетъ двоякаго толкованія. На основаніи ст. 1560 т. X ч. 1 отвѣтственность срочнаго поручителя обусловливается неплатежомъ должникомъ въ срокъ долга и представленіемъ заимодавцемъ обязательства ко взысканію, куда надлежитъ, на срочнаго поручителя, не далѣе какъ въ мѣсяцъ по наступленіи срока исполненія обязательства, не дожидаясь признанія должника несостоятельнымъ и не доискиваясь причины его неисправности. Изъ сего слѣдуетъ, что срочный поручитель, въ случаѣ неплатежа должникомъ въ срокъ долга, отвѣчаетъ на равнѣ съ должникомъ предъ кредиторомъ, и что сей послѣдній, въ случаѣ неисправности должника въ правѣ, не обращаясь сперва къ нему съ требованіемъ, обратить взысканіе прямо и непосредственно противъ поручителя, такъ какъ съ момента просрочки обязательства, срочный поручитель, собственно ру-

чавшійся въ томъ, что должникъ заплатитъ въ срокъ, и что въ противномъ случаѣ онъ платитъ за него, дѣлается точно такимъ же отвѣтственнымъ лицомъ, какъ и самъ должникъ. Признать противное, т. е., что срочный поручитель можетъ уклоняться отъ платежа долга, обезпеченнаго срочнымъ поручительствомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что кредиторъ не обращался первоначально съ требованіемъ къ должнику, значило бы измѣнить значеніе срочнаго поручительства и приравнять его къ простому поручительству. Законъ говоритъ, что коль скоро должникъ не заплатилъ въ срокъ, срочный поручитель отвѣчаетъ какъ самый должникъ. Буквальный смыслъ этихъ словъ закона показываетъ, что заимодавецъ можетъ обратиться за уплатою долга къ поручителю помимо должника, и что это составляетъ право кредитора, вытекающее изъ существа срочнаго поручительства. Требовать же отъ заимодавца, чтобы онъ предварительно обращенія за удовлетвореніемъ по обязательству, обезпеченному срочнымъ поручительствомъ, къ должнику, было бы не согласно съ буквальнымъ смысломъ закона, и притомъ такое требованіе было бы само по себѣ несправедливо, ибо поставило бы кредитора въ положеніе утратить свое право, обезпеченное поручительствомъ, вслѣдствіе истеченія мѣсяца со дня просрочки обязательства, по случаю розыска мѣстожительства должника, возникшаго спора о подсудности и по другимъ причинамъ (К. Р. 1870 г. № 516 сборн. стран. 911 и слѣд.).

Съ договоромъ ссуды весьма рѣдко встрѣчаешься въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ. Вотъ какимъ образомъ квалифицируется этотъ договоръ въ одномъ рѣшеніи Сената: Въ настоящемъ дѣлѣ Саблинъ отдалъ по договору 4 марта 1867 г. Шахову билетъ внутренняго займа безъ вознагражденія, и для извѣстнаго употребленія, а именно: для залога въ контору государственнаго банка съ условіемъ возвращенія, къ опредѣленному сроку тѣхъ же билетовъ. Договоръ этотъ заключаетъ въ себѣ всѣ признаки закономъ установленные, для признанія акта договоромъ ссуды, а не займа (Р. К. 1870 г. № 721 сборн, стран. 1247).

Извѣстны стѣснительныя формальности установленныя въ законѣ для совершенія заемныхъ обязательствъ съ закладомъ движимыхъ имуществъ, извѣстно также, что эти правила рѣдко примѣняются. Вотъ почему рѣшеніе Сената по поводу не формальнаго акта займа съ закладомъ въ виду распространеннаго употребленія этого рода договоровъ не лишено интереса. Москов-

скій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ выдалъ дочери коллежскаго секретаря Маргаритѣ Владыкиной росписку въ томъ, что 30 іюля 1864 года заняла она у него 100 руб., проценты за одинъ мѣсяцъ заплатила, а въ обезпеченіе этихъ денегъ взялъ онъ у нее лисій салопъ и браслетъ осыпанный брилліантами, по полученіи же имъ за эти вещи денегъ сполна съ процентами, обязанъ возвратить всѣ вещи и въ томъ самомъ видѣ, какъ получилъ. Росписка эта передана Владыкиною, по надписи, отцу ея, который въ августѣ мѣсяцѣ 1869 года просилъ Московскаго столичнаго мироваго судью Кузнецкаго участка истребовать отъ Иванова заложенныя у него вещи, съ тѣмъ, что Владыкинъ заплатилъ ему занятыя дочерью деньги съ процентами, а въ случаѣ утраты вещей взыскать съ Иванова 500 руб. Ивановъ призналъ росписку за свою, но объявилъ, что она не имѣетъ силы, ибо совершена не нотаріальнымъ порядкомъ, какъ это требуется для займовъ съ закладомъ, что заемъ былъ сдѣланъ на одинъ мѣсяцъ, какъ видно изъ росписки, что, по прошествіи мѣсяца, Владыкина продала эти вещи Иванову, и что вещей тѣхъ уже у него нѣтъ. Владыкинъ возразилъ, что дочь его вещей не продавала и уменьшилъ искъ до 400 руб. Мировой судья нашелъ, что Ивановъ обязался распискою возвратить вещи по уплатѣ занятой у него суммы съ процентами, что въ росписке никакого срока этой уплаты не назначено, что, въ силу условія, Ивановъ долженъ быть признанъ обязаннымъ выдать означенныя вещи, но какъ ихъ у него не оказалось, то долженъ вознаградить Владыкина стоимостью оныхъ, за вычетомъ занятой суммы съ процентами, ибо продажа принятыхъ подъ залогъ вещей могла быть произведена только съ публичнаго торга, установленнымъ для сего порядкомъ (1677 и примѣч. къ 1678 ст. X т. I ч.), объясненіе же отвѣтчика о продажѣ ему вещей Владыкинымъ ничѣмъ не подкрѣплено и опровергается представленною распискою. Посему, руководствуясь рѣшеніями Правительствующаго Сената 1867 года № 212 и 1868 года № 340, а также 81, 105 и 129 ст. Уст. гр. суд. Мировой судья рѣшилъ взыскать съ Иванова въ пользу Владыкина 400 руб., а за вычетомъ 100 руб. съ процентами, остальные 271 руб. 83 к. Ивановъ въ апелляціонной жалобѣ повторилъ прежнія объясненія и, считая росписку не дѣйствительною, просилъ отмѣнить рѣшеніе мироваго судьи. Московскій столичный мировой съѣздъ 2-го округа нашелъ, что Владыкинъ старается придать представленной имъ

роспискѣ свойство закладнаго документа и на основаніи онаго домогается съ Иванова возврата заложенныхъ у него вещей, или вознагражденія за нихъ по произвольной оцѣнкѣ 400 руб., но какъ росписка не соотвѣтствуетъ тѣмъ формамъ, которыя опредѣлены въ 1669—1673 ст. X т. I ч. для написанія подобнаго рода актовъ, вслѣдствіе чего она и не можетъ быть признана за закладную на движимое имущество или за долговое заемное письмо съ закладомъ движимаго имущества, то, на основаніи приведенныхъ законовъ и 81, 105, 129 и 456 ст. уст. гр. суд., мировой съѣздъ, отмѣнивъ рѣшеніе мироваго судьи, въ искѣ Владыкину отказалъ. Владыкинъ проситъ объ отмѣнѣ сего рѣшенія по слѣдующимъ причинамъ: 1) отвергая право просителя требовать возврата вещей по одной неформальности договорной росписки, тогда какъ, за признаніемъ отвѣтчика въ принятіи вещей въ закладъ и не возвращеніе оныхъ, не требовалось письменныхъ доказательствъ въ удостовѣреніе сего права, Мировой Съѣздъ нарушилъ 112 ст. Уст. Гр. Суд; 2) неформальность договора не влечетъ за собою недѣйствительности онаго и не отнимаетъ у договора, сознаннаго подлиннымъ, ни доказательной ни исполнительной силы; но Съѣздъ отнесся къ дѣлу формально, не имѣя въ виду спора о признакахъ закладныхъ вещей, отвергъ договоръ за отсутствіемъ описи на закладъ которой нужна лишь въ случаѣ подмѣна вещей, чѣмъ нарушилъ 1676 ст. X т (ч.; 3) Съѣздъ, имѣя въ виду сознаніе закладопринимателя о невозвратѣ заклада, не возбудилъ, согласно 8 ст. Уст. Гр. Суд. преслѣдованія Иванова за утайку, присвоеніе и растрату имъ заклада, на основаніи 1675 ст. Улож. о Наказ. чѣмъ нарушилъ 8 ст. Уст. Гр. Суд.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что Мировой Съѣздъ отказалъ Владыкину въ искѣ единственно на томъ основаніи, что представленная имъ росписка составлена не по формѣ установленной для закладныхъ на движимое имущество, или заемныхъ писемъ съ закладомъ такого имущества. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Владыкинъ въ своей кассаціонной жалобѣ, одна неформальность акта, если онъ неоспаривается въ подлинности, не составляетъ еще основанія къ признанію его недѣйствительнымъ, ибо по 460 ст. Уст. Гр. Суд., актъ, непризнанный въ силѣ крѣпостнаго или явочнаго, сохраняетъ силу домашняго акта. Поэтому Мировой Съѣздъ, не признавъ представленную Владыкинымъ росписку за закладную ни движимое имущество, ни за-

емнымъ обязательствомъ съ закладомъ движимаго имущества, къ числу которыхъ она впрочемъ и не могла быть отнесена не только въ формѣ ея, но и потому, что росписка эта выдана не отъ заемщика заимодавцу, какъ это бываетъ при закладахъ, а отъ заимодавца заемщику, обязанъ былъ, согласно 105, 129, 456 и 460 ст. Уст. Гр. Суд, опредѣлить значеніе и силу росписки какъ домашняго акта и уже на этомъ основаніи постановить рѣшеніе Признавая такимъ образомъ что Московскій Столичный Мировой Съѣздъ 2 Округа, при рѣшеніи настоящаго дѣла, поступилъ вопреки закона, правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: по допущенному нарушенію смысла 460 ст. Уст. Гр. Суд. рѣшеніе сего Съѣзда отмѣнить..... (это рѣшеніе напечатано въ Сборн. рѣш. За 1870 г. подъ № 217 стран. 389 и слѣд.). Рѣшеніе, служащее. раздѣленіемъ дѣлъ примѣненія на практикѣ 1545 и 1547 ст. X т. 1 ч. Примѣненіе этихъ статей въ судебной практикѣ не разъ возбуждало сомнѣніе относительно формы въ которой можно было бы видѣть дѣйствительное отступленіе стороны отъ своего права требовать исполненіе договора.

Урядникъ Василій Чертковъ заключилъ 3 Іюня 1868 г. съ крестьяниномъ Тимофеемъ Переверзевымъ домашнее условіе, по которому сей послѣдній обязался отдать Черткову на коммиссію шерсть для продажи оной на Нижегородской ярмаркѣ, принимая на свой счетъ всѣ расходы перевозки. За коммиссію Чертковъ долженъ былъ получить по 1 руб. съ пуда, а Переверзеву выдать по перевозкѣ шерсти, по 2 руб. съ пуда, а остальныя деньги по продажѣ шерсти. Изъ условія этого видно, что Переверзевъ получилъ въ задатокъ 600 руб. Переверзевъ раздумалъ отдавать Черткову на коммиссію шерсть и возвратилъ полученные имъ отъ него 600 руб. Вслѣдствіе сего Чертковъ предъявилъ къ Переверзеву искъ у Мироваго Судьи 2 участка Пятигорскаго уѣзда и просилъ взыскать съ отвѣтчика какъ условленныя деньги за коммиссію въ количествѣ 350 руб., такъ и данный имъ самимъ въ задатокъ за занятыя имъ 7 фуръ по 5 руб. за каждую, всего же 385 рублей. Мировой Судья присудилъ Черткову съ Переверзева 35 руб. за фуры, въ остальномъ же искѣ его отказалъ. Пятигорскій Мировой Съѣздъ, имѣя въ виду, что Чертковъ не оспариваетъ того, что онъ данные ему Переверзевымъ, въ видѣ задатка, 600 руб. добровольно принялъ обратно, и что такимъ образомъ истецъ согласился на прекращеніе договора въ томъ, что за коммиссію по продажѣ шерсти онъ долженъ полу-

чить вознагражденіе по 1 рублю съ пуда, ибо принявъ деньги, онъ выразилъ тѣмъ самымъ свое согласіе, чтобы означенная шерсть не была ему поручаема для продажи. Посему, руководствуясь 1545 и 1547 ст. X т. 1 ч. и 129 ст. Уст. Гр. Суд., Мировой съѣздъ утвердилъ рѣшеніе Мироваго Судьи по сему дѣлу. Въ принесенной на это рѣшеніе повѣреннымъ Черткова, Титулярнымъ Совѣтникомъ Путилинымъ, кассаціонной жалобѣ Путилинъ проситъ Правительствующій Сенатъ отмѣнить означенное рѣшеніе Мироваго Съѣзда по нарушенію онымъ 1535, 1545 и 1547 ст. X т. 1 ч.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи 1545 и 1547 ст. X т. 1 ч. договаривающіяся стороны могутъ уничтожить договоръ по обоюдному согласію, а равнымъ образомъ если сторона, имѣющая по договору право требовать исполненій, отступится добровольно отъ своего права въ цѣломъ договорѣ или въ части, тогда дѣйствіе договора въ цѣломъ его составѣ или въ части прекращается. При томъ, когда договоръ излагается въ письменномъ актѣ, то и отреченіе отъ права требовать исполненія по договору, какъ сіе уже неоднократно было разъясняемо Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената (напр. въ Сборникѣ рѣшеній за 1867 г. №№ 208 и 440), или должно быть выражено письменнымъ актомъ, который составляетъ въ такомъ случаѣ законныя доказательство прекращенія обязательства въ цѣломъ его составѣ или жетъ послѣдовать безмолвнымъ неосуществленіемъ своего права въ теченіи установленной закономъ давности. Въ предлежащемъ дѣлѣ Пятигорскій Мировой Съѣздъ счелъ полученіе Чертковымъ задатка, даннаго имъ Переверзеву, за добровольное отреченіе перваго изъ нихъ отъ права своего по заключенному между сими лицами письменному договору, и таковое свое заключеніе Съѣздъ основалъ на вышеприведенныхъ 1545 и 1547 ст. X т. 1 ч. Вышеизложенный точный смыслъ этихъ законовъ показываетъ, что примѣненіе ихъ Съѣздомъ къ настоящему случаю нельзя признать правильнымъ, потому, что одно полученіе обратно задатка не можетъ служить достаточнымъ законнымъ удостовѣреніемъ въ согласіи договаривающихся сторонъ на уничтоженіе договора, или въ добровольномъ отреченіи одной изъ нихъ отъ правъ принадлежащихъ ей въ силу того договора. Вслѣдствіе

чего рѣшеніе съѣзда по нарушенію въ оном 1545 и 1547 было отмѣнено (Р. К. 1870 г. 223 сборн. стран. 397 и слѣд.).

Рядная роспись не разъ уже служила матеріаломъ для кассаціонныхъ жалобъ хотя вообще говоря взысканіе приданаго съ родственниковъ умершей жены представляется довольно рѣдко на практикѣ. До сихъ поръ мы полагали, что росписка жены въ полученіи ею отъ мужа обратно своего приданаго служила достаточнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что оно ею дѣйствительно получено и что слѣдовательно вторичное требованіе возврата уже отданнаго имущества не должно подлежать удовлетворенію. Но ниже приводимое нами рѣшеніе сильно поколебало наше убѣжденіе и приводитъ къ мысли, что даже росписка въ полученіи обратно приданаго женою, не исключаетъ возможности присудить вторичное возвращеніе приданаго по требованію родственниковъ умершей жены. Купецъ Мироновъ обратился къ Коломенскому мировому судьѣ съ просьбою о взысканіи съ купеческаго внука Петра Чернятина 300 р., полученныхъ симъ послѣднимъ въ приданое за умершею въ маѣ 1869 г. женою его Натальею Чернятиною. Искъ этотъ Мироновъ предъявилъ какъ опекунъ малолѣтняго внука своего сына отвѣтчика, Ивана Чернятина, и въ доказательство представилъ домашнюю роспись вещамъ, даннымъ въ приданое за Натальею Мироновою, при выходѣ ея въ замужество за Чернятина. Въ концѣ этой росписи Петръ Чернятинъ написалъ, что онъ по сей росписи все сполна (въ томъ числѣ и 300 руб. денегъ) получилъ. Далѣе на документѣ находится надпись такого содержанія: «по сей роспискѣ получила все вполнѣ Наталья Чернятина». Противъ сего иска Чернятинъ возразилъ, что полученныя имъ въ приданое за женою вещи и деньги онъ, послѣ брака, возвратилъ женѣ своей; чему служитъ доказательствомъ сдѣланная ею на рядной росписка. Коломенскій мировой съѣздъ разсмотрѣвъ дѣло сіе пришелъ къ тому убѣжденію, что росписка Чернятиныхъ на рядной сдѣлана одновременно; а такъ какъ повѣренный отвѣтчика призналъ въ засѣданіи съѣзда, что полученные имъ 300 руб. лишь впослѣдствіи были переданы женѣ его, то посему росписка Чернятиной на рядной записи не имѣетъ значенія, и другихъ доказательствъ отвѣтчикомъ не представлено. Вслѣдствіе сего, руководствуясь 129 ст. уст. гражд. суд. съѣздъ признавая искъ со стороны Миронова доказаннымъ собственнымъ сознаніемъ Петра Чернятина присудилъ съ сего послѣдняго въ поль-

зу малолѣтняго сына его 300 руб. Петръ Чернятинъ проситъ Правительствующій Сенатъ отмѣнить это рѣшеніе мироваго съѣзда по нарушенію онымъ во 1) ст. 18 уст. гр. суд. тѣмъ, что съѣздъ призналъ доказаннымъ бездоказательный искъ Миронова; во 2-хъ) 112 и 480 ст. уст. гр. суд. тѣмъ что Мировой Съѣздъ не принялъ въ доказательство правъ отвѣтчика, сознаніе Миронова на судѣ что росписка въ полученіи отъ просителя обратно приданаго подписана дочерью истца Натальею Чернятиною; въ 3-хъ 4 пун. 142 ст. гр. суд. тѣмъ, что Съѣздъ не привелъ тѣхъ соображеній вслѣдствіи которыхъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что искъ Миронова имъ доказанъ, въ 4-хъ) ст. 101. т. X. ч. 1, признавъ подпись Чернятиной за подпись Мироновой; ибо по дѣлу доказано, что росписка въ полученіи приданаго сдѣлана имъ просителемъ прежде брака съ Натальею Мироновою; а потому въ это время сія послѣдняя не могла подписаться Чернятиною, и въ 5-хъ) ст. 9 и 129; по смыслу коихъ рѣшеніе Суда, основанное на убѣжденіи совѣсти, недолжно противорѣчить закону; между тѣмъ рѣшеніе Съѣзда противорѣчитъ, по мнѣнію просителя, приведеннымъ выше законамъ.

По выслушаніи заключенія Товарища Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ рѣшеніи Мироваго Съѣзда по настоящему дѣлу изложены тѣ соображенія которыя послужили Съѣзду основаніемъ къ присужденію съ Чернятина отыскиваемой Мироновымъ суммы; слѣдовательно правило, въ 4 пун. 142 ст. уст. гр. суд. установленное, Съѣздомъ соблюдено. Въ самомъ же рѣшенія Съѣзда Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ нарушенія указываемыхъ въ кассаціонной жалобѣ законовъ. Статья 101. т. X. ч. 1. не нарушена Съѣздомъ; законъ этотъ представляетъ женѣ право именоваться по званію мужа, но Съѣздъ не входилъ въ обсужденіе того вопроса, имѣла ли Наталья Чернятина право подписываться въ роспискѣ приданаго фамиліею мужа, такъ какъ вопросъ этотъ не вытекалъ изъ обстоятельствъ дѣла, и потому не подлежалъ обсужденію суда; не имѣя такимъ образомъ никакого примѣненія къ настоящему дѣлу, упомянутый законъ не могъ быть и нарушенъ Съѣздомъ. Съѣздъ призналъ, что обѣ росписки, какъ Петра Чернятина, такъ и жены сдѣланы одновременно, и на этомъ основаніи призналъ искъ Миронова подлежащимъ удовлетворенію. Такое заключеніе Съѣзда, постановленное имъ по обсужденіи бывшихъ въ виду его доказательствъ и доводовъ сторонъ, не за-

ключаетъ въ себѣ нарушенія ст. 81, 112, 480, 9 и 129 уст. гр. суд. потому, что опредѣленіе значенія и силы представленныхъ тяжущимися документовъ, а равно и разрѣшеніе вопроса о томъ, заключаютъ ли въ себѣ объясненія тяжущихся признаніе, въ смыслѣ доказательства, по ст. 112 и 480 уст. гр. суд, и вообще о томъ, доказалъ ли истецъ свой искъ, а отвѣтчикъ свои возраженія (ст. 81 уст. гр. суд.), зависитъ отъ усмотрѣнія суда (ст. 129) и таковая оцѣнка доказательствъ относится до существа рѣшенія въ обсужденіе котораго Правительствующій Сенатъ, за силою 5 ст. учр. суд. уст, въ кассаціонномъ порядкѣ не входитъ. Вслѣдствіе.... кассаціонная жалоба оставлена безъ послѣдствій.

(Кр. 1870 № 620 сборн. стран. 1099 и слѣд.). Давность не можетъ быть прервана подписью на документѣ въ полученіи части платежа когда сдѣлана она кредиторомъ. Въ разъясненіе 1549 и 1550 ст. X т. ч. 1. вотъ что,между прочимъ находимъ въ рѣшеніи Сената. Обращаясь за тѣмъ къ указанію проспителя на нарушеніе Съѣздомъ ст. 1549 и 1550. т. X. ч. 1. Правительствующій Сенатъ находитъ что, согласно ст. 1550 т. X. ч. 1, подпись на обязательствѣ не истца, а только самого должника или его законно уполномоченнаго повѣреннаго, можетъ прерывать теченіе земской давности (рѣш. гражд. кассац. департ. Сената 1869 г. № 267), а потому Съѣздъ, признавъ, что подпись, сдѣланная Елизаветою Сокологорскою на письмѣ въ полученіи отъ брата Ивана Сокологорскаго части денегъ, слѣдующихъ ей за проданный лѣсъ, прерываетъ теченіе земской давности, допустилъ неправильное толкованіе ст. 1550 т. X. ч. 1.

(р. к. 1870. № 307 сборн. стр. 552 и 553).

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ

СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

20-го ноября 1864 года

гг. Анисимова и Нестерова.

Изъ всѣхъ неофиціальныхъ изданій судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года безспорно самое, популярное и общераспространенное—изданіе комиссіонера типографіи II отдѣленія Его Императорскаго Беличества канцеляріи г. Анисимова. До 1871 года уставы г. Анисимова выдержали 5 изданій, а въ 1872 году, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ два изданія (6-е и 7-е). Уставы г. Анисимова содержатъ въ себѣ: во 1-хъ текстъ закона съ нижеслѣдующими измѣненіями и дополненіями и во 2-хъ, выписки изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Громадный, можно сказать, успѣхъ изданій г. Анисимова несомнѣнно свидѣтельствуетъ о большой потребности нашихъ адвокатовъ и тяжущихся въ сводѣ судебныхъ уставовъ, время отъ времени, дополняемомъ новыми узаконеніями и распоряженіями правительства, снабженномъ выписками изъ кассаціонныхъ рѣшеній и могущемъ дать всякому, занимающемуся судебною практикою, возможность имѣть во всякое время, подъ рукою, сводъ текста судебныхъ уставовъ не только съ дополненіями къ нему, но и съ объясненіями по рѣшеніямъ кассаціоннаго сената. Въ самомъ дѣлѣ, подобные своды предоставляютъ большія удобства—не только для громадной фаланги адвокатовъ низшаго полета, въ глазахъ которыхъ

уставы г. Анисимова представляются альфой и омегой всей юридической мудрости, они не лишены значенія и для серьознаго юриста при разрѣшеніи, напр. неожиданно представившагося на судѣ или вообще внѣ его кабинета, юридическаго казуса. Вотъ почему есть основаніе предполагать, что успѣхъ такихъ сводовъ долженъ современемъ не только не уменьшиться, но скорѣе увеличиться, при той постоянно возвращающей массѣ кассаціонныхъ рѣшеній, которую въ скоромъ времени способенъ будетъ преодолѣть только человѣкъ, посвятившій себя серьозному и систематическому изученію практики русскаго законодательства, а не обращающійся къ этимъ рѣшеніямъ только случайно и по мѣрѣ надобности. Но понятно, что всякій покупающій сводъ, подобный уставамъ г. Анисимова, или г. Нестерова, вправѣ требовать отъ него: а) безусловно-вѣрной перепечатки текста закона и его дополненій; б) не случайнаго, а разумнаго выбора кассаціонныхъ рѣшеній, изъ которыхъ составлены выписки, и вѣрной передачи ихъ смысла—и в) безусловно-вѣрнаго указанія на № и годъ рѣшенія, изъ котораго извлечена выписка, безъ чего вся убѣдительность и вѣскость рѣшенія въ случаѣ ссылки на него въ судѣ, не только можетъ остаться безъ успѣха, но принести положительный вредъ. Съ этой именно точки зрѣнія уставы г. Анисимова, несмотря на весь ихъ успѣхъ оказываются не вполнѣ удовлетворительными и мы думаемъ даже, что успѣхъ и популярность уставовъ г. Анисимова объясняются недостаткомъ конкурренціи другихъ изданій въ этомъ родѣ и вслѣдствіе этого, снисходительностью критики. Намъ помнится только одинъ вполнѣ основательный печатный отзывъ о пятомъ, кажется, изданіи уставовъ г. Анисимова, въ томъ смыслѣ, что вопреки *обертки* уставовъ, обѣщавшей разъясненіе ихъ по рѣшеніямъ кассаціоннаго департамента сената съ 1866—1870 годъ, рецензентъ отзыва *не нашелъ въ уставахъ ни одной выписки за 1870 годъ*. Помнится намъ, какъ г. Анисимовъ возражалъ на этотъ отзывъ въ «Судебномъ Вѣстникѣ» и въ концѣ концевъ сталъ просто печатать на оберткахъ послѣдующихъ изданій, что уставы его съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассаціоннаго сената, *не обозначая, съ котораго и по который годъ*. Въ виду неудовлетворительности и послѣдняго 7-го изданія уставовъ г. Анисимова, мы не безъ удовольствія привѣтствуемъ появленіе судебныхъ уставовъ, составленныхъ г. Нестеровымъ: они, по своей *практичности* и многимъ

преимуществамъ, могутъ вполнѣ замѣнить изданія г. Анисимова. Имѣя пока подъ руками только 1-й т. уставовъ г. Нестерова, т. е. уст. гр. суд. и нотар., мы сравнимъ ихъ съ тѣми же уставами изданія г. Анисимова.

Запасаясь уставами г. Анисимова вы, естественно, вѣрите содержащимся въ нихъ выпискамъ и тексту закона: провѣрять каждую выписку порознь, прежде нежели воспользоваться ею, было бы неудобно, долго, да и не всегда и не для всякаго возможно и доступно; наконецъ, вы для того и покупаете уставы г. Анисимова, чтобы не читать всякій разъ подлинныхъ рѣшеній и не рыться постоянно въ алфавитахъ кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Однако на дѣлѣ оказывается, что пользоваться уставами г. Анисимова иначе и нельзя, какъ провѣривши предварительно, какъ текстъ закона, такъ и каждую выписку изъ рѣшеній. Представьте себѣ, напр., положеніе повѣреннаго или тяжущагося, который, полагаясь на уставы г. Анисимова, ссылается на *кассаціонныя рѣшенія за 1866 годъ № 46* для разъясненія судьѣ ст. 177 уст. гр. суд. суд. не имѣющій подъ руками уставовъ г. Анисимова, или хотя и имѣющій, но не вѣрящій въ ихъ непогрѣшимость, естественно обратится къ подлиннымъ рѣшеніямъ. Несмотря, однако, на всю добросовѣстность судьи и вниманіе его къ интересамъ тяжущихся, онъ долженъ будетъ объявить повѣренному, что такого рѣшенія не существуетъ и, дѣйствительно, въ сборникѣ рѣшеній за 1866 г. его нѣтъ, потому что оно состоялось только въ 1867 году. То же самое повторится со всякимъ, кто вздумаетъ довѣриться г. Анисимову и сослаться напр. на *208 № кас. рѣш. за 1867 г.* (подъ ст. 825), *на 712 за 1867 г.* (подъ ст. 719 ст. 763), *на 410 № кас. рѣш. за 1868 г.* (подъ ст. 179), *на 838 № за 1869 г.* (подъ ст. 190) и т. д.: при всѣхъ этихъ ссылкахъ окажется одно изъ двухъ или *ошибка въ годъ* или *ошибка въ номерѣ рѣшенія*. Понятно, что такого рода выписки, если ихъ много въ уставахъ г. Анисимова, могутъ вмѣсто удобства и экономіи времени, принести положительный и существенный вредъ. Замѣтимъ, кстати, что всѣ указанныя нами *ошибки повторяются*, во всей неприкосновенности, *въ 5, 6 и 7* изданіяхъ, что конечно, свидѣтельствуетъ объ увѣренности издателя въ непогрѣшимости своихъ уставовъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы всякое послѣдующее изданіе г. Анисимова ни въ чемъ не измѣнялось сравнительно съ предыдущимъ, оказывается напр., что

ошибка *въ іодѣ*, допущенная въ 5 и 6 изданіяхъ, въ выпискѣ изъ кассаціоннаго рѣшенія, помѣщенной подъ ст. 166 уст. гр. суд.,—въ 7 изданіи уже *измѣнена*, но *не исправлена*; въ двухъ предпослѣднихъ изданіяхъ эта ошибка имѣетъ такой видъ, (рѣш. гр. кас. депар. 1866 г. №126)», а въ 7 изд. слѣдующій: «(рѣш. гр. кас. депар. 1868 г. № 126)»; на дѣлѣ же оказывается, что рѣшеніе, изъ котораго сдѣлана выписка, *состоялось въ 1867 г.*

Можно указать также на множество примѣровъ неправильнаго подведенія выписокъ подъ статьей закона. Такъ, напр., не понятно, почему выписка изъ кассац. рѣш. *за 1868 г. № 27* помѣщена подъ *ст. 82 уст. гр. суд.*? По смыслу подлиннаго рѣшенія, ее слѣдовало бы помѣстить подъ одною изъ слѣдующихъ статей: 174, 175, 176, 760, а лучше всего подъ 768, но никакъ не подъ 82 ст. Или подъ *ст. 125* помѣщена выписка за 1869 г. № 563, начинающіяся словами: «*По смыслу 126, 590—592 ст.*» и т. д.; между тѣмъ самое начало выписки показываетъ, подъ какими статьями она могла бы быть помѣщена. Также непостижимо почему выписка *за 1867 г.* № 239 отнесена къ 160 ст.? Въ подлинномъ рѣшеніи не только ни гдѣ не упоминается о 160 ст., а напротивъ, изъ его содержанія ясно видно, что оно состоялось по поводу 173 ст. уст. гр. суд. Точно тоже надо сказать о выпискѣ изъ рѣшеній за 1867 г. № 343 и за 1869 г. № 720, помѣщенныхъ подъ ст. 165 и 174 ст. вмѣсто 755 и 120. Всѣ эти неправильности съ другими, о которыхъ мы умалчиваемъ дабы не наскучить читателю, повторяются въ 5, 6 и 7 изд. уст. г. Анисимова. Важность такого рода неправильностей для каждаго понятна: если выписка помѣщена не подъ тою статьею, къ которой относится, то все равно, что ея вовсе не существуетъ, потому что никто не станетъ ею пользоваться, руководствуясь статьею, подъ которою она подведена; если же приходится руководствоваться статьею подъ которую слѣдовало бы подвести выписку, то выписки тамъ *не оказывается*. Можно было бы еще примириться съ г. Анисимовымъ, еслибы онъ дѣлалъ подъ статьями къ которымъ должна относиться выписка, ссылки на тѣ статьи подъ которыя выписка неправильно подведена; но и такихъ ссылокъ не оказывается у г. Анисимова, за исключеніемъ ст. 173, подъ которой стоитъ ссылка, между прочимъ и на ст. 160.

Допуская, что все остальное въ уст. гр. суд. г. Анисимова обстоитъ благополучно, мы думаемъ, что уже указанныхъ нами

небрежностей достаточно, чтобы поколебать исключительное довѣріе къ этимъ уставамъ. Обращаясь затѣмъ *къ уставу нотаріальному*, мы по необходимости, должны ограничиться указаніями на небрежность г. Анисимова въ передачѣ текста закона, такъ какъ подъ текстомъ нѣтъ объясненій по рѣшеніямъ сената. Не говоря уже о мелкихъ ошибкахъ, каковы напр. *удостовѣряться* вм. «*удостовѣриться*» (ст. 167), «*не окажутся*» вм. «*окажутся*», «*дѣйствительными*» вм. «*не дѣйствительными*» (ст. 214), «*т. VII ч. III*» вм. «*т. VIII ч. II*» (ст. 23 правилъ о ревизіи и т. д.), «*10 апр.*» вм. «*14 апр.*» (прим. 6 Росписаніе размѣровъ залоговъ нотар.), въ нот. уст. г. Анисимова попадаются непростительные *пропуски*: напр. въ ст. 208 пропущено слово «*сего*», въ ст. 173 *пропущена цѣлая фраза*: «*для принятія надлежащихъ мѣръ къ устраненію этихъ препятствій*»; послѣ 216 ст. пропущено цѣлое заглавіе: «*О платѣ старшимъ нотаріусамъ*»; въ формѣ реестровъ крѣпостныхъ дѣлъ пропущена фраза: «*ч. III, Лужскій уѣздъ*», и т. д. Эти пропуски повторяются въ 5, 6 и 7 изданіяхъ. Мы замѣтили только одно улучшеніе въ 7 изд. нотар. уст. г. Анисимова сравнительно съ 5 и 6: въ ст. 12 прав. о заготовленіи и веденіи книгъ для сборовъ, слово «*нотаріальную*» исправлено на «*контрольную*», какъ и должно быть.

Такимъ образомъ, если уставы г. Нестерова, при равныхъ съ уставами г. Анисимова достоинствахъ, не имѣютъ подобныхъ указаннымъ наши ошибокъ и *небрежностей*, то уже по этому одному они заслуживаютъ особеннаго вниманія: по крайней мѣрѣ, мы *не нашли* въ уставахъ г. Нестерова *ни одной подобной ошибки*. Но и помимо этого, уставы г. Нестерова должны стать неизмѣримо выше другихъ изданій и вотъ почему:

А) Дополнительныя узаконенія устава г. Нестерова помѣщены не въ концѣ устава, какъ у г. Анисимова, а непосредственно подъ текстомъ тѣхъ статей, къ которымъ онѣ относятся, что исключаетъ всякую необходимость ихъ пріисканія.

В) Заключая въ себѣ, *несравненно больше выписокъ* изъ кас. рѣш., уст. г. Нестерова снабжены, сверхъ того, подстатейнымъ указателемъ *всѣхъ №№ рѣшеній, къ той или другой статьѣ*. Такимъ образомъ вѣрно воспроизведенный текстъ закона у г. Нестерова, непосредственно дополняется послѣдующими узаконеніями; затѣмъ поясняется выписками изъ кас. рѣш., подобранныхъ самимъ составителемъ; но не желая, такъ сказать, навязывать читателю только тѣ выписки, которыя самому г. Несте-

рову показались важными, онъ предполагаетъ перечесть всѣхъ, относящихся къ данной статьѣ №№ рѣшеній, начиная съ 1866 г. по 1-е сентября текущаго года, это преимущество уставовъ г. Нестерова должно, во 1-хъ, неминуемо привлечь вниманіе той огромной фаланги адвокатовъ, которые только для того и покупаютъ частныя изданія уставовъ, чтобы никогда не читать подлинныхъ рѣшеній: уставъ г. Нестерова даетъ имъ большое разнообразіе выписокъ, и 2) обратитъ на себя вниманіе и тѣхъ, болѣе или менѣе серьозныхъ юристовъ, которые, недовольствуясь выпискою, составленною по вкусу посторонняго лица, захотѣли бы вполнѣ выяснить себѣ интересующій вопросъ: подстатейный указатель г. Нестерова, составленный добросовѣстно, даетъ для этого весь матеріалъ кассаціонной практики. Не мало въ пользу изданій судебныхъ уставовъ г. Нестерова говоритъ и тотъ фактъ, что составитель ихъ на сколько намъ извѣстно вовсе не изъ фаланги книжныхъ спекулянтовъ, а личность и по своимъ познаніямъ и по прежней своей офиціальной дѣятельности весьма близко ознакомленная, какъ съ судебными уставами, такъ и съ матеріальнымъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Мы увѣрены, что изданіе г. Нестерова, по мѣрѣ распространенія его въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ центровъ юридической интеллигенціи, принесетъ огромную пользу; и нѣтъ сомнѣнія, что не одинъ изъ адвокатовъ, усвоивъ себѣ потверже юридическій матеріалъ, предлагаемый ему г. Нестеровымъ, почувствуетъ себя стоящимъ гораздо болѣе на твердой почвѣ, чѣмъ въ то время, когда изданіе г. Анисимова было единственнымъ для этого пособіемъ.

С) Наконецъ, послѣднее чрезвычайно важное преимущество уставовъ г. Нестерова, долженствующее нанести рѣшительный ударъ всѣмъ спекулятивнымъ изданіямъ этого рода состоитъ въ томъ, что составитель печатно обѣщаетъ, въ предисловіи къ уставамъ, издавать по истеченіи каждаго года, *продолженія*, куда войдутъ выписки изъ кас. рѣш., №№ рѣшеній подъ каждой ст. закона, изъ которыхъ почему-либо не послѣдовало выписки и новые законы, что должно отразиться выгодно на матеріальныя средства—пріобрѣтателей уставовъ, между тѣмъ какъ извѣстно, другіе издатели заставляютъ каждаго, желающаго пріобрѣсть нѣсколько страницъ новыхъ законовъ и выписокъ изъ рѣшеній, покупать ежегодно цѣлые уставы, т. е. ради нѣсколькихъ страницъ покупать и то, что вовсе не нужно, или, говоря

другими словами, за одно и то же платить довольно большія деньги.

Заявляя полное наше сочувствіе полезному труду г. Нестерова, мы замѣтимъ однако, что не мѣшало бы составителю снабдить свои уставы общимъ алфавитнымъ указателемъ. Быть можетъ г. Нестеровъ намѣренъ сдѣлать и безъ нашего совѣта въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ, которые онъ обѣщаетъ выпустить, 2-й въ ноябрѣ, а 3-й въ январѣ 1873 г., но онъ, по-крайней мѣрѣ въ предисловіи, не заявилъ этого намѣренія.

Присяж. пов. А. Харлампович.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ЗАМѢТКА

къ вопросу о преобразованіи волостныхъ судовъ.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, для образованія коммерческихъ судовъ, устава о торговой несостоятельности, устава вексельнаго, существующихъ опекъ и наконецъ по вопросу о волостныхъ судахъ учреждены особыя комиссіи.

Послѣдняя изъ этихъ комиссій составила вопросные пункты-разославъ ихъ мировымъ посредникамъ и ихъ съѣздамъ съ просьбою дать на нихъ отвѣты. Согласно этимъ вопросамъ комиссія по вопросу о преобразованіи волостныхъ судовъ, желаетъ получить во 1-хъ, статистическія свѣдѣнія вообще о числѣ волостныхъ судовъ, о томъ кто по преимуществу избирается въ волостные суды; количество грамотныхъ судей, число засѣданій въ теченіе года и число рѣшаемыхъ въ годъ дѣлъ; во 2-хъ, свѣдѣнія относительно количества и хода уголовныхъ дѣлъ и въ 3-хъ, свѣдѣнія о гражданскихъ дѣлахъ, о способѣ ихъ рѣшеній, о вліяніи обычнаго права на рѣшенія дѣлъ и т. п. Сверхъ этихъ вопросныхъ пунктовъ на посредниковъ комиссія возложила еще и заготовленіе списка тѣхъ рѣшеній волостныхъ судовъ, которыя почему-либо выдаются изъ ряда обыкновенныхъ, отличаются особенною разумностью, или наоборотъ—неправильностью. Кромѣ этихъ свѣденій, собираемыхъ отъ компетентныхъ лицъ, лицъ стоящихъ въ средѣ крестьянскаго населенія, комиссія независимо отъ сего предприняла нынѣшнимъ лѣтомъ поѣздку въ 17 наиболѣе характерныхъ губерній Россіи съ цѣлью наглядно ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ волостныхъ судовъ. Конечно такой способъ весьма практичный но не всегда можетъ дать правильное понятіе о дѣйствительномъ положеніи и тяжущихся и самыхъ судей въ волостныхъ судахъ, ибо тоже волостное начальство своевременно предупрежденное о пріѣздѣ

комиссіи разумѣется приметъ мѣры чтобы все было шито и крыто; чтобы не ударить лицемъ въ грязь. При членахъ комиссіи не можетъ произойти и такого курьезнаго факта и такого разбирательства какой случился въ Старорусскомъ уѣздѣ. Именно, въ Старорусскомъ уѣздѣ одна пара супруговъ постоянно ссорилась и жалобами своими надоѣдала судьямъ. Во время разбирательства послѣ долгихъ увѣщаній супруговъ, одному изъ судей пришла въ голову такая мысль посадить ссорящихся супруговъ въ *темную*. Судьи согласились, чета была посажена въ темную. Когда черезъ нѣсколько времени ихъ выпустили, то они съ улыбкою объявили о заключеніи мировой и что на будущее время судиться не будутъ. Намъ кажется, что только ожиданіемъ пріѣзда гостей въ лицѣ комиссіи объясняется то обстоятельство, что сообщенія нѣкоторыхъ газетныхъ корреспондентовъ о безобразіяхъ происходимыхъ при разбирательствахъ въ волостныхъ судахъ, показались комиссіи преувеличенными и не подтвердились въ дѣйствительности; и комиссія воочію не могла видѣть разбирательствъ подобно вышеприведеннымъ. Результаты поѣздки комиссіи оказались благопріятными въ пользу сохраненія волостныхъ судовъ, съ изъятіемъ изъ его вѣдомства дѣлъ о преступленіяхъ противъ чужой собственности, т. е. кражи, мошенничества и присвоенія чужаго имущества. Дѣйствительно нигдѣ неравномѣрность въ степени наказанія не проявляется такъ ярко, какъ при обсужденіи волостными судами уголовныхъ дѣлъ. Представимъ себѣ такого рода случай. Мѣщанинъ—хлѣбопашецъ съ одной стороны и крестьянинъ—сосѣдъ съ другой стороны, уговорились совершить кражу у мѣстнаго крестьянина изъ амбара муку. Уговоръ почему-то не состоялся но тѣмъ неменѣе каждый въ отдѣльности не отказался отъ задуманной кражи. Мѣщанинъ—хлѣбопашецъ пойманъ былъ на мѣстѣ совершенія кражи, а крестьянинъ—сосѣдъ также на мѣстѣ въ амбарѣ у мѣстнаго крестьянина и притомъ съ мѣшкомъ, въ который онъ намѣревался всыпать похищенную муку. При отсутствіи уговора между означенными похитителями мѣщанина—хлѣбопашца мировой судья приговорилъ къ 4-мѣс. заключенію, а волостной судъ приговорилъ крестьянина только къ штрафу. Ясно, какая неравномѣрность въ наказаніи за одинъ и тотъ же проступокъ, благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ, т. е. сословной юрисдикціи. И подобныя рѣшенія не одиночный фактъ. Это почти общее явленіе. Вотъ почему люди близко стоящіе къ

крестьянскому сословію высказываются за окончательное изъятіе изъ волостныхъ судовъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя не могутъ быть окончены примиреніемъ. Я позволю себѣ познакомить читателей «Юридическаго Вѣстника» по этому поводу съ докладомъ особой комиссіи, составленной изъ гласныхъ по Рязанской губерніи, докладомъ въ которомъ, по моему мнѣнію, всесторонне обсужденъ вопросъ о необходимости изъять всѣ уголовныя дѣла изъ юрисдикціи волостныхъ судовъ. Вотъ къ какимъ выводамъ пришла комиссія *). Она нашла, что при составленіи устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, уже имѣлось въ виду неравномѣрность исправительныхъ наказаній по отношенію къ сословіямъ и состоянію лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе; различіе въ строгости преслѣдованія преступниковъ, смотря потому, изъ какого они слоя общества, ни въ прежнихъ законахъ уголовныхъ, ни въ уложеніи 1845 года, не основывалось на какомъ-нибудь общемъ началѣ, находя себѣ оправданіе лишь въ болѣе или менѣе убѣдительныхъ соображеніяхъ, заимствованныхъ изъ понятій и предразсудковъ, господствовавшихъ въ давнее время. Несомнѣнно, что чѣмъ выше степень образованія преступника и чѣмъ менѣе онъ долженъ былъ имѣть побужденій къ совершенію преступленія, тѣмъ болѣе его вина; но принадлежность къ тому или другому сословію не можетъ еще быть принята за непремѣнное доказательство ни болѣе высокаго образованія, ни болѣе обезпеченнаго довольства, ни большей нравственной силы для противостоянія искушеніямъ. При томъ важность вины зависитъ не отъ одной степени образованія, или положенія преступника въ обществѣ; она обусловливается множествомъ другихъ обстоятельствъ, мѣру вліянія которыхъ уголовный законъ не въ состояніи уловить и оцѣнить; также точно и карательныя мѣры дѣйствуютъ весьма различно на людей различныхъ классовъ. Избѣгая вслѣдствіе того различныхъ крайностей признаніемъ полнаго для всѣхъ равенства предъ закономъ, законодательство въ уставахъ 20 ноября 1864 года положило въ основаніе два главныхъ начала; оно предоставило извѣстный просторъ судьѣ

*) Главное участіе принималъ въ комиссіи губернскій гласный отъ Михайловскаго уѣзда В. Г. Коробкинъ. Его же губернское Рязанское собраніе избрало единогласно и въ другую комиссію для составленія доклада земству объ изъятіи изъ вѣдомства волостныхъ судовъ и гражданскихъ дѣлъ.

въ назначеніи наказаній, и въ уставѣ о проступкахъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ при назначеніи наказанія, устранило различіе по происхожденію или званію виновныхъ, допустивъ изъ этого правила изъятіе лишь по поводу лишенія нѣкоторыхъ лицъ принадлежащихъ имъ особыхъ правилъ и преимуществъ. Между тѣмъ какъ бы противорѣчіемъ заявленнаго равенства предъ закономъ представляются волостные суды, учрежденные до изданія уставовъ 1864 года и сохранившіе свою силу и дѣйствіе до нынѣ. Здѣсь для одного только сословія крестьянъ сохранилось наказаніе розгами; признавая всѣми въ высшей степени позорнымъ, не соотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ нашего общества и положительно вреднымъ, препятствуя смягченію нравовъ народа и развитію въ немъ чувства чести и нравственнаго долга; если при общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ 1863 году и сохранился этотъ родъ наказанія, то при этомъ имѣлось главнымъ образомъ въ виду не колебать силы только что изданнаго тогда закона 19 февраля 1861 года. При существованіи волостныхъ судовъ крестьянинъ получаетъ возмездіе за содѣянное не по мѣрѣ вины и степени злаго умысла, а по обстоятельствамъ постороннимъ преступному дѣйствію; если вмѣстѣ съ нимъ участвовало въ проступкѣ лице другаго состоянія, если вредъ нанесенъ имъ не крестьянину, если проступокъ совершенъ въ городѣ, то крестьянинъ судится у мироваго судьи и кара послѣдуетъ болѣе строгая; если въ преступномъ дѣяніи участвовали одни крестьяне и вредъ онымъ нанесенъ крестьянину же, то дѣло подсудно волостному суду и наказаніе налагается менѣе строгое. Сравненіе сельскаго судебнаго устава съ уставомъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, представляетъ множество разительныхъ примѣровъ неравенства одного и того же лица предъ закономъ; за прошеніе милостыни по деревнямъ крестьянинъ употребляется въ общественныя работы до 6 дней, или заключается подъ арестъ до 7 дней (ст. 499); если тотъ же проступокъ совершенъ въ уѣздномъ городѣ, то наказаніе можетъ дойти до заключенія въ тюрьмѣ, срокомъ до 3-хъ мѣсяцевъ (ст. 49 и 50); за вредъ причиненный крестьянину отъ несоблюденія мѣръ необходимыхъ для огражденія общественной безопасности, виновный крестьянинъ, содержащій дикихъ звѣрей, подвергается денежному взысканію до 1 р. (ст. 508) за тотъ же проступокъ, если лицо пострадавшее было другаго состоянія, виновный подлежитъ аресту до 3

мѣсяцевъ, или денежному взысканію до 300 рублей, (ст. 120); если въ воскресный день, прежде окончанія въ приходской церкви литургіи, крестьянинъ начнетъ пляску, то будетъ наказанъ 25 к. (470 ст.), но если при этомъ мѣщанинъ будетъ играть на балалайкѣ, то оба виновные будутъ подлежать аресту до 15 дней, или взысканію до 50 р. (ст. 36). За воровство, кражу или воровство мошенничество, произведенное у крестьянина же, виновный крестьянинъ получитъ наказаніе розгами до 20 ударовъ (ст. 533), а если лицо потерпѣвшее было другаго состоянія, то виновный приговаривается къ тюремному заключенію на срокъ до 6 мѣсяцевъ (169, 173, 174 ст.). Примѣровъ этихъ можно перечислить столько, сколько различныхъ видовъ проступковъ, но и указанныхъ достаточно, чтобы убѣдиться отъ какихъ случайныхъ и преступному дѣянію совершенно чуждыхъ обстоятельствъ зависитъ столь огромное различіе въ наказаніяхъ, происходящее отъ совмѣстнаго существованія судовъ мироваго и волостнаго. Существованіе этихъ двухъ видовъ судовъ не оправдывается и сословнымъ различіемъ; съ изданіемъ уставовъ 20 ноября 1864 года законодательство торжественно признало сословные суды ненужными, суды для купеческаго и мѣщанскаго сословія уничтожены, дворянство устранено отъ выбора лицъ на судейскія должности; наконецъ со введеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій вызвано къ жизни земство, въ которомъ права всѣхъ сословій слились во едино. Нельзя видѣть необходимости волостныхъ судовъ и въ особенностяхъ быта и нравовъ крестьянскаго сословія; выше было уже указано, что за одинъ и тотъ же проступокъ крестьянинъ можетъ и не быть подсуднымъ волостному суду и будетъ судимъ общимъ для всѣхъ судовъ, а предоставленный мировому судьѣ просторъ въ назначеніи наказаній и выборъ судей изъ мѣстныхъ жителей, знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ, служатъ ручательствомъ, что особенности нравовъ и степень развитія крестьянъ не останутся безъ вліянія на мѣру наказанія и достаточно обезпечиваютъ дѣйствительное равенство крестьянъ предъ закономъ. При этомъ и наказаніе розгами, какъ кара оставленная лишь временно, потеряла бы значеніе и благая мысль, вызвавшая законоположеніе 17 апрѣля 1863 года, получитъ свое конечное осуществленіе. Что волостные суды отжили свое время, можно убѣдиться изъ того недовольства и недовѣрія, съ которымъ относится къ нимъ все крестьянство, какъ судимое такъ и судящее, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ ежедневное обращеніе крестьянъ къ ми-

ровымъ судьямъ по дѣламъ и проступкамъ подвѣдомыхъ волостному суду, а также и заявленія сдѣланныя въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ (сапожковскомъ, скопинскомъ и другихъ) со стороны гласныхъ изъ крестьянъ о необходимости ходатайства прѣдъ правительствомъ или объ уничтоженіи волостныхъ судовъ или о предоставленіи права апелляціи на ихъ рѣшенія. При этомъ нельзя обратить вниманія и на то, что крестьянское сословіе въ общемъ составѣ земства несетъ всѣ расходы на содержаніе мироваго суда, и потому справедливость требуетъ предоставить имъ возможность пользоваться и всѣми благами онаго. Вглядываясь ближе въ предметы вѣдомства волостныхъ судовъ по маловажнымъ проступкамъ, оказывается, что одни изъ нихъ принадлежатъ къ области публичнаго права и по свойству своему подлежатъ преслѣдованію помимо воли лицъ заинтересованныхъ и поэтому уже не должны быть изъяты изъ вѣденія общихъ судовъ, каковы проступки изложены въ ст. 469, 470, 472—476, 481—483, 487, 492, 494, 499—507, 514, 524—528, 530—535; другіе же преслѣдуемые только по жалобамъ лицъ потерпѣвшихъ, и подсудность которыхъ зависитъ отъ указанныхъ выше случайностей и безъ того нерѣдко судятся у мировыхъ судей, и потому для столь важнаго разнообразія правосудія, всякое сужденіе по нимъ слѣдовало бы предоставить исключительно мировому суду; сюда могутъ быть отнесены проступки, указанные въ ст. 488—491, 508, 515—519, 521—523 и 536. Наконецъ если будетъ признано за нужное сохранить юрисдикцію волостныхъ судовъ, для проступковъ относящихся собственно до внутренняго порядка крестьянской общины, до сохраненія ихъ благосостоянія и состоятельности къ платежу лежащихъ на нихъ повинностей, то къ подсудности волостныхъ судовъ могутъ быть отнесены только проступки указанные въ ст. 477—479, 480, 486, 493, 495—496. Если придерживаясь этому подраздѣленію проступковъ крестьянъ, передать ихъ въ вѣденіе мировыхъ судей, то изданный уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями можетъ безъ всякаго измѣненія быть примѣненъ къ означеннымъ проступкамъ, такъ какъ при составленіи сего устава былъ принятъ въ основаніе и сельскій судебный уставъ, помѣщенный въ XII т. Св. Зак.; только одни проступки третьей категоріи, относящіеся до хозяйства и сохраненія въ крестьянахъ трезвости, не найдутъ соотвѣтственныхъ взысканій въ уставѣ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Конечно кругъ дѣйствій мировыхъ судей при этомъ увеличится, но обре-

мененіе касается преимущественно не городскихъ а уѣздныхъ судей, у которыхъ въ настоящее время поступленіе дѣлъ не такъ значительно; притомъ нельзя не надѣяться, что болѣе чувствительныя наказанія, разумное и просвѣщенное разбирательство дѣлъ мировыми судьями, окажутъ благотворное дѣйствіе на общественную нравственность крестьянъ и на уменьшеніе числа проступковъ. Внимательное соображеніе изложеннаго выше приводитъ къ глубокому убѣжденію въ своевременности, сотвѣтствіи съ совершившимися законодательными реформами и крайней необходимости изъятія проступковъ крестьянъ изъ вѣденія волостныхъ судовъ, гдѣ правосудіе основывается не на указаніи закона а на винѣ, откуда въ народѣ распространяются соблазнъ, пьянство, и ябѣдничество, а не тѣ здоровыя начала, которыя исходя изъ суда праваго и для всѣхъ доступнаго, воспитываютъ общественную нравственность, при которыхъ безнаказанность маловажныхъ проступковъ способствуетъ къ порчѣ нравовъ и распространенію числа преступленій уголовныхъ.

Что касается до гражданскихъ дѣлъ, то еще неизвѣстно къ какимъ окончательнымъ выводамъ пришла Высочайше утвержденная комиссія по этому вопросу. Намъ кажется, что во всякомъ случаѣ за крестьянскими судами слѣдуетъ оставить нѣкоторую юрисдикцію, не говоря уже о наслѣдственныхъ дѣлахъ, о раздѣлахъ, но и по спорамъ по договорамъ и обязательствамъ на сумму не свыше 15 рублей, а равно и по спорамъ о земельныхъ участкахъ доставшимся имъ въ надѣлъ. Обращаясь къ будущей организаціи волостныхъ судовъ нельзя прежде всего не замѣтить, что въ тяжбахъ между собою крестьяне первоначально обращаются къ сельскому старостѣ и при его участіи избирается такъ называемой *третной* судъ, судъ выборныхъ изъ нѣсколькихъ односельцевъ. Только при неуспѣшности этого суда окончить возникшій споръ между тяжущимися, крестьяне обыкновенно обращаются въ волостное правленіе. Эти двѣ судныя формы слѣдуетъ удержать, по нашему мнѣнію и на будущее время, такъ что недовольный третнымъ судомъ имѣетъ право жаловаться въ волость, гдѣ уже сельскій сходъ рѣшаетъ дѣло окончательно по существу. Въ этой второй выборной инстанціи, въ противоположность третнаго суда, рѣшеніе должно быть письменное. На рѣшеніе сельскаго схода недовольный можетъ приносить кассаціонную жалобу. Эту кассаціонную инстанцію необходимо учредить; ее можетъ образовать съѣздъ миро-

выхъ судей, т. е. судъ выборный съ одной стороны, а съ другой на съѣздѣ участвуетъ и прокурорскій надзоръ, который наблюдаетъ за правильнымъ примѣненіемъ формъ и обрядовъ судопроизводства, толкованіемъ закона и установившихся въ крестьянскомъ быту обычаевъ. Только кассаціонная инстанція вполнѣ гарантируетъ правильное отправленіе правосудія. Можетъ случиться, что третные суды и сельскіе сходы будутъ разрѣшать дѣла имъ неподсудныя, или разрѣшать несогласно съ установившимися обычаями. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мировой съѣздъ при участіи прокурорскаго надзора будетъ вѣрнымъ стражемъ за правильнымъ примѣненіемъ закона и обычаевъ. Такая организація волостнаго суда устранитъ думаемъ тѣ существенные недостатки нынѣ существующихъ волостныхъ судовъ, недостатки, зависящіе главнымъ образомъ отъ экономическаго состоянія крестьянъ, благодаря которому волостной судъ неимѣетъ никакой самостоятельности, онъ подверженъ всякаго рода вліяніямъ и главнымъ образомъ отъ сельскихъ старшинъ, которые всегда имѣютъ возможность выбранныхъ въ нынѣ существующіе волостные суды, судей по большей части крестьянъ бѣдныхъ замучить всякаго рода недоимками. Во вторыхъ такая организація волостныхъ судовъ сдѣлаетъ волостной судъ судомъ народнымъ, судомъ мирскимъ. Между тѣмъ какъ при настоящей организаціи волостныхъ судовъ имъ заправляетъ волостной писарь, который играетъ важную роль въ волостномъ судѣ. Сплошь да рядомъ при его участіи оканчиваются примиреніемъ такого рода уголовныя дѣла, которыя не подлежатъ по общему закону, примиренію. Наконецъ самый составъ третнаго суда и волостнаго схода будетъ слагаться изъ лицъ дѣйствительно заслуживающихъ уваженія, людей выборныхъ, мирскихъ. Между тѣмъ какъ въ настоящее время въ судьи выбираютъ крестьянъ зависимыхъ, бѣдныхъ, на которыхъ волость возлагаетъ, за невозможностью получать съ нихъ повинности, своего рода повинность—отправленіе судейскихъ обязанностей.

Оканчивая настоящую замѣтку мы надѣемся, что люди болѣе насъ компетентные разсмотрятъ настоящій вопросъ всесторонне и тѣмъ облегчатъ задачу Высочайше утвержденной комиссіи о преобразованіи волостныхъ судовъ.

Л. Снегиревъ.

7 декабря 1872 года

VII — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) Дѣло правленія Англійскаго Общества освѣщенія гор. Москвы текучимъ газомъ, о возвращеніи ему представленныхъ имъ въ Окружной Судъ судебныхъ пошлинъ. 31

2) Дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Котова съ Обществомъ Московско-Рязанской желѣзной дороги. 36

3) Дѣло дочери полковника Сулимы съ купчихою Епанешниковой. 73

4) Извлеченіе изъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.—**А. М. Хоткевича.** 86

VIII. — ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ. — **Д. П. Тихомирова.** 48

IX. — КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ О ДИССЕРТАЦІЯХЪ ЗАЩИЩЕННЫХЪ БЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ ЯНВАРЯ ПО АПРѢЛЬ 1872 г.—**В. Н. Лешкова.** 56

X. — НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ 20 НОЯБРЯ 1864 ГОДА ГГ. АНИСИМОВА И НЕСТЕРОВА. Присяж. пов.—**А. И. Харламповича.** . 106

XI. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ: ЗАМѢТКА КЪ ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ — **Л. Ф. Снегирева** 113

ОБЪЯВЛЕНІЕ:—Объ изданіи **Юридическаго Вѣстника** въ 1873

Юридическій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1873 ГОДУ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 5 ДО 8 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ И БОЛѢЕ.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083626
ЮФ СПбГУ